

БѢЛЫЙ КАМЕНЬ

АЛЬМАНАХИ
ИНДИВИДУАЛЬНАГО
ИСКУССТВА
И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
МЫСЛИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

1907
Типографія
К.Л. Меньшова
Москва, Арбатъ,
Никольскій, д. 31.

БѢЛЫЙ КАМЕНЬ

АЛЬМАНАХЪ ПЕРВЫЙ

С. Т. КОНЕНКОВЪ. Скульптура—гипсъ. По сюжету стих. Анат. Бурнакина: «Есть Камень Бѣлый».

С. Т. КОНЕНКОВЪ. Скульптура—гипсъ. По сюжету стих. Анат. Бурнакина: «Есть Камень Бѣлый».

БѢЛЫЙ КАМЕНЬ

ЦИКЛЪ

I. ЕСТЬ КАМЕНЬ БѢЛЫЙ

На Черномъ морѣ есть Камень Бѣлый.
Есть Камень Бѣлый—сухой изломъ.
На немъ недвижно, какъ изваянье,
Сидитъ застывшій и онѣмѣлый
Въ суровой грезѣ о воздаяньи
Орелъ съ разбитымъ больнымъ крыломъ.

И взоръ орлиный—колючій-жгучій,
Пытливо-жадно, сверкая зломъ,
Кого-то ищетъ, чего-то хочетъ.
Но нѣтъ отвѣта въ дали зыбучей.
Лишь море мѣрно буравитъ-точитъ
Пріютъ орлиный—сухой изломъ.

И брызжутъ слезы на Камень Бѣлый.
И свѣтятъ слезы безсильнымъ зломъ.
То мрачно грезитъ о воздаяньи,
То плачетъ гнѣвный и онѣмѣлый
И неподвижный, какъ изваянье,
Орелъ съ разбитымъ больнымъ крыломъ.

II. ПОБѢГЪ

Я не могъ быть машиной послушной.
Проклиная корабль-великанъ,
Сбросивъ цѣпи команды бездушной,
Вольно прыгнулъ я съ мачты воздушной
Въ чернозыбный ночной океанъ.

И поплылъ я въ веселіи юномъ,
И, смѣясь, ударялъ я въ потьмахъ
По гремящимъ разгнѣваннымъ струнамъ
И бросалъ я навстрѣчу бурунамъ
Изступленный широкій размахъ.

Надо мною мерцающимъ бликомъ,
Бѣлымъ призракомъ ночи и грозъ,
Вдохновенно, въ стремленьи великомъ,
Колыхался съ ликующимъ кликомъ
Длиннокрылый вожакъ-альбатросъ.

Онъ бодрилъ изнемогшія силы,
Онъ кружилъ путеводно во мглѣ,
Онъ вдыхалъ опьяненіе въ жилы,—
И я выплылъ изъ пасти могилы
Къ бѣлогрудой царицѣ-скалѣ.

Отдыхаю на выступѣ твердомъ,
На постели изъ Бѣлыхъ Камней,
И взираю въ спокойствіи гордомъ,
Какъ змѣится вдали за фіордомъ
Злобный блескъ корабельныхъ огней.

III. ПСАЛОМЪ

Жжемъ мы костры, ждемъ у горы,
Смотримъ въ высокія дали.
Много ужъ дней тамъ, средь камней,
Руки простерши въ печали,
Въ блескѣ зарницъ падая ницъ,
Молитъ Пророкъ намъ Скрижали.

Сжалься, Пророкъ. Тяжекъ нашъ рокъ.
Душатъ боязни вериги.
Встань на стезѣ въ бурѣ-грозѣ,
Въ ярко-ликующемъ мигѣ,
Свѣтелъ, какъ день, къ небу воздѣнь
Твердыя Бѣлыя Книги!

Радость! Гроза блещетъ въ глаза.
Съ грохотомъ вьются перуны.
Свѣтъ на горахъ. Падайте въ прахъ,
Бейте въ привѣтныя струны,
Пойте хвалу!—Гнѣвно сквозь мглу
Вспыхнули бѣлыя руны.

Сходитъ Пророкъ съ вышнихъ дорогъ,
Къ небу воздѣвши Скрижали.
Новый Законъ сноситъ намъ онъ.
Новый Законъ Беззаконья
Мы на вершинахъ стяжали.
Дайте жъ обѣтъ—помнить Завѣтъ!
Каждый клянись на кинжалѣ!

Льютъ съ крутизны блескъ бѣлизны
Мощныя доски Завѣта.
Четко на нихъ вырѣзанъ стихъ...
Бейте въ тимпаны привѣта!
Черный же страхъ спалимъ въ кострахъ,
Гаснущихъ въ славѣ разсвѣта!

IV. ПѢСНЯ ВАЯТЕЛЯ

Вотъ лежитъ онъ глыбой бѣлой,
Безобразною, большой.
И стою я, оробѣлый,
Съ молчаливою душой.

Часъ прійдетъ. И въ пропасть канетъ
То, что очи мнѣ туманитъ.
Чей-то свѣтлый призракъ встанетъ,
Жадно-остро въ сердце взглянетъ
И захватитъ и потянетъ
Къ бѣлокаменной груди.

Ясный обликъ впереди.
А въ рукахъ рѣзецъ и молотъ.
Утолю теперь я голодъ.
Я—ваятель, я—творецъ,
Я—съ бездушностью борецъ!

Въ камень бѣлый, въ камень горный,
Неподвижный, непокорный,—
Я влагаю трудъ упорный,
Я вонзаю острый, черный
Огневой рѣзецъ.

Подъ моей рукою смѣлой
Оживаетъ камень бѣлый.
Милый близкій обликъ въ немъ.

То, что въ грезахъ колыхалось,
То, о чемъ давно вздыхалось
Въ ночь глухую, шумнымъ днемъ—
То теперь воскресло въ камнѣ.
И, какъ грудь жены, близка мнѣ
Бѣлокаменная грудь!

Безъ мечты о воздаяньи
Я воздвигну изваянье
И на вѣки обаянье
Въ камень бѣлый я вдохну.

Я въ холодномъ камнѣ горномъ,
Молчаливомъ, непокорномъ,—
Трепетъ жизни всколыхну!

Анат. Бурнакинъ

Ночью рождаются странные звуки—
Шорохи, шопоты, мягкіе стуки.
Ночью колеблются очерки тѣней
Въ медленномъ танцѣ неясныхъ сплетеній.

Ночью шуршатъ отжитого страницы,
Легкимъ извивомъ бѣгутъ вереницы
Мыслей разорванныхъ, грезъ торопливыхъ,
Образовъ дальнихъ туманныхъ, пугливыхъ.

Ночью блѣднѣютъ-уходятъ границы
Стѣнъ заколдованныхъ, пологовъ душныхъ.
Катятся волны просторовъ воздушныхъ.
Тонутъ въ нихъ призраки злые-дневные,—
Сонные облики масокъ бездушныхъ,
Толпы уродцевъ нарядныхъ, нахальныхъ,
Скалящихъ дряблые зубы вставные.

Тише, все тише бѣгъ мыслей мятежныхъ.
Слышится эхо напѣвовъ пасхальныхъ,
Льется сіяніе ширей безбрежныхъ,
Манитъ-несетъ подъ лазурные своды.

Ясно-привольно въ жемчужныхъ палатахъ.
Тихо плывутъ и звенятъ хороводы
Дѣвушекъ съ арфами, свѣтлыхъ крылатыхъ,
Юношей бѣлыхъ въ серебряныхъ латахъ.

Ласково клонятся къ юношамъ дѣвы,
Мечутъ желаннымъ отвѣтные взоры,
Чертятъ на струнахъ словъ нѣжныхъ узоры,
Милымъ-желаннымъ бросаютъ напѣвы.

Вотъ отдѣлилися плавно отъ круга
Юноша съ дѣвой, обняли другъ-друга.
Брачится Пламень съ Любовью великой—
Трепетный юноша съ дѣвушкой чистой.
Жжетъ поцѣлуемъ онъ грудь ясноликой,
Кутаетъ онъ ее тогой лучистой,
Въ облакѣ бѣломъ возноситъ подъ своды,
Тонетъ съ невѣстой въ опаловомъ блескѣ.

Тихо плывутъ и звенятъ хороводы,
Радостно славятъ любовь новобрачныхъ.
Носятся крыльевъ мерцающихъ всплески,
Вьющійся шелестъ хитоновъ прозрачныхъ.

Анат. Бурнакинъ

НА МОРСКОМЪ БЕРЕГУ

На морскомъ берегу
Я ее берегу,
Обнимаю я трупъ ледяной.
Я одинъ съ ней въ предутренней гавани.
На колѣняхъ моихъ она въ саванѣ
Изъ зеленой травы водяной...
О, проклятый старикъ-Водяной!
Тихимъ плескомъ завлекъ,
Задушилъ и въ зеленыя травы облекъ
И на днѣ много дней
Потѣшался надъ ней...
Разметались двѣ черныхъ косы
На пескѣ смутножелтой косы...
Ея тѣло, какъ синяя сталь, ея взоръ—голубое стекло.
Съ ея щекъ мнѣ на руку двѣ капли стекло,
Двѣ холодныя капли предутреннихъ росъ...

Съ нею вмѣстѣ я росъ,
Полюбилъ, а теперь я—одинъ... Я дрожу, я дрожу
И въ объятьяхъ держу
Трупъ жены и въ лицо ей гляжу...
Слезы щеки мнѣ жгутъ.
То вдругъ холодъ ударитъ по тѣлу, какъ жгутъ,
То вдругъ жаромъ пахнетъ. Я дрожу, я дрожу...
Затаилось молчанье въ зрачкахъ помутившихся глазъ.
Не отвѣтитъ она на мой воющій гласъ.
И никто не отвѣтитъ. Кому же повѣдать? кому же?..
Чернокрылое горе трепещетъ въ склонившемся мужѣ.
Раскаленныя слезы я лью на синѣющій трупъ...
Ахъ, не встанетъ супруга.
Не прильнетъ, ужъ къ груди молодого супруга...
Пусть же міръ содрогнется отъ гнѣвнаго выкрика трубъ!
И не Ангелъ, не Бѣсъ—
Пусть Самъ Богъ отзовется съ небесъ!
Пусть повѣдаетъ Онъ предразсвѣтной землѣ,
Что—одинъ я, одинъ,—
Пусть проснется земля и рыдаетъ со мной!

Анат. Бурнакинъ

Схватила-опутала кольцами влажныхъ объятій. Шершавою льдиной насѣла на грудь. Желѣзными спазмами горло замкнула.

И, вздрогнувъ, застыло движенье. И замеръ о помощи крикъ.

Безглазая ночь припадаетъ къ лицу. Цѣлуетъ въ покорныя губы.

Вливается въ сердце сырой поцѣлуй. Въ немъ проблески гаситъ.

Смываетъ съ остывшаго сердца мерцающій пепелъ надеждъ.

Не ропщетъ усталое. Въ мягкихъ тенетахъ покоя размѣренно бьется холодная слабость.

Надвинулась властно ночная пустыня.

Съ улыбкой довольства въ ней плещется-тонетъ истлѣвшій Порывъ.

Безпомощно бьется и, съежившись, чахнетъ-смолкаетъ былой повелитель-Хочу.

Обрывки желаній неясныхъ и дряблыхъ разсѣянно бродятъ. Растерянно бродятъ.

Какъ осенью тучи надъ ржавымъ болотомъ.

Исхода имъ нѣтъ. И не будетъ. Не будетъ.

И тихая жажда настойчиво ноетъ въ груди опустѣлой.

Настойчиво тянетъ къ проваламъ.

Анат. Бурнакинъ

ОДИНОКІЙ ВИТЯЗЬ

Одинокій витязь—дубъ на перепутьи.
Полуголый, черный смотритъ сиротой.
Съ рукъ его спадаютъ желтыя лоскутья,
Нехотя ложатся подъ откосъ крутой.

Вѣтеръ ихъ подыметъ, набросаетъ ворохъ
И чего-то шаритъ-шелеститъ вокругъ,
Словно что-то ищетъ. Долго слышенъ шорохъ.
Не найдетъ,—озлится и размечетъ вдругъ.

Безутѣшно вьются прежней славы хлопья,
Носятся по волѣ вихрей буревыхъ.
Смотритъ черный витязь... и роняетъ копья.
Много ихъ опало—сломанныхъ кривыхъ.

Въ придорожной кучѣ зыблется, какъ вѣха,
Тонкая верхушка сохлаго копья.
Пляшетъ возлѣ вѣтеръ. Весело. Потѣха.
Много навалило желтаго тряпья.

Анат. Бурнакинъ

МОЛОТЪ

Жгучія слезы, въ крови перевитыя,
Канули въ нѣдра земли.
Бѣлые камни, столѣтьями слитые,
Тяжко въ землѣ залегли.

Съ бѣлою глыбою—съ молотомъ каменнымъ
Страстныя руки скуемъ.
Бурнымъ размахомъ, какъ молнія, пламеннымъ
Тайны запретъ разобьемъ.

Дм. Кудрявцевъ

ШУТЪ

Если горе на грудь налетитъ, какъ вампиръ,
Не дрожи, не склоняй головы.
Пусть подъ звонъ шутовства, вдалекѣ отъ молвы,
Совершается сумрачный пиръ.

Коль съ докучнымъ участьемъ прихлынетъ молва,
Злой насмѣшкой ее отплесни.
Какъ холодныя волны, затопятъ слова,
Но не смоютъ страданья они.

Коль не въ силахъ разбить ледяные тиски,
Пусть не слышатъ стенаній тоски.
Вопль въ желѣзную тайну сокрой, заточи
И, скорбя, хохочи, хохочи.

Дм. Кудрявцевъ

МИРАЖЪ

Глубокій сумракъ ночи. Въ степи пустой, придавленная тайной, приникла, сгорбившись, уродъ-старуха. Чернѣютъ впадины слѣпыя вмѣсто глазъ. Изъ вялыхъ губъ торчатъ клыки гнилые. И руки хищныя сжимаютъ пряди цѣпей ползучихъ.

Темно и тихо. Тихо.

Во мракѣ цѣпи прозвенѣли. И страненъ тихій дробный перезвонъ. Сухіе пальцы скорчились плотнѣе. Издалека донесся шумъ какой-то. Не то молящій стонъ.

Вотъ замотался вѣтеръ въ темнотѣ. На тонкій крикъ цѣпей отрыгнулись угрозно глухіе возгласы разгнѣваннаго грома. Зашевелилась темная старуха. Заворошилися лохмотья одѣянья. Лицо незрячее тревожно обратилось. Но гулъ встаетъ вездѣ, растетъ, сливается... Воспрянула косматая старуха. Рванула, скорчившись, тяжелыми цѣпями. И тишина нависла снова.

Шипятъ, мерцаютъ тускло, ползутъ, качаясь тяжко, волны и сладострастно ластятся къ уроду. Старуха ждетъ. Плывутъ гнилыя доски. Кривые гвозди ржавые торчатъ. Земли могильной комья съ нихъ не смыты. Растетъ таинственный корабль, и сѣть снастей на мачтахъ виснетъ.

Скривила злобно мертвенныя губы, на палубу вступила. И медленно во мракѣ тихомъ поплылъ корабль по зыби тяжкой.

Дрожитъ отъ смѣха мрачная старуха. Чернѣютъ впадины слѣпыя. Изъ вялыхъ губъ торчатъ гнилые зубы.

Заклокотало море, взметнулось пѣнистымъ хребтомъ. Въ испугѣ мертвый мракъ отпрянулъ. И на пути предъ кораблемъ въ одеждѣ влажной, смоченной въ крови, возстала Дѣва грозно-лучезарно. Затрепетала гнѣвомъ безпощаднымъ, и взоромъ огненнымъ корабль испепелила.

Пропало все.

Волнуются лѣнивые хлѣба. Блеститъ рѣка на солнцѣ зыбью. И пѣсня слышится вдали, сливается съ глубокимъ шумомъ лѣса.

Дм. Кудрявцевъ

Помнишь, мы плыли въ тиши.
Весла вода обнимала.
Безсильная—снова дремала.
Пряталась зыбь въ камыши.

Были мы только вдвоемъ.
Внимательный мѣсяцъ приникъ
Къ уснувшимъ деревьямъ прибрежнымъ.
И отблескъ скользящій возникъ
На блѣдномъ нарядѣ твоемъ
Узоромъ и страннымъ и нѣжнымъ.

Въ небѣ нѣмомъ и въ водѣ
Разбросанной легкой толпою
Созвѣздья неслись за тобою.
Смѣялися тамъ—въ темнотѣ.

Въ лучащейся мглѣ надъ волнами
Мелькали проворныя мыши.
Лукаво слѣдили за нами.
Скрывалися въ темныя ниши.

Мерцанье и звѣзды и травы
Тогда замѣняли слова.
И нѣгою сладкой отравы
Пьянила нѣмая молва.

Дм. Кудрявцевъ

ЧАСОВОЙ

Съ поста не уходи.
Измѣнитъ тишина.
Пустыня впереди.
Таитъ враговъ она.

Точи острѣе взоръ.
Пронзай туманы дали.
Страшись. Придетъ позоръ,
Наложитъ звенья стали.

А дома пусть поютъ
И манитъ пусть порогъ.
Гдѣ грѣетъ всѣхъ уютъ—
Не нуженъ браннiй рогъ.

Стой на часахъ.
Зорко гляди.
Даль въ небесахъ.
Мгла впереди.

Дм. Кудрявцевъ

ТЬМА

Тихо возникла. Незримо вползла.
Свѣточъ въ душѣ погасила.
Сгинули призраки блага и зла.
Сномъ зачарована сила.

Тѣни таинственно-быстро бѣгутъ.
Слились въ безбрежныя ночи.
Отсвѣты трепетно-блѣдные лгутъ.
Тусклы усталыя очи.

Глубью зiяютъ объятья земли.
Тонутъ въ покоѣ несытомъ.
Тучи погасли въ закатной дали.
Тихо туманы на землю легли.
Вздохи въ просторѣ сокрытомъ.

Дм. Кудрявцевъ

НАДЪ ДНѢПРОМЪ

Я стою высокó-высокó надъ Днѣпромъ
И смотрю, какъ раскинулся Кіевъ кругомъ,

Какъ блестящій на солнцѣ и чистый, какъ сталь,
Днѣпръ уносится быстро въ туманную даль.

Я смотрю, какъ блестятъ на соборахъ кресты,
Какъ повисли вдали надъ водою кусты

И какъ чайка, кружась все на мѣстѣ одномъ,
Задѣваетъ волну серебристымъ крыломъ.

П. К. Левицкій

Я одинокъ, какъ на скалѣ высокой
Надъ моремъ пѣнистымъ безпомощный цвѣтокъ,
Какъ уходящій вдаль въ пескахъ степи широкой
И изнывающій отъ зноя ручеекъ...

Я—одинокъ, какъ въ безконечномъ морѣ
Волна холодная среди своихъ подругъ.
Я одинокъ, какъ одиноко горе
Вдовы на кладбищѣ, гдѣ спитъ ея супругъ.

П. К. Левицкій

ЗИМНЕЕ

За широкой равниною снѣжною,
Надъ замерзшей рѣкой низкобрежною—
Въ бѣломъ инеѣ аспидный лѣсъ.

А надъ лѣсомъ—какъ міръ, безконечныя,
Недоступныя, тайныя, вѣчныя
Дали мутныя хмурыхъ небесъ.

Въ сторонѣ—какъ небрежными точками,
Окропленные мерзлыми кочками,
Блики ясные льдистыхъ болотъ.

Надъ холмами съ вершинами голыми
Крупный снѣгъ лепестками веселыми
Пролетаетъ съ небесныхъ высотъ.

По дорогамъ, истоптаннымъ вьюгами,
Изогнутымъ причудливо дугами,
Сизый дымъ расползается мглой...

Окна избъ расцвѣчены морозами,
Бьется въ двери, въ оконца съ угрозами
Вѣтеръ-старецъ растрепанный, злой.

Онъ надъ избами, словно надъ гробами,
Безшабашно играетъ сугробами,
Дико машетъ вѣтвями сосны.

Но деревнѣ, поникнувшей съ голоду,
Какъ бы на-зло колючему холоду,
Снятся яркіе, чудные сны,

Съ золотыми, какъ солнце, видѣньями,
Что, сплетаясь лучистыми звеньями,
Напѣваютъ о волѣ весны.

Дм. Богдановъ

УТРО

Взошла заря—румяное дитя,
Рожденное для смѣха и веселья—
Вершины горъ улыбкой золотя,
Сгоняя тьму въ глубокія ущелья.

За ней спѣшитъ лучистый Геліосъ
На огненной, летящей колесницѣ.
Луга зажглись сіяньемъ яркихъ росъ.
Цвѣтущій лѣсъ—какъ зелень на божницѣ.

Но въ городѣ, гдѣ медленный разсвѣтъ
Встаетъ—какъ скорбь, весь блѣдный, закопченный,
Ни радости, ни ласки утра нѣтъ,
Какъ нѣтъ зари воздушно золоченой.

Фабричный дымъ, надъ нимъ, всегда усталымъ,
Закрылъ лазурь туманнымъ покрываломъ.

Дм. Богдановъ

Какъ душа, отходящая въ Вѣчность,
Вся дрожитъ, разставаяся съ тѣломъ,—
Такъ и ты, молодая стыдливость,
Вся дрожишь при свиданьи несмѣломъ.

Ты не бойся. Вѣдь грубо, насильно
Не притронусь къ твоей красотѣ я,
Не дотронусь до нѣжнаго тѣла,
Что сіяетъ, во мракѣ бѣлѣя.

Ты закрой обнаженное тѣло
Легкой тканью ночной темноты
И отдайся безъ страха, любовно
Моимъ ласкамъ невиннымъ, какъ ты!

Дм. Богдановъ

ВЕЧЕРОМЪ

Тревожный день усталъ.
Мятежное все—таетъ.
На небѣ мирно догораетъ
Вечерней кротости опалъ.

И, робкая, тогда
Несмѣло, чуть замѣтно,
Гдѣ день отходитъ многоцвѣтно,
Зажглася первая звѣзда.

И сонмъ другихъ за ней,
Чѣмъ тьма съ восхода ближе,
Чѣмъ полоса багрянца ниже,
Все разгорается яснѣй.

Прощай, слѣпящій день.
Свѣтъ вѣчныхъ звѣздъ скрывая,
Въ юдольный міръ насъ замыкая,
Все что̀ даешь ты людямъ—тѣнь,

Тѣнь лживая, какъ сонъ,
Подъ радужной одеждой
И подъ измѣнчивой надеждой
Таящій безнадежный стонъ.

Печаль, обиду, страхъ,
Отчаянье, сомнѣнье,
Ты, какъ змѣю средь наслажденья,
Даришь намъ скрытыя въ цвѣтахъ.

Оставь насъ, лживый. Прочь.
Уйди пора страданій,
Борьбы и суетныхъ желаній.
Съ востока тихо всходитъ ночь.

И правда лишь теперь
Съ нетлѣнными всплываетъ,
О безконечности вѣщаетъ
И бездны отмыкаетъ дверь.

Модестъ Чайковскій

ВЪ ЧАСЫ ПРЕДУТРІЯ

Длительны, томительны и грозны
Предразсвѣтные часы
Чуждыя, такъ съ нами страшно розны
Таинства полуночной красы.
Странное, безплотное все ближе,
Близкое такъ страшно далеко.
Милое, завѣтное, взойди же,
Встань на небѣ высоко!

Холодно. Поникло все и снами,
Точно смертью, сражено.
Тихими, но вѣрными шагами
Близится туманное ничто.
Свѣтлыя давно померкли грезы.
Каплями росы въ нѣмой мольбѣ
Плачетъ все. О солнце, это слезы,
Это слезы по тебѣ!

Дрогнущихъ, поникшихъ, безнадежныхъ
Зноемъ страсти отогрѣй,
Звѣздную безстрастность—лаской нѣжныхъ
Вкрадчиво—живительныхъ лучей.
Вѣчности зіянье скрой привѣтной
Кротостью лазури. Призови
Снова блескомъ ризы многоцвѣтной
Въ узы свѣта и любви!

Модестъ Чайковскій

УТРОМЪ

И ночь, и день, и сумрачныя тѣни
Невзгодъ, и лучъ удачъ—все въ благо намъ.
Все разноцвѣтныя ступени
Къ невидимымъ загробнымъ берегамъ.
Всхожу по нимъ, страдая и ликуя,
Смѣясь и плача, въ ясности и въ мглѣ,
Сквозь ужасы, сквозь радости иду я
Пришедшимъ отъ земли—къ землѣ,
Но несмѣняемымъ, со мною неразлучнымъ,
Все дальше, дальше въ высь,
Гдѣ свѣтъ и мракъ, нѣмое съ вѣчно-звучнымъ,
Начало и конецъ слились
Въ одно, чего не постигаю,
Но смутно жду.
Куда иду?—Не знаю я, не знаю.
Но знаю, что дойду!

Модестъ Чайковскій

День суетливый, день говорливый
Затихъ-угасъ.
Земля вздыхала въ мольбѣ тоскливой
Въ вечерній часъ.

Огромной грудью она вздыхала:
—Услышь, Творецъ!
Отъ зла и крови я такъ устала.
Когда жъ конецъ?

Молчало небо. И въ немъ высоко
Звѣзда зажглась.
Смотрѣлъ безстрастно и одиноко
Небесный Глазъ.

Тревожно вѣтеръ на сжатомъ полѣ
Въ снопахъ свистѣлъ,
Шептался съ ними о счастьѣ-долѣ
И въ даль летѣлъ.

Промчался поѣздъ. Желѣзнымъ крикомъ
Безмолвье рвалъ.
И желтымъ глазомъ, и ревомъ дикимъ
Куда то звалъ.

И смолкъ нежданно. Вздыхала странно
Вселенной Дочь.
Въ одеждѣ черной, звѣздами тканной,
Явилась Ночь.

К. Яновскій

Надъ пучиной Бездны, въ Океанѣ зноя
Мечетъ брызги молній, плещетъ валъ зарницъ.
Нѣтъ ему нигдѣ покоя,
Сна глухихъ гробницъ.

Съ горъ-высотъ безкрайныхъ въ Ризницѣ Нетлѣнной
Бьется-рѣетъ въ Бездну водопадъ свѣтилъ...
Нѣтъ для нихъ мечты мгновенной,
Брошенныхъ могилъ.

Дѣтямъ златогрудымъ Вѣчнаго Безумья
Края нѣтъ въ Пучинѣ, въ Безднѣ береговъ.
Нѣтъ для нихъ минутъ Раздумья,
Медленныхъ шаговъ.

Сергѣй Клычковъ

ЛѢСОВИКЪ *

Я родился на постели
Колкихъ иголъ, мховъ,
Я качался въ колыбели
Смоляныхъ сучковъ.

Водяниха на крестины
Съ водянымъ пришла.
На корягахъ у плотины
Изъ зеленыхъ нитокъ тины
Мнѣ рубашку водяниха, вѣдьма старая, сплела.

Хмурый, дикій въ дымной хатѣ
Я съ шишигой росъ.
Шелъ я въ чащѣ, какъ въ палатѣ,
А вокругъ толпились рати
Сосенъ-старцевъ величавыхъ, и сѣдыхъ, какъ лунь, березъ.

Дядя Вѣтеръ вдругъ изъ тучи
Прыгнетъ на крыльцо,
Прянетъ лѣсомъ, пьяный, злючій,
Завернется въ листья-кучи
И поетъ и нѣжно гладитъ мшистой лапой мнѣ лицо...

То плутовски спрячетъ рыло
За сухимъ дупломъ,
Все разскажетъ: гдѣ-что было,
Гдѣ лѣшиха кладъ зарыла,
Подъ какой гнилою плахой, подъ какимъ кустомъ.

Ночью Мѣсяцъ, утромъ Солнце
Выйдутъ въ облака,
Засмѣются мнѣ въ оконца.
Сыплютъ сверху въ лѣсъ червонцы,
Сыплютъ горстью въ дыры, въ щели на солому чердака.

Сергѣй Клычковъ

ЗАКАТЪ

Стальная гладь
Безмолвный ликъ небесъ
Манила вглубь, въ задумчивыя воды.
И тучекъ прядь,
И золотистый лѣсъ
Звала къ себѣ въ обернутые своды.

Ласкалъ закатъ
Плѣнительную сталь,
На грудь упалъ безумецъ златоокій.
Въ ней бури спятъ,
И солнца ей не жаль.
Отъ ласкъ у ней стыдливо рдѣютъ щеки.

Г. Забѣжинскій

Мракъ ненастный влюбляется въ небо лазурное,
Холодъ сѣверной ночи—въ зной южнаго дня,
Тишь стеклянная—въ смерчъ, въ море злобное, бурное,
Ты—ребенокъ безкрылый—влюбился въ меня.

Ослѣпилъ тебя взоръ мой лучами колючими,
Знойный ядъ тебя въ пепелъ сухой обратилъ.
Захлебнулась волнами-страстями кипучими.
Адскій смерчъ тебя пылью морской закрутилъ.

Г. Забѣжинскій

СЛІЯНЬЕ

Въ знойной пещерѣ, дышащей ядомъ,
Властно засѣла жуткая тьма.
Только украдкой, трепетнымъ рядомъ,
Къ стѣнамъ пришита солнцемъ тесьма.

Виснетъ угрозой сводъ изъ гранитовъ.
Плесень на стѣнахъ. Воздухъ сырой.
Въ высь устремился рядъ сталагмитовъ,
Внизъ сталактитовъ свѣсился строй.

Жадно стремятся внизъ сталактиты.
Крупныя слезы льются на дно.
Каждый взываетъ:„ Другъ мой, приди ты.
„Счастье слiянья рокомъ дано."

Слезы вздымаютъ вверхъ сталагмиты.
Съ каждой слезою выше они.
Каждый рыдаетъ: „Въ нѣдрахъ граниты
„Въ высь не пускаютъ, милый, взгляни".

Къ жаркимъ низинамъ, жаждой томимый,
Къ другу стремится внизъ сталактитъ.
Слезы роняетъ, чтобы родимый
Гордо поднялся вверхъ сталагмитъ.

Слезы роднятъ ихъ, муки сближаютъ,
Глухи граниты къ жгучей мольбѣ.
Слезы желаньемъ острымъ сжигаютъ—
Слиться красиво въ мощномъ столбѣ.

Г. Забѣжинскій

АРФА

Свершая печальныя тризны,
Рукою мечи ты перуны,
Но струны у арфы капризны,
Безсильныя, робкія струны.

О нѣтъ же, не звуки прощенья,
А буря вотъ-вотъ загрохочетъ,
Но Арфа безумію мщенья
Душой отозваться не хочетъ.

И только рыдаетъ невольно
Съ такой неизбывной тоскою,—
Пусть будетъ и жалко, и больно,
Разбей ее дерзкой рукою.

Ник. Русовъ

ВОЗМЕЗДІЕ

Зову я несчастье, я гибель вамъ, люди, зову.
Я ваши мечтанья и рабскую жизнь оборву.

Зажгу я жилища, и мечъ засверкаетъ въ рукѣ.
Довольно. Вы сами давно истомились въ тоскѣ

И сами клянете унылую участь свою.
Но грозныя пѣсни возмездія я запою.

Мнѣ Мстителемъ ввѣренъ и страшный и радостный даръ,—
Чтобъ были всѣ пѣсни, какъ молота тяжкій ударъ.

Ник. Русовъ

ДЕРЗАНІЕ

Безкрылыхъ думъ свинцовый грузъ
На днѣ души лежитъ.
И душно мнѣ средь тяжкихъ узъ —
Могильно-мертвыхъ плитъ.

И знаю. Жизнь угрюмо лжетъ
Съ усмѣшкой на устахъ.
И знаю. Сердце больно жжетъ
Докучной жизни прахъ.

Но я взорву свинцовыхъ думъ
Тяжелый грузъ на днѣ.
Глубокъ, какъ ночь, какъ тьма угрюмъ,
Я жить хочу въ веснѣ.

Хочу горѣть въ огнѣ лучей,
Въ дерзаніи огня.
Какъ путь далекъ, какъ путь—ничей,
Въ глубокомъ солнцѣ дня.

Я слышу зовъ, призывный зовъ:
„Гори, мой братъ, гори,
Твой жребій тяжекъ и суровъ,
Но онъ въ лучахъ зари“.

А. Крамаренко

ЗЛОВѢЩІЙ МИГЪ

Душа моя молчитъ. Надъ сѣрой пеленою
Сгустились тѣни мертваго утра,
Онѣ угрюмо спятъ тяжелою стѣною,
И нѣтъ для нихъ давно ни „завтра“ ни „вчера“.

Подъ ихъ поверхностью холодною и зыбкой
Застыла жизнь въ одеждѣ мертвеца
И трепетъ синихъ губъ мертвящею улыбкой
Змѣится въ сумрачныхъ чертахъ ея лица.

Надъ черною землей въ усталыхъ мукахъ свѣта
Молчитъ зловѣщій мигъ внезапный, но слѣпой.
Онъ тихо наросталъ. Онъ росъ изъ лѣта въ лѣто
Подъ молчаливою желѣзною стопой.

И глухо часъ пробьетъ. Затлѣетъ краснымъ жаромъ,
Взмахнется пылью пламенной зола,
И небо встрѣтится съ ликующимъ пожаромъ,
И бурей загремятъ въ душѣ колокола.

А. Крамаренко

НА МОРѢ

Гладь морская спитъ, усталая.
Пѣснь прибоя замерла.
Тихо тучка запоздалая
Въ аломъ небѣ проплыла.

Даль широкая, безбрежная
Рдѣетъ въ отблескѣ лучей.
Чуть мерцаетъ зорька нѣжная
Робкимъ пламенемъ свѣчей.

И надъ лодкой, въ морѣ тающей,
Пріукрытой синевой,
Весь багровый, весь пылающій,
Всходитъ мѣсяцъ огневой.

Спитъ ужъ, дымкою одѣтая,
Въ морѣ желтая коса.
И, какъ пѣсня не недопѣтая,
Замираютъ паруса...

Н. Киселевъ

ГОРНЫМЪ ПУТЕМЪ

Путь къ Солнцу-счастью—средь скалъ и терній.
Но кто стремленье таитъ въ крови—
Идемъ смѣлѣе. Отвергни робость.
Борьбы блаженство зови—лови!

Смѣлѣй! Свободнѣй дорога въ гору.
Свѣжѣе воздухъ. Вольнѣе грудь.
Тамъ въ скалахъ грозныхъ найдемъ опору.
И дальше—къ Солнцу—прорубимъ путь.

Изъ глыбъ гранитныхъ любовью слѣпимъ
Дворцы побѣды, дворцы труда.
Лучами Солнца мы сводъ украсимъ,
Съ напѣвомъ счастья войдемъ туда.

Кто жаждетъ Солнца—за мною въ горы,
Средь скалъ и терній отыщемъ путь.
Покинь долины, отвергни норы.
За мною—къ Солнцу. Боязнь забудь.

Мих. Громыка

ЦВѢТЫ

На улицѣ суетливо-шумно катилась рѣка жизни, а здѣсь, въ цвѣточномъ магазинѣ, было тихо, красиво, печально.

Пестрой волной взбѣгали цвѣты по сторонамъ.

Плескали красками. Ароматомъ дышали. Мечты земли—они задыхались въ каменной коробкѣ. Тосковали, точно невольники, собранные со всѣхъ концовъ свѣта. И, какъ грустныя мысли ихъ, плавали въ комнатѣ тонкіе неуловимые запахи.

А за ними ухаживали. Ставили по бокамъ зеркала. Сажали въ въ причудливыя корзинки. Въ пестрыя ленты рядили.

И продавали.

Цвѣты грустили. Цвѣты мечтали. Грезили. Вспоминали о чемъ то далекомъ-далекомъ, что сокомъ переливалось въ глубокихъ стебляхъ, что въ солнечномъ лучѣ сквозило и тянулось изъ влажной земли.

Серебристый ландышъ вспоминалъ лѣсъ. Говорливый лѣсъ, полный веселыхъ бѣгающихъ бликовъ. Тамъ была зеленая тѣнь. Тамъ болталъ что-то ручей. Великаны-деревья гудѣли въ вышинѣ.

Грезили розы о тихомъ садѣ, гдѣ поетъ влюбленный въ свѣтлую ночь соловей, проходятъ неясные шорохи, и нѣжится все въ прозрачномъ полуснѣ.

Поникъ эдельвейсъ стыдливый. Далеко на царственныхъ высотахъ, среди снѣговъ, живутъ его братья. И смотрятъ они въ близкое небо.

Простыя незабудки! Синія-синія!

Гдѣ же раздолье полей, вѣтеръ ласковый, солнце теплое?

Рядомъ нѣжныя лиліи. Дальше резеда скромная, сирень душистая, пальмы-карлики...

Много-много было ихъ здѣсь — красивыхъ, тоскующихъ, покорно ожидающихъ и такихъ разныхъ, какъ люди въ толпѣ.

Они грустили. Они мечтали. Грезили.

Когда приказчица блѣдная, хрупкая, сама похожая на одно изъ этихъ нѣжныхъ растеній — смотрѣла на цвѣты, въ ней подымалась и зыбилась волна легкихъ воспоминаній.

Она мечтала. Она грустила. Грезила.

Настоящимъ становилось прошлое.

Вотъ придвинулся лѣсъ — густой, задумчивый и ласковый, какъ добрый другъ.

Степь раскидывалась и манила куда-то своей одноцвѣтностью.

Шла днемъ, и солнечные лучи били съ неба.

Шла ночью, и луна обливала ее прозрачнымъ свѣтомъ.

Раннее утро, когда еще только первые красноватые лучи солнца пробѣжали, ластясь по землѣ.

Въ открытое окно врывается утренняя свѣжесть и ароматъ цвѣтущаго сада, точно брачнымъ покрываломъ покрытаго.

А любящій и любимый смотритъ ей въ глаза обнаженнымъ нелгущимъ взоромъ.

И, какъ тогда, всеобъемлющее чувство выросло въ душѣ.

И, какъ тогда, улыбнулась и запѣла что-то веселое.

Запѣла и сразу смолкла.

Какъ будто звукъ, разбившій тишину, разбилъ и ея красивые образы.

Стало ясно—до ужаса ясно,—что это прошлое, это—было.

А настоящее безнадежно, какъ стѣна тюрьмы.

И она знаетъ, что скоро должна умереть.

Она смотритъ въ зеркало на свое блѣдное призрачное лицо и ей жаль себя, безумно жаль.

И страшно смерти.

Но ее можетъ спасти воздухъ, солнце.

Доктора посылаютъ на море, а она получаетъ такъ мало.

Ей плакать хочется.

Упасть на полъ хочется и биться въ отчаяніи головой.

Или побѣжать на улицу и просить людей, ползая на колѣнахъ.

— Денегъ дайте. Немного денегъ.

— Чтобы отогнать смерть. Я не хочу умирать!

И она плачетъ.

Плачетъ беззвучно.

Просто выкатились изъ большихъ глазъ двѣ ясныя слезы и упали на истертый прилавокъ.

Вотъ ворвалась шумная любопытная волна уличной жизни. Покупатели—офицеръ и красивая нарядная дама. Увѣренно и радостно они двигались среди толпы цвѣтовъ, тщательно подбирая букетъ. Офицеръ протягивалъ руку въ бѣлой перчаткѣ и цѣдилъ:

— Этихъ десятокъ. Вотъ тѣхъ побольше...

Приказчица шла за нимъ и рѣзала податливые, сочные, живые стебли.

Вчера еще вѣдь только голубыми глазами взглянули фіалки и должны умереть. Красивѣйшіе пали изъ многоцвѣтной, ароматной стаи.

Вотъ вырваны, и плотно притиснутые другъ къ другу — головка къ головкѣ, ровно обрѣзанные, связанные петлей ленты — образуютъ небольшой душистый кругъ.

Брошены за нихъ грязныя равнодушныя деньги, и унесены онѣ куда-то.

Одинъ ландышъ нечаянно обронили.

Приказчица шла и раздавила его пыльнымъ каблукомъ.

К. Яновскій

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Вотъ заглянулъ онъ въ прошедшее. Перевернулъ страницы жизни.

Тогда сверкнуло солнце.

Тогда улыбнулась ласково заря.

И чернымъ глазомъ взглянула ночь.

Ему шесть лѣтъ.

Проснулся онъ въ кроваткѣ съ перильцами изъ разноцвѣтныхъ шнурковъ и протянулъ пухлыя, розовенькія руки навстрѣчу золотому снопу солнечныхъ лучей.

Какъ живой этотъ снопъ отъ движущихся пылинокъ.

И ему весело, страшно весело. Такъ весело, что онъ громче вскрикиваетъ.

На крикъ входитъ няня-ворчунья.

— У-у безстыдникъ! Добрые люди давно встали, Богу помолились!—полусердито говоритъ она, начиная одѣвать его.

Онъ барахтается, хохочетъ и ни за что не желаетъ продѣть руки въ лифчикъ.

Наконецъ одѣтъ и умытъ.

Няня ставитъ его на колѣни передъ образомъ, на которомъ изображенъ строгій сѣдой старикъ.

Это—Богъ.

И онъ, серьезный притихшій повторяетъ покорно за няней слова молитвы.

Въ его дѣтской душѣ смутныя чувства любви, страха и раскаянія за что-то, что большіе называютъ грѣхомъ.

И уже самъ отъ себя безъ няни произноситъ свою молитву:

— Боженька! Спаси папу, маму, братьевъ, сестеръ и всѣхъ людей и меня тоже. И прости, что вчера побилъ Кольку!

Кончилась молитва, и снова онъ весь жизнерадостность и звонкій хохотъ.

Выпилъ наскоро молоко и выбѣжалъ на дворъ—огромный, заросшій сплошь высокой густой травой, съ полуразвалившимися сараями во всѣхъ углахъ, съ ветхимъ сквознымъ заборомъ, съ таинственными заповѣданными мѣстами.

Приносится сейчасъ же ватага друзей, босоногихъ, безъ шапокъ, безъ поясовъ, съ загорѣлыми лицами, выцвѣтшими волосами и глазами.

Это все работа солнца, которое и теперь уже пропекаетъ.

О, какая радость!

Они играютъ въ разбойники, въ прятки, въ лапту.

Барахтаются, словно купаются въ этой высокой ароматной травѣ.

Терпѣливо ловятъ рыбу на булавочные крючки въ кадкахъ съ зеленой загнившей водой.

Идутъ въ старый сарай съ дырявой мшистой крышей, гдѣ въ полумракѣ падаютъ сквозь щели розовые ручейки солнца.

Тамъ стоитъ старый запыленный тарантасъ, въ которомъ давно никто не ѣздитъ.

Одни впрягаются въ оглобли — это лошади. И скачутъ, и ржатъ и топаютъ буйно ногами, лихо нагнувъ голову и съ остервенѣніемъ грызя палочныя удила.

Онъ, какъ кучеръ, на козлахъ съ большимъ кнутомъ натянулъ туго веревки.

А остальные подъ кузовомъ—господа.

— Эй, голубчики, шевелись! — кричитъ онъ, стараясь подражать Якову и поетъ:

— Эй, вы, ну-ли! Что заснули!

Вдругъ бѣда! Онъ неосторожно больно ударилъ по голой икрѣ ретивую пристяжную, такъ лихо изогнувшую вбокъ голову.

Раздается крикъ. Пристяжная хнычетъ

— Какая же эта игра? Да...а...а! Ты думаешь, что кучеръ, такъ и можешь бить почемъ попало, по заправдашному?..

— У, нюня! Какая же ты лошадь? Развѣ лошади плачутъ. Смотри!— вонъ мнѣ губу до крови разорвали. Я не плачу — урезониваетъ коренникъ.

Все скоро улаживается. Обиженная пристяжная соглашается играть „въ охотники“, принимая на себя роль собаки.

И снова вой, лай, смѣхъ, плачъ, возня.

Потомъ бѣгутъ на рѣку, спокойно отдыхающую среди кудрявыхъ береговъ. И она любовно, какъ мать, принимаетъ ихъ въ свои теплыя объятья.

Они барахтаются, брызжутся, борятся въ водѣ среди брызгъ, бриллiантами сверкающихъ на солнцѣ, пока не надоѣстъ.

Тогда бѣгутъ въ глубь лѣса.

— Онъ — зеленый и таинственный. Дунетъ вѣтеръ, и что-то заговоритъ тамъ, вверху.

Звенятъ птицы. Бурчитъ въ болотѣ лягушка. Проносится эхо выстрѣла.

Вотъ вновь подъ жгучими лучами солнца. Льются они съ бездоннаго яснаго неба и втекаютъ въ кучку беззаботныхъ малышей.

— О солнце! Золотое, горячее солнце!

Ранней весной было это, когда не весь еще снѣгъ сошелъ съ полей и задумчиво звенятъ невидимые ручьи.

Въ вечерній часъ это было, когда тихая грусть умирающаго дня разлита въ воздухѣ, и заря посылаетъ розовую улыбку землѣ.

Небольшія лужицы отъ растаявшаго за день снѣга начинаютъ морщиться отъ холода и покрываются тонкимъ стекляннымъ налетомъ.

Тихо... тихо.

Грустно подъ этимъ просторнымъ блѣдно-зеленымъ куполомъ неба.

Уже давно идутъ они двое по черной лентѣ дороги отъ темнаго пятна города туда, къ огненному закату.

Какъ яркія розы на саванѣ, было это красное пятно заката на снѣговомъ кругу.

Легкій вѣтеръ дуетъ имъ въ лицо нѣжно, какъ цѣлуетъ и развѣваетъ волосы.

Онъ идетъ, смотритъ на ея лицо, впитавшее въ себя золотистые лучи, и думаетъ: „Милая... милая"...

И уже слова готовы сорваться. Но нѣтъ! Никогда не скажетъ онъ словъ, въ которыхъ голая ясность и опредѣленность.

И никогда не коснется этихъ чистыхъ губъ съ печальнымъ изгибомъ.

Развѣ не говорятъ лучи синихъ глазъ ея—теплые, обнимающіе.

Вотъ улыбнулась, и улыбка—отраженіе зари.

Пусть же будетъ она, какъ вечерняя звѣзда, что зажглась на темнѣющемъ небѣ. Одинокая, ясная.

И такая же чистая и далекая.

Все идутъ и идутъ они къ умирающей зарѣ, счастливые, ясные, съ распахнувшейся душей.

Сумракъ сгущается—обнимаетъ ихъ.

Ночь идетъ. Ночь...

Онъ вышелъ на улицу, и Ночь обняла его. Темная она была и непривѣтливая, какъ глазъ врага, и безпощадно давила—непонятная.

Тяжелой грудью навалилось небо и брызгало злыми слезами. Летѣлъ порывистый упругій вѣтеръ, и пламя фонарей тоскливо вытягивалось, дрожало испуганно.

Дома стояли темными стѣнами—холодные, молчаливые.

Какъ пусто! Какъ страшно.

Тяжело жить.

Она — которую считалъ онъ чистой прекрасной... звѣздой... Ха... ха... ха... Звѣзда!

Все было ложью!

Катилась въ душу черная волна и тушила тамъ огни, стирала Красоту и Радость.

Топила Солнце.

Это было отчаяніе.

Таинственный губительный Мракъ вливался.

Жизнь стала вплотную неразрѣшимой загадкой.

А въ рыданіи вѣтра слышались скачущіе голые звуки избитаго мотива.

Вычерчивалось во тьмѣ нахально-красивое лицо женщины, такой чуждой-далекой, со своей особой невѣдомой ему жизнью.

Чуялся еще въ свѣжемъ дыханіи вѣтра одуряющій ароматъ духовъ.

Это взглянуло на него паденіе.

Зачѣмъ? Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Это была месть. За Паденіе—Паденіе! О какъ тяжело!

Гдѣ же Солнце золотое свѣтлое?

Гдѣ чистая ласковая заря?

Молчитъ Ночь и смотритъ равнодушно.

Пусто. Темно. Какъ хочется плакать!

Онъ останавливается около кокого-то забора, надъ которымъ сердито шумятъ деревья и, прижавшись пылающимъ лбомъ къ doскамъ, плачетъ. Слезы падаютъ и смѣшиваются съ грязью.

Ночь стоитъ.

К. Яновскій

КРАСНЫЯ КРЫЛЬЯ

Давно уже онъ не слѣзалъ съ чердака. Заперся въ каморкѣ и ходитъ изъ угла въ уголъ, сядетъ за столъ и по часамъ сидитъ и не встаетъ, точно вдавленный въ дырявый кузовъ стула.

Поздно, когда все спитъ, у него горитъ лампа съ закоптѣлымъ стекломъ. Грязный свѣтъ льется изъ подъ абажура, мертвыми пятнами лежитъ на полу. На столѣ развалены книги, рукописи съ застывшими страницами. Запыленные, забытые, съ какою-то горечью смотрятъ черными глазками.

А онъ сидитъ около нихъ окаменѣлый.

Вытянутые, тощіе пальцы судорожно спрятались отъ нихъ въ густые, длинные волосы.

Тихо.

Къ мерзлымъ окнамъ прислонилась безпріютная ночь.

Слышатся грузные, мутные вздохи за перегородками, точно, вздыхаютъ рядомъ изнуренные битюги. Въ углу, гдѣ-то въ темнотѣ, шипятъ беззубые часы.

Дикой вереницей кружатся надъ нимъ мысли. Впиваются въ горячій мозгъ, кричатъ въ немъ.

„Неужели такъ рано? Такъ рано!“

Мутилась голова. Изъ усталыхъ глазъ, кажется, сыплется раскаленный песокъ...

Губы ссыхали. Онъ чуть слышно шепталъ.

Никто не слышитъ.

Только темные, притаившіеся углы съ мѣшками паутины ловятъ эти шопоты и прячутъ ихъ въ длинные мѣшки.

И мѣшки качались и дрожали.

Часто приходитъ къ нему его другъ Федоръ.

Онъ вздрагивалъ при его приходѣ. Молча подавалъ руку.

— Ты что не веселъ?.. А?.. Я не улыбаюсь, потому что умру скоро... Ну, а ты? Ты, проповѣдникъ жизни, ея радостей.

Федоръ злобный ходилъ изъ угла въ уголъ, стараясь разгадать тайну, которая сдѣлала его непонятнымъ и незнакомымъ. Свѣтлые, сѣрые глаза прячутся куда-то въ яму, и горятъ, укутанные хмурыми бровями. Федоръ ходитъ, и ему хочется ходить и говорить, говорить. Такъ долго онъ молчалъ, и съ его губъ сами текли слова.

— Знаешь... Еще маленькимъ,—я читалъ какую-то книгу. Ничего не понялъ изъ нея и только помню одно мѣсто...

Если жизнь не удастся, тебѣ,
Если червь ядовитый сосетъ твое сердце—
Знай, удастся смерть.

— Дѣтскій лепетъ сталъ моей молитвой.

Онъ встрепенулся. Голова его поднялась. Глаза задрожали свѣтомъ, какъ потухающая лампа.

— Федоръ! Неудачниковъ нѣтъ! Есть только жертвы! — Жертвы червей. Черви въ могилѣ и въ жизни холодной черви. Одни точатъ трупы, другіе тѣло, живое розовое, точатъ силы, чувства. Всюду ямы, всюду черви.

Они молчали. Федоръ ходилъ задумчивый. Потомъ снова садились вмѣстѣ. Говорили среди глубокой ночи.

— Сережа, я убилъ этого ростовщика, какъ будто я хотѣлъ раздавить что-то большее, нежели его тощее, убогое тѣло, что стояло на моей дорогѣ холодной тѣнью, что не давало солнца моимъ глазамъ. Я хотѣлъ раздавить жизнь, тощую, убогую калѣку, одѣтую въ рубища, съ карманами золота. Когда я глядѣлъ на него, въ дырявомъ ртѣ звенѣлъ ея смѣхъ, смѣхъ надо мной, надъ всѣми, кто ненавидитъ ее. Она глядѣла изъ своего темнаго угла сквозь щелки его глазъ, слѣдила за мной, ходила по пятамъ, смѣялась у постели. А теперь я буду смѣяться.

— Федоръ! Федоръ! Умирать тогда, когда такъ много силы въ тебѣ, любви въ сердцѣ, въ жилахъ молодой ароматной крови.

Федоръ вскинулъ голову. Глаза вспыхнули.

— Помнишь! Былъ праздникъ Жизни. Всюду разлитая свѣжая, душистая, красная влага. Всюду разсыпано багряное звонкое золото жизни. А они, люди съ тухлой кровью, сидѣли въ темныхъ норахъ опустѣвшихъ подваловъ, хоронили поддѣльное золото, прятали въ углы маленькую, тощую жизнь...

Ночь приходила къ нимъ, стояла черная у морозныхъ оконъ, вползала въ чердакъ, ложилась въ углы.

Такъ тянулось долго. Прошла зима. Стекла сбросили внизъ морозные узоры. Утромъ заглядывало солнце, какъ-то сторонкой обходя блѣдные окна.

Открылся городъ несуразный, съ наваленными въ кучу домами, точно цѣпями увитый тѣсными улицами и переулками. Онъ пыхтѣлъ, ворочался цѣлый день мостовыми, отдувался ночью отъ жары, осыпалъ огнями каменныя глыбы. То тусклые, нищіе выползали огни изъ темныхъ кладбищъ подваловъ, какъ копеечные свѣчи покойника. То яркіе и пышные брызгали золотыми хлопьями съ зеркальныхъ стеколъ.

Онъ подолгу просиживалъ у окна.

Его можно уже растворять.

Внизу, за стѣной, млѣютъ на солнцѣ тополя, стряхивая послѣднія зимнія капли съ вѣтвей, пухнетъ земля, какъ листъ бумаги на огнѣ, кой-гдѣ шершавится у изгороди крапива. Старая Башня, кажется, ближе подошла къ его окну и голосъ медленный и тяжелый, каждый часъ звучавшій надъ крышами, сдѣлался рѣзче и яснѣе.

Старая, черная стрѣлка то падаетъ внизъ, то подымается опять, сбросивъ съ себя какую-то тяжелую ношу.

И когда сброситъ, слышится сухой медленный голосъ:

— Разъ-два. Разъ-два.

Мудрый и спокойный пройдетъ по городу, постоитъ у оконъ, и тихо скользнетъ въ высоту, погружаясь въ бездну хмураго неба.

Онъ знаетъ, что говоритъ Старая Башня. Онъ понимаетъ ее и только онъ, онъ сейчасъ. Тамъ внизу не видятъ Старой Башни. Они вѣчно спѣшатъ, пыльные, потные, съ портфелями, съ важными бумагами, съ нищими сумками, скачутъ на взмыленныхъ лошадяхъ, мчатся въ трамваяхъ, смѣются и плачутъ, когда говоритъ Старая башня. А онъ слушаетъ.

— Нѣтъ часа, нѣтъ года, нѣтъ твоей жизни. Люди построили Старую Башню изъ мертваго камня и забыли какую тайну, какую горячую душу зарыли они въ ея каменной груди.

И никому эта тайна не нужна, а Старая Башня кричитъ о ней каждый часъ въ глухія уши, смотритъ ночью и днемъ безъ устали бѣлымъ, выдолбленнымъ въ камнѣ, широко раскрытымъ окомъ.

Онъ знаетъ ее.

Но неужели сейчасъ? Такъ рано? Такъ хочется жить молодому тѣлу. Ноги рвутся ходить, глаза смотрѣть, встрѣчать и провожать милое Солнце.

Нѣтъ! Еще день!

Неизвѣстный и Страшный прилипалъ къ его уху и дулъ въ него раскаленные мысли.

— Ты хочешь жить?.. Въ твоемъ сердцѣ стоитъ гробъ твоей прежней чистой души. Горятъ и таютъ передъ нимъ огарки твоихъ послѣднихъ чистыхъ мыслей. Ты хочешь жить? А развѣ ты согласишься на это?.. Быть кладбищемъ. Вѣдь скоро въ тебѣ все опустѣетъ... Сердце съе-

жится, скорчится! Въ цемъ перестанетъ биться молодая кровь. Застынетъ водопадъ. Наступитъ тишина...

Вспомни.

Цвѣты... цвѣты въ зеленомъ просторѣ... Надъ ними дикіе колесницы облаковъ... Ты бѣгалъ, пѣлъ... прыгалъ съ кочки къ чистому Солнцу и ты былъ чистымъ и свѣтлымъ...

Вспомни.

Лѣсъ. Спокойный, тихій.

Ты качался на его могучихъ рукахъ, ты сидѣлъ въ его зеленомъ куполѣ, гдѣ никого-никого, кромѣ тебя и Солнца.

Зачѣмъ ты ушелъ? Зачѣмъ?

Чего ты искалъ въ каменныхъ улицахъ, забывъ про Солнце? Чего ты искалъ?

Только нашелъ Смерть... Развѣ ты боишься ея? Иди къ ней! Не калѣкой, а гордымъ и смѣлымъ! Иди! Иди!

Онъ упалъ куда-то въ темный уголъ за табуретъ, и ему становилось жутко, страшно самого себя. Голова мутилась. Изъ глазъ сыпался раскаленный песокъ. Мозгъ корчился и извивался подъ черепомъ, какъ змѣя подъ тяжелымъ камнемъ.

Заходило Солнце.

Въ распахнутыя окна несутся невнятные вопли Города.

Кружится туманъ, цѣпляется за высокія, ревущія трубы. Ложится на крыши толстымъ, грязнымъ одѣяломъ.

Не видно облаковъ.

Небо въ безсиліи падаетъ въ мутную мглу.

Звѣзды схоронились куда-то. А мѣсяцъ, какъ тѣнь мертвеца, поднимается на краю Города.

Онъ не слышалъ, какъ поздно ночью пришелъ кто-то. Легъ на голомъ полу и тяжело захрапѣлъ.

Онъ проснулся рано.

Солнце еще не вставало.

Надъ городомъ колыхался красный пологъ.

Туманъ расползся по улицамъ и Солнце взойдетъ свѣтлое и веселое.

Онъ рѣшился.

Въ углу спалъ Федоръ.

На дерзкомъ лицѣ притаились морщинки, спадая къ губамъ улыбкой.

Было тихо.

Все спало.

Только на ближней улицѣ тянулись понурыя клячи съ толстыми, красными бочками, оставляя послѣ себя гнетущій запахъ, который долго вился, какъ паутина, у открытаго окна. Протянулись. Потонули за городомъ. Слышно лишь, какъ вдалекѣ уставшія бочки грызутъ грузными колесами ненавистную мостовую.

Только Старая Башня крикнетъ надъ спящимъ городомъ. Но вотъ Солнце. Чистое, милое Солнце.

Радостный, безумный онъ подскочилъ къ Федору. Крикнулъ, поднялъ исхудалыя руки.

— Солнце! Вставай встрѣчать солнце!

Федоръ схватилъ его за руки.

— Пусти! Помнишь ты говорилъ.

— Она смѣется надъ тобой, надъ всѣми, кто ненавидитъ ее! А я бросился въ темной улицѣ въ ея каменныя объятья и поцѣловалъ ее. Она вырвала изъ меня сердце, отравила душу! А я хочу быть опять чистымъ. Пусти, пусти!

Онъ вырвался. Прыгнулъ къ окну.

Свѣтлый и радостный, страстно протянулъ руки.

— Потону тамъ вдалекѣ, вдалекѣ, гдѣ живетъ Солнце! Поцѣлую Солнце, его свѣтлыя очи, и буду опять свѣтлымъ и чистымъ! Федоръ! Прощай.

Федоръ стоялъ окаменѣлый, но глаза его пылали, какъ слитки золота.

Внизу разбросались кровяныя хлопья человѣческаго мяса, какъ сброшенное рубище, а по сторонамъ трепетали въ веселыхъ лучахъ Красныя Крылья.

Сергѣй Клычковъ

ВЕСЕННІЕ ТУМАНЫ

Пока держались холода, и морозы скрѣпляли подъ темнѣющимъ уже снѣгомъ воду и грязь, пока солнце пахло не сдающейся еще зимой, — въ ощущеніяхъ Ивина тоже стояли „заморозки“. Нервы были крѣпки, и чувствовался здоровый румянецъ не только на щекахъ, но и на движеніяхъ воли, на стремленіяхъ.

Но лишь только солнце, простоявъ на полдневномъ небѣ нѣсколько дольше, разогнавъ сгустившійся отъ теплоты туманъ, потекло легкой теплотой на землю, лишь только началась разлагающая капель, потекли по улицамъ ручейки — въ настроеніи Ивина началась „оттепель“. Все, до того сдерживаемое, подогрѣвалось и текло. Сначала небольшими каплями, потомъ крупнѣе, и зашумѣло, наконецъ, бурными мутящими мысль потоками.

Кровь бурлила и, казалось, готова была прорвать жилы. Она выпирала грудь, выступала тонкими змѣйками подъ кожей висковъ и розоватыми разливами поднималась на лицѣ и на всемъ тѣлѣ. Какъ потъ на распаренномъ тѣлѣ, выступали дремавшіе инстинкты. И ползли они соленоватыми струйками и щекотали помыслы. Работа мысли незамѣтно спотыкалась, вертѣлась около какихъ-то неуловимыхъ

центровъ. И центры эти становились все неумолимѣе, все туже притягивали къ себѣ.

Они вырисовывались въ весеннихъ туманахъ воздушными контурами, прокрадывались легко и почти неощутимо въ мозгъ, толпились здѣсь между обычнымъ и заигрывали съ нимъ въ легкихъ, тихихъ танцахъ.

А когда мысль улавливала эти тѣни, онѣ всѣ уже претворялись въ ясные, жгуче-жизненные образы и съ дерзкой откровенностью носились въ шумной соблазнительной пляскѣ.

Какъ только солнце заглядывало въ его комнату, Ивинъ одѣвался и выходилъ на улицу. Шелъ ли онъ неопредѣленно или направлялся по-дѣламъ, но на улицѣ весь преображался, весь превращался въ какое-то безпокойное животное исканіе. Выбиралъ, выхватывалъ глазами изъ массы проходящаго и проѣзжающаго люда красивыхъ, обаятельныхъ женщинъ и пожиралъ ихъ. Однѣмъ, мимоходомъ смотрѣвшимъ на него, кидалъ прямо въ глаза вызывающій взглядъ, другихъ провожалъ похотливыми помыслами. Штрихи и округлыя очертанія манящаго женскаго тѣла развивалъ острымъ воображеніемъ въ законченныя картины нѣги, многообразно-удовлетворенной страсти.

И, выходя изъ дому, онъ чувствовалъ, что именно такъ, не иначе, будетъ вести себя. Ивинъ замѣчалъ уже, что онъ, чистый, знавшій до этого времени только одну женщину — свою жену, съ которой не видѣлся уже около полугода, теперь скользитъ въ туманную мглу, все дальше удаляется отъ цѣльной, нетронутой жизни. Воля слабѣла, мысль сдавалась и предлагала податливыя, сговорчивыя положенія.

— Свободная любовь... полное наслажденіе — развѣ не цѣль бытія? Неужели же этой цѣли могутъ противопоставить что-либо какіе-то принципы?

— Страсть, чистая естественная влекущая къ прекрасной — развѣ не великая пружина жизни? Зачѣмъ же суживать рамки и безъ того стискивающихъ понятій?

Ивинъ не думалъ, не разсуждалъ логически, а мысли эти пробѣгали отрывочно, путаясь и толкаясь, и онъ продолжалъ жить инстинктами.

Когда Ивину приходилось ѣхать на трамваѣ, онъ выбиралъ мѣсто противъ какой-нибудь заинтересовавшей его женщины и всю дорогу искоса поглядывалъ на нее, роясь въ умѣ въ деталяхъ ея тѣла. И когда выходила изъ вагона вмѣстѣ съ нимъ, онъ шелъ за ней, шелъ почти рядомъ, заглядывая ей въ лицо въ какомъ то щекочащемъ ожиданіи, въ трепетной надеждѣ на какой-нибудь легкій, положительный отвѣтъ его исканіямъ. Минутная героиня воздушнаго романа сворачивала въ переулокъ или скрывалась за тяжелой дверью подъѣзда, и Ивинъ забывалъ о ней, но на смѣну ей сейчасъ же выступали многоликія тысячи маленькихъ, фееобразныхъ соблазновъ.

Останавливался передъ каждой витриной, гдѣ бросались въ глаза изъ-за стекла маленькія женскія фигурки. Протискивался сквозь толпу, пытливо и внимательно разсматривалъ и оживлялъ этихъ бумаж-

ныхъ, крошечныхъ женщинъ, и долго послѣ онѣ жили съ нимъ — плѣнительныя, тѣлесныя.

А вокругъ Ивина суетливо бѣгалъ, кривлялся, оскаливая гнилые или вставные зубы вмѣсто улыбки, легкій уличный флиртъ. Онъ останавливалъ на бѣгу занятыхъ дѣловыхъ людей, безъ труда побѣждалъ легко-сдающіеся помыслы рыскающихъ за тонкими возбужденіями фланеровъ и сбивалъ ихъ всѣхъ въ одну безвольную кучку, которая тѣснилась, давя и осаживая другъ друга у безчисленныхъ выставокъ женской привлекательности. И всѣ впивались расширенными бѣлками въ оголенныя тѣла и, незамѣтно кося глаза, они искали смутно-представляемаго, головокружительно-недозволеннаго.

Весна стлалась въ мозгу Ивина цѣпкимъ туманомъ.

Когда его прежнее „я“, нетронутое, прочное въ привязанности къ одной, посылало къ нему строгіе запросы, Ивинъ умѣлъ уже отвѣчать ему. Бросалъ внутрь себя успокаивающіе объѣдки аргументовъ о потребности, о свободѣ чувствъ и отношеній.

— Наконецъ *она* можетъ и не знать объ *этомъ*, и не нужно ей знать, такъ и сойдетъ.

— И ты можешь жить минутно?—говорилъ изъ глубины другой еще властный. — Значитъ и *она* тоже можетъ. Нѣтъ, не хочешь? Тогда ты не въ силахъ будешь такъ же безраздѣльно, такъ же полно и цѣльно отдаваться ей, какъ прежде. Изъянъ будетъ замѣтенъ, пятно выступитъ по-немногу на бѣломъ фонѣ.

Такъ говорило внутри, а весна слала вмѣсто отвѣтовъ яркіе, выпуклые образы. Она устремлялась прямо на Ивина, мчалась смѣло и рѣзко на парусахъ. И паруса ея вдругъ превращались въ упругія бѣлыя груди. Онѣ наплывали ближе и ближе, и мощная сила, заплетая сознаніе, парализуя волю, толкала Ивина на встрѣчу этимъ грудямъ, какъ бы отливала тѣло его въ трепещущую, упругую сталь.

— Вѣдь все равно, стоитъ почти любой женщинѣ кивнуть мнѣ, и я побѣгу за ней, какъ собаченка—думалъ онъ. Все его измученное долгой внутренней борьбой, сильнымъ напряженіемъ, тѣло дрожало обезсиленное, обезволенное, и все-таки шло испытать, узнать себя.

Вчера вечеромъ онъ случайно познакомился на улицѣ съ красивой дѣвушкой.

Не заглядывая въ будущее, честная и прямая, заинтересовалась красивымъ, „образованнымъ“ мужчиной и просто согласилась придти на другой день къ девяти часамъ поговорить, погулять съ нимъ по бульвару. Ивинъ старался, было, прикрывать сразу же выступившій инстинктъ, но теперь не находилъ уже нужнымъ. Да и силъ не было сегодня обманывать себя.

Они встрѣтились на углу и ушли въ темныя аллеи бульвара. Разговоръ, который развивалъ и поддерживалъ Ивинъ, былъ сплошнымъ замаскировываніемъ влеченія, усыпленіемъ воли и бдительности дѣвушки.

Луна свѣтила. Аллеи были безлюдны.

Надъ замедлившимъ таяніе снѣгомъ подымался сыроватый туманъ и наполнялъ воздухъ щекочащимъ запахомъ разложенія. Когда они сѣли на скамью и Иванъ почувствовалъ женскую близость, имъ овладѣли обурѣвающіе порывы. Чувствовалъ, что приближается къ острому барьеру, и, если шагнетъ черезъ него, подымется стѣна между прошлымъ и настоящимъ. Любимая женщина, принципы, его трудовая чистая жизнь — сразу ярко и остро родились въ мозгу, но туманъ захлестнулъ, затемнилъ все.

— Соблазненная дѣвушка... а будущее... а чѣмъ и какъ жить послѣ— бѣжали мысли.

Но весна бросала уже ему картины загородныхъ прогулокъ, рощъ, озёръ и обладанія вотъ этимъ, дѣвственно манящимъ, тѣломъ.

— Теперь или никогда!—бушевала и мутила кровь.

И когда Иванъ, неожиданно и крѣпко обнялъ молодое тѣло, прижался къ нему поцѣлуемъ, — прошедшее растаяло блѣдными клубами, а настоящее могучими толчками увлекало его въ длинное, покатое будущее и скрывалось въ радостно-холодныхъ туманахъ.

Мих. Громыка

ПРОЗРѢВШІЙ.

Онъ былъ слѣпъ отъ рожденья, но не потому, что природа не дала ему способность видѣть, а просто зрачки закрывала непроницаемая пленка, и никто но догадывался, что ее можно снять и дать ему яркое зрѣніе.

Но у него была зрячая душа, душа потомка ясновидящихъ. Они оставили ему наслѣдство, почти равное дѣйствительности. Однако въ этомъ «почти» было все: оно висѣло соломенной цѣпью, которую нельзя было сорвать; видѣнья и призраки махали невидимыми крылами и не могли воплотиться, они почти жили, почти дышали, но это «почти» оставалось роковымъ, какъ ни порывался изъ него слѣпой.

Впрочемъ, его порывы были не безконечны,—пришло время, и онъ успокоился. Онъ былъ богатъ; могъ нанять себѣ чтеца и много перечитать; много говорилъ съ бывалыми людьми, еще больше слыхалъ отъ нихъ и, подъ конецъ, онъ зналъ все, что знали зрячіе; его рѣчь, его идеи и убѣжденья ничѣмъ не отличались отъ ихъ рѣчей и убѣжденій. Онъ такъ же вѣрно понималъ политику и ту подпольную игру страстей, которымъ она служила лживымъ покрываломъ; онъ зналъ и понималъ самые цѣнные выводы науки и умѣлъ умно и интересно поиграть гипотезой; затѣмъ, ему были извѣстны всѣ идеи и направленія искусства; даже о формахъ его онъ могъ говорить безъ грубыхъ промаховъ, хотя и не безъ краски въ лицѣ. Что же касается музыки и философіи, то въ нихъ глядѣть приходиться въ глубину, здѣсь ну-

женъ внутренній свѣтъ,—въ этомъ не было недостатка у человѣка съ незрячими глазами.

Итакъ онъ жилъ среди людей, едва чувствуя свои соломенныя цѣпи. Онъ любилъ людей, онъ имъ сочувствовалъ, а они шли къ нему съ своими радостями и печалями. Онъ все понималъ, что они ему говорили, но не все, что онъ говорилъ, было имъ понятно, такъ какъ труднѣе смотрѣть вглубь, чѣмъ въ ширь, и внутренній свѣтъ недоступенъ слишкомъ яснымъ глазамъ.

Слѣпой былъ счастливъ и спокоенъ. Правда, онъ всѣмъ былъ обязанъ зрячимъ, но вѣдь и онъ сторицей воздалъ имъ за это. Не онъ ли тысячу разъ нѣжными и ловкими руками распутывалъ тѣ узлы, которые терзали больныя скованныя души; не онъ ли находилъ дорогу тамъ, гдѣ, казалось, не было пути и исхода; не онъ ли открывалъ сокровища въ безплодной землѣ и яркіе огни среди темной ночи.

И часто, и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще, ему казалось, что онъ-то и есть настоящій зрячій, а они—эти бѣдные люди—слѣпые. И это была тайна, которую онъ берегъ глубоко въ душѣ, сознавая, что ее-то уже никогда не понять, что это есть самое тонкое и высшее откровеніе его слѣпоты, и ему становилось ихъ жалко...

Но слѣпой случай сдѣлалъ слѣпца зрячимъ.

Нашелся врачъ, который догадался снять съ его глазъ пленку, и слѣпой узрѣлъ. Сначала его держали въ полутемной комнатѣ, потомъ стали выводить на улицу, немного рано быть можетъ.

Слѣпой не узналъ жизни; она показалась ему мучительной, ужасной. Правда, это было необычайное время: шла борьба и проливалась кровь, но все это было предсказано заранѣе, такъ какъ ничто не ново подъ луной. И даже слѣпой все, все зналъ заранѣе, но видъ жизни оказался для него невыносимымъ.

— Что это за огромный, ослѣпительный, грубый дискъ вверху—спрашивалъ онъ—неужели это солнце?

— Конечно—солнце, отвѣчалъ вожакъ.

— Какъ, это солнце? Ласковое солнце, которое такъ хорошо грѣетъ лѣтомъ? О, если оно таково, то почему же люди всегда считали его добрымъ божествомъ? Такое яркое, такое безжалостное, оно ужасно! Мнѣ кажется даже, что оно смѣется надъ тѣмъ мученьемъ, которое доставляетъ нашимъ глазамъ!

— А что же это бѣлое, такъ жадно поглощающее солнечные лучи затѣмъ, чтобы бросать ихъ въ лицо людямъ, когда, не находя покоя на небѣ, они обращаютъ глаза къ землѣ? Я догадываюсь, это снѣгъ. Такъ вотъ онъ каковъ, тотъ надежный саванъ, который стережетъ до весны заснувшую жизнь! О, сколько въ немъ дерзкой и злой силы, причиняющей страданье.

— А дальше, эти огромныя неуклюжія формы? Это дома, въ которыхъ такъ уютно живется людямъ? Но они давятъ меня, они лѣзутъ мнѣ въ глаза, мнѣ кажется, что они касаются меня и мучительно тѣснятъ...

— Это кажется, это пройдетъ. говорилъ вожакъ.

— Но если солнце такъ ярко и снѣгъ такъ ослѣпительно бѣлъ, отчего же такъ темно, мрачно тамъ внизу между домовъ? Свѣта такъ много, отчего же его нѣтъ тамъ?

— Это тѣнь, вѣдь ты же знаешь, что такое тѣни. И это всегда такъ: чѣмъ больше свѣту вверху, тѣмъ мрачнѣе внизу. Такъ было, такъ будетъ. Это законъ природы.

— Ужасно, мучительно—говорилъ слѣпой.—И какъ вы можете не чувствовать обратной стороны жизни? Вы—зрячіе! Или ваше зрѣніе затуманилось, и вы ходите и дѣйствуете какъ въ туманѣ! Вы, но кто же вы сами?—Неужели эти странныя и смѣшныя фигуры въ такихъ странныхъ нарядахъ, неужели это родъ человѣческій, вѣнецъ созданья, соль земли! Уродство, уродство, и, притомъ, если всмотрѣться, сколько страданья! Что это за ужасныя гримасы?—Это смѣхъ, это разговоръ? Неужели они требуютъ такого напряженія и усилій? И притомъ суета, сногсшибательная суета, непонятная, безтолковая и уродливая. Но всего непонятнѣе, что вы ничего этого не видите не замѣчаете, того ужаса, того уродства, среди котораго живете! Не замѣчаете что все благо, которое васъ окружаетъ, бросаетъ отъ себя огромную мрачную тѣнь, гдѣ кроется ужасъ, что добро и зло вѣчные близнецы, причемъ послѣднее пожираетъ первое и отъ этого растетъ и ширится безконечно...

Но вожакъ остановилъ слѣпого:

— Вѣдь, ты зналъ все это, все было тебѣ описано и разсказано раньше, и, замѣть, слова, которыя ты говорилъ, это тѣ самыя слова, какія и ранѣе ты употреблялъ, говоря о жизни и людяхъ.

— Да, я знаю, я знаю—лихорадочно повторялъ слѣпой—но все же это не то, все разрослось, все стало непомѣрно ярко и велико и не помѣщается въ моей бѣдной душѣ. Слова вышли изъ души, но они не могутъ улечься обратно; она не вмѣщаетъ ихъ, какъ не вмѣщаетъ больше колыбель человѣка, ставшаго взрослымъ!

— Это ничего, пустяки, это пройдетъ—говорилъ вожакъ.

Впрочемъ отчасти ты правъ,--суета здѣсь дѣйствительно сегодня необычайная.—Да, кричатъ! И тамъ толпится народъ. Пойдемъ скорѣе, узнаемъ, что тамъ дѣлается.

Народъ толпился не даромъ: происходила схватка, кровавая схватка между силой и правомъ, и право слабѣло въ спорѣ.

Слѣпой стоялъ и видѣлъ. Онъ смотрѣлъ широко раскрытыми глазами, и въ нихъ застывалъ ужасъ. Онъ видѣлъ предсмертныя судороги, онъ видѣлъ оцѣпенѣніе смерти: онъ видѣлъ живую, теплую кровь, подъ которой таялъ и алѣлъ снѣгъ.

— Неужели она такая красная, неужели она такая красная — шептали его губы. И когда вожакъ привелъ его домой, слѣпой былъ безуменъ.

А кругомъ его стояли твердые, мужественные люди и говорили другъ другу, качая головами:

— Вѣдь онъ все, все это зналъ заранѣе, вѣдь онъ самъ все это

называлъ и прежде своими именами, было только то, чему онъ самъ говорилъ не разъ: „да будетъ“. Онъ слишкомъ слабъ былъ, поэтому лицо жизни ужаснуло его.

Но почему же у твердыхъ и мужественныхъ людей глаза опущены книзу? Или это только такъ кажется?

ДВА ДНЯ

Два дня мнѣ рѣжутъ мозгъ и сердце. Два дня преслѣдуютъ и терзаютъ меня. Эти два дня будутъ вѣчно горѣть въ моей памяти.

Эти два дня бѣгутъ за мной и не даютъ мнѣ полнаго одиночества: они наполняютъ мою голову колючими мыслями, сердце—кошмарнымъ сплетеніемъ различныхъ чувствъ, а воображеніе — цѣлымъ хаосомъ яркихъ и тусклыхъ, воздушныхъ и гнетущихъ образовъ.

Первый день.

Я позвонилъ. Меня попросили шопотомъ, чтобъ я вошелъ неслышно и ни съ кѣмъ не говорилъ. Я вошелъ. Въ свѣтлой столовой сидѣли притаившись люди, они молчали и слушали, и на лицахъ свѣтился восторгъ.

Я сѣлъ, слушалъ. Изъ красной гостинной бѣжали, обгоняя другъ друга, какъ многопѣнныя волны, скрипичные звуки. Это—уединившись съ густымъ мракомъ гостиной и своей скрипкой, игралъ Ѳедоръ. Собственную фантазію игралъ онъ и, казалось, игралъ не на скрипкѣ, а на своей многострунной душѣ.

Звуки лились усталые и надорванные.
Звуки рыдали и чеканили скорбь міровую.

Я зналъ Ѳедора и чувствовалъ, что тоска и безуміе сдавили тупыми тисками его огненное сердце. Я не слышалъ скрипичной игры, я ощущалъ его томленіе и муки за горе и слѣпость людей. Я слышалъ ропотъ на беззвучный тонъ жизни, на беззубый и тусклый протестъ, на отсутствіе яркихъ красокъ. Сквозь кристальныя слезы и жгучія муки я слышалъ надорванный смѣхъ.

Звуки разгорались. Грандіозная мысль и раскаленное чувство овладѣвали его душой. Томленіе перерождалось въ гнѣвъ, сѣрая тоска —въ бѣлокрылую надежду, а надорванный, рыдающій смѣхъ—въ грозную рать наростающихъ звуковъ, въ которыхъ сверкала стальная рѣшимость.

Звуки лились мощные и цѣльные.
Звуки лились гордые и увѣренные.

Я былъ заколдовалъ ихъ ярко-красочнымъ языкомъ. Я чувствовалъ, какъ эти звуки золотыми нитями связывали мою душу съ душою Θедора, какъ мое сердце трепетно силилось биться въ унисонъ съ его увѣренно звучавшимъ сердцемъ. Я чувствовалъ себя его рабомъ. Онъ заставлялъ меня съ нимъ вмѣстѣ томиться, роптать и надѣяться. Я загорался гнѣвомъ, и душу мою сковала стальная рѣшимость навѣянная мощными и грозными звуками.

Звуки наростали... Они вдохновляли, увлекали. Звуки загорались злобой.

Вотъ они рвутся въ бой, вотъ они захлебываются своимъ гнѣвомъ— они увѣрены въ побѣдѣ. Вотъ они ринулись на чернаго врага и бьются съ орлиной отвагой, кружатся побѣднымъ ураганомъ, ломаютъ грозныя скалы, вздымаютъ сѣдыя волны до самаго неба, и тѣ лобзаютъ родныя тучи. Безстрашно несутся они впередъ. Они побѣдятъ. Они должны побѣдить!

Вдругъ холодный, смертельно блѣдный аккордъ.

Что-то оборвалось, раздался звукъ лопнувшихъ струнъ и сломанной скрипки. Отчего всѣ лица такъ мертвенно блѣдны? Отчего на всѣхъ лицахъ лежитъ беззвучность камня? Отчего всѣ застыли въ кошмарномъ страхѣ?

Еще одинъ глухой сильный стукъ, стонъ...

Что тамъ?

Кто-то подбѣжалъ къ двери и отворилъ ее. Кто-то принесъ свѣчу. Всѣ бросились въ гостиную ошеломленные и безумные. Я тоже. Зачѣмъ? Что тамъ случилось? Я еле стою на ногахъ. Кругомъ туманъ, передъ глазами радужные круги, голова опускается въ пропасть чугунной гирей.

Проясняется. Вижу. Вотъ люди, тѣ же пораженные люди, но на ихъ лицахъ уже сверкаетъ лучъ сознанія... На полу сломанная скрипка и тутъ же на полу... Онъ, блѣдный, мертвенно блѣдный. Какъ ужасно сверкаютъ стеклянные бѣлки его закатившихся глазъ! Что съ нимъ? Обморокъ? Да, онъ безъ чувствъ, безъ чувствъ отъ созерцанія собственной фантазіи. Кто-то даетъ ему нюхать какую-то жидкость, кто-то брызжетъ холодной водой. „Какой глубокій, продолжительный обморокъ“, слышно кругомъ. Слова: обморокъ, нашатырный спиртъ отрезвляютъ меня. Я все понялъ. Да, я узнаю тебя, Θедоръ. Это ты, это похоже на тебя. Я все понимаю, а они... нѣтъ, они не понимаютъ тебя. Они думаютъ, что все дѣло въ валеріановыхъ капляхъ... слѣпые люди!..

Прошло два года.

Нѣтъ это были не годы, это были дикія безобразныя оргіи. Чудовищныя сочетанія эфирнаго свѣта и болотной тьмы, вакханическій танецъ подъ залихватскую музыку, подъ циническое дирижерство оскверняющихъ святыя святыхъ. Какъ безобразно хохотали пьяныя морды танцующихъ и дирижеровъ, какъ весело кричали они, предвкушая великолѣпный ужинъ изъ царственныхъ мозговъ и огненныхъ сердецъ.

Сквозь кровавый туманъ этой бѣшенной пляски я различаю сверкающій день, второй изъ двухъ дней, которые мнѣ рѣжутъ мозгъ и сердце.

Мы безстрашно спѣшили на пиръ, гдѣ кровь нашихъ братьевъ опьянила развратныхъ танцоровъ.

Ѳедоръ оглядывался назадъ, и лицо его горько стонало, а въ бездонномъ взорѣ я читалъ безнадежную тоску, безграничное горе. Горѣло его лицо жгучими муками. Отъ всей его фигуры, отъ походки вѣяло мрачнымъ отчаяніемъ. Но чѣмъ пристальнѣе онъ смотрѣлъ назадъ, тѣмъ больше онъ видѣлъ просвѣтленныхъ лицъ, чѣмъ тоньше прислушивался, тѣмъ явственнѣе доносился до его ушей звонъ разбиваемаго желѣза. Лицо свѣтлѣло и загоралось.

Бѣшеная музыка вдохновила его. Тоска смѣнилась гнѣвомъ, стонъ—жаждой мщенья. Лучезарная надежда засвѣтилась на его возбужденномъ лицѣ. И лицо его звучало, какъ скрипка. Я читалъ по нему гармонію грозной рѣшимости и свѣтлой вѣры въ себя.

А голосъ аккомпанировалъ музыкѣ лица и звучалъ, какъ закаленный металлъ!

„Посѣемъ въ землю свои кости, удобримъ ее своимъ мясомъ, оросимъ своею кровью... О, это дастъ великій урожай!“

Мы вошли на мѣсто кроваваго пира и смѣло присоединились къ громовому оркестру. Я смотрѣлъ на лицо Ѳедора и вспомнилъ первый изъ двухъ дней, вспомнилъ музыку, горѣвшую злобой. Какъ поразительно походитъ на тѣ звуки игра его лица. Созвучія желтаго гнѣва и свѣтлой вѣры, огненной мести и бѣлокрылой надежды я слышу и вижу въ лицѣ вдохновленнаго друга.

Все больше загорается оно гнѣвомъ, все отчаяннѣе рвется въ бой, все болѣе увѣрено въ побѣдѣ. Его горящее лицо увлекаетъ меня такъ же, какъ тѣ побѣдные звуки его фантазіи. Я рабъ его орлиныхъ взоровъ, я иду за нимъ и съ нимъ, я горю его титаническимъ гнѣвомъ, я сверкаю его солнечной вѣрой. Я вижу на лицѣ его свѣтъ великій и вѣрю, что свѣтъ долженъ побѣдить. Я смотрю на его лицо, оно увѣрено въ побѣдѣ, оно разитъ враговъ грозными взорами, оно рвется все дальше, впередъ... оно пылаетъ побѣднымъ огнемъ. Оно побѣждаетъ, оно побѣдитъ, оно навѣрно побѣдитъ...

Вдругъ смертельно-блѣдный аккордъ.

Еще однѣ благородныя кости посѣяны въ землю, еще одни трепещущія мускулы удобряютъ почву, еще одна горячая кровь орошаетъ ее.

Богатый будетъ урожай!

Г. Забѣжинскій

Я и онъ

Я давно уже рѣшилъ его убить.

Я зналъ обычные доводы, но мнѣ было все равно: теоретическія упражненія меня нисколько не увлекали... Загадочная жизнь столько разлила клокочущей ненависти, что она, эта ненависть, черезъ край переполнила мою душу. Мнѣ было душно, нестерпимо жить обыкновенной жизнью безъ непосредственной мести, непосредственно-яркаго приложенія своего „я“.

Нѣсколько мѣсяцевъ таилъ въ себѣ острую мысль, пряталъ ее глубоко, глубоко, а она росла, питаясь мною, она расширялась, заполняя весь мозгъ и мучила. Жизнь отодвинулась, ее заволокла пелена личнаго. Жизнь глухо и безучастно шла мимо, ибо я ее не замѣчалъ. И такъ былъ одинъ, удивительно одинъ. Одинъ, избѣгая людей, которые говорили о постороннемъ и какъ будто бы старались отвлечь отъ моей упрямой и мучительной мысли. И когда уединеніе охватывало меня выжидающимъ покоемъ, эта мысль говорила, что счастье лишь въ единомъ и яркомъ, счастье лишь въ постоянномъ и страстномъ напряженіи духа. Она, твердила мнѣ, что въ жизни есть ея сгорающіе избранники. И я чувствовалъ, что вдохновеніе живетъ и питается во мнѣ ненавистью, и я рабъ самого себя, того „себя“, которое родило и выростило своего господина-мою идею.

Меня приготовила къ этому, у меня выростила жажду сама жизнь. Черная, подлая, она била молотомъ, сдавливая въ сталь мое сердце, обливая вонючими нечистотами, она вырывала у меня хлѣбъ и злорадно смѣялась.

Она ходила по трупамъ моихъ близкихъ, она разбивала горячее сердце у моихъ родныхъ по мысли и духу, она убивала голодомъ моихъ братьевъ. И я не могъ не мстить.

Я не знаю: можно ли жить безъ стремительно идеи, которая одна лишь царитъ въ душѣ, вытолкнувъ всѣ маленькія уютныя мысли?

Мнѣ казалось, что жизнь должна выливаться въ исканіи огромной заполняющей душу идеи и затѣмъ въ ея приложеніи. Рожденная въ мукахъ, она со своимъ ростомъ приноситъ безмѣрное счастье, счастье человѣка, нашедшаго самого себя.

Давно уже я не разставался со своимъ плоскимъ и чернымъ браунингомъ. Онъ всегда покоился спокойный и угрожающій въ боковомъ карманѣ, готовый къ дѣйствію. Мнѣ нуженъ лишь былъ „онъ“ — моя жертва.

Каждый вечеръ я проходилъ мимо громаднаго двухэтажнаго дома, гдѣ жилъ „онъ“. Возлѣ калитки всегда стояли „они“, стерегли „его“.

Онъ всегда былъ окруженъ челядью, рѣдко выѣзжалъ изъ дому.

Но мнѣ нельзя было сдѣлать промаха, ибо нужна была его вѣрная смерть, нужно было ждать счастливой минуты.

И мнѣ удалось узнать, что онъ не всегда съ тѣлохранителями, что въ пять часовъ утра выходитъ въ свой садъ и гуляетъ одинъ..

Я внимательно изучалъ „его" жизнь. Садъ. Рядомъ съ нимъ маленькій старый покривившійся домикъ съ разными пристройками. На воротахъ домика бѣлѣлъ, замѣченный уже мною раньше, билетъ: „отдается комната въ наемъ".

Вотъ дрожащей рукой отворилъ калитку, вошелъ въ грязный дворъ. Высокая упрямая каменная стѣна отдѣляла его отъ сада, только маленькій сарайчикъ прижимался къ ней. Сгорбленная старушенка со злыми бѣгающими глазами подозрительно осмотрѣла меня.

— Что вамъ здѣсь нужно, молодой человѣкъ?

— Снялъ бы комнату, если сдаете.

— Не знаю, какъ она вамъ понравится, окна выходятъ во дворъ, комната узенькая... для васъ не подходящая.

Я внутренно содрогнулся. Неужели эта старушенка читаетъ мои мысли, чувствуетъ мое намѣреніе? И меня что-то потянуло взять ее за морщинистое горло и давить хладнокровно, какъ давятъ надоѣвшаго таракана. Старушенка отшатнулась съ испугомъ, а я взялъ себя въ руки. Мигомъ передѣлалъ свою физіономію... Не знаю откуда взялась вкрадчивость и ласка въ голосѣ.

— Право, вы какъ будто бы имѣете что-нибудь противъ меня. А вѣдь мнѣ только нужны удобства, мнѣ очень близко ходить на службу. Очень удобно...

Она подумала, подумала, закуталась поплотнѣе въ платокъ... Потомъ ея глаза словно всего меня ощупали...

— Ну, какъ хотите...

Взошелъ на низенькое покосившееся крылечко, прошелъ темный корридоръ и увидѣлъ комнату. Узенькая, съ однимъ окномъ, погнувшейся кроватью, она была непривлекательна, но я сдѣлалъ видъ, что нравится. Обернулся, старушенки не было, изъ плотно прикрытой двери доносился скрипъ ея голоса. Словъ разобрать не могъ, хотя и подошелъ на цыпочкахъ къ двери.

Зато довольно явственно доносился другой молодой голосъ, какъ видно, дѣвушки.

— Ахъ, бабушка, вы вѣчно что-нибудь выдумаете...

— А того и не подумаете: комната стоитъ два мѣсяца, у меня ботинокъ нѣтъ... Находится квартирантъ, а вы еще разбираете...

Опять скрипучій голосъ.

— Ну, будь по вашему, бабушка, запросите побольше...

— Если не дастъ, тогда пусть убирается къ чорту.

Легкіе старушечьи шаги.

Я отошелъ. Брало нетерпѣніе, лихорадило. Мысли бѣжали быстро, быстро, какъ тѣни. Старушенка вошла.

— Если вамъ комната подходитъ, то мы сдадимъ.

И она предложила большую цѣну. Я поторговался для вида и нанялъ. Вернулся на старую квартиру, заявилъ, что уѣзжаю на нѣсколько дней къ товарищу. Взялъ другой припасенный паспортъ, записную книжку. Вечеръ пришелъ, спрятался въ уголъ за кровать и оттуда постепенно овладѣвалъ комнатой. Заволакивалъ сѣрой дымкой стѣны, мебель.

Хожу въ новой, узкой комнатѣ. Иногда доносится скрипучій голосъ старушенки. А въ окно комнаты надъ стѣной вижу половину оконъ второго этажа, гдѣ живетъ „онъ". Освѣщенныя ярко-ярко.

И мнѣ кажется, что во всемъ мірѣ существуетъ лишь „онъ" да я. Самое главное, самое важное скрыто въ немъ. Безъ него, сдается мнѣ, незачѣмъ было бы жить. Онъ стоитъ въ моемъ мозгу, подлый, подлый. Мнѣ кажется, что все зло жизни, весь ужасъ ея, сгустились въ немъ. Склизкій, выпуклый, отвратительный, но тяжелый. Мнѣ кажется, что „онъ" притворяется человѣкомъ, лжетъ передъ людьми и передъ собой. Боится признаться себѣ, что не человѣкъ. Когда гніетъ жизнь, гніетъ заживо, появляются странныя существа, какія только существуютъ въ кошмарѣ. Безликія, бездушныя. Они не должны существовать, но существуютъ, они мертвыя, но живутъ. Но столько въ нихъ дрожитъ живого тлѣнія, что онѣ должны его скрывать. Долженъ приказывать, требовать, чтобы въ нихъ вѣрили, что они живыя. Слѣпые и глухіе вѣрятъ.

Тишина. Тѣни густѣютъ. И жизнь кругомъ застыла, молчитъ она, притаилась, выжидая наброситься на меня, обвить неизбѣжными щупальцами, давить злорадно и безжалостно. Но я знаю, что долженъ обмануть ее, скрыться отъ ея разбойничьяго возмездія. Вѣдь я караю, открываю глаза слѣпымъ, уши глухимъ. Холодные трупы, кровь смѣшанная съ подлой уличной грязью, густая кровь. Она больно и громко кричитъ. Крики поруганныхъ бьются въ равнодушное небо, не находя себѣ отклика въ рабьихъ душахъ. Ахъ, если нѣтъ отклика, разорви небо, сожги больные наросты на усталой обезображенной землѣ. Взорви пережившую себя жизнь. Пусть всѣ видятъ и слышатъ.

Тишина. Мнѣ безумно радостно, душа горитъ вдохновеніемъ. Жду, когда всѣ уснутъ. Когда стихнетъ скрипучій голосъ, когда заснетъ этотъ домикъ, этотъ заплесневѣлый, покривившійся грибъ.

А старушенка? Острая мысль врѣзалась въ мозгъ. И показалось, что она тамъ, въ темномъ корридорѣ, будетъ слѣдить за мной, красться неслышно. Неужели жизнь выслала свою помощницу, чтобы поймать меня?

Тянется время. Домъ засыпаетъ.

Я одѣлся и вышелъ въ корридоръ. Никого не было. Отворилъ потихоньку дверь, прошелъ дворъ и подошелъ къ сараю. Моросилъ дождикъ. Скользкій, заборъ и скользкая стѣна. Я ободралъ себѣ руки, когда вылѣзъ на крышу.

Ахъ, какая высокая стѣна, какъ трудно подняться на мускулахъ,

чтобы взобраться на нее. И сразу передо мной, выросъ полузакрытый деревьями двухэтажный домъ.

Наверху окна до сихъ поръ освѣщены... Неужели это „онъ“ не спитъ?.. Неужели онъ чувствуетъ, что я его стерегу, ловлю, какъ волка?

Холодныя мокрыя деревья. Недалеко отъ стѣны стоитъ что-то черное съ коническою крышей, вѣроятно беседка. Я поползъ по стѣнѣ къ ближайшему дереву.

Здѣсь можно спуститься. Какъ просто!.. За бесѣдкой я лягу за кучею листьевъ. Завтра сдѣлаю все, сдѣлаю все...

Спустился по стѣнѣ обратно. Радость кипѣла въ груди, заглушала все остальное. Не чувствовалъ даже боли отъ своихъ ободранныхъ пальцевъ

Старушенки не было. Я раздѣлся и заснулъ глухимъ, чернымъ сномъ безъ сновидѣній. Проснулся рано, словно кто-то меня толкнулъ въ бокъ и одѣлся. За дверью раздался осторожный шумъ приближающихся шаговъ.

— Вамъ давать самоваръ?—проскрипѣлъ голосъ старушенки. Мнѣ вспомнилась моя роль, и я отвѣтилъ согласіемъ. Дверь растворилась, и старушенка вошла съ маленькимъ самоваромъ, бѣгло окинувъ взглядомъ комнату. Ея злые глаза, казалось, еще недружелюбнѣй посмотрѣли на меня. Она потопталась, выходя на порогѣ, и сказала:

— Если выходите ночью, запирайте двери. Ключъ можно, кажется, попросить у меня. А то вчера бросили дверь...

— Почему же вы не затворили, если знаете, что я бросилъ дверь?—сказалъ я ласково.

Она промолчала. Ощупывала меня своими глазами.

Что-то зазвенѣло въ моемъ мозгу.

Значитъ ты меня ловишь, ты мнѣ объявляешь войну? Ладно, кто кого...

— Я извиняюсь, что не подумалъ о ключѣ... Будьте добры дать мнѣ его.

Вышла изъ комнаты.

Встаютъ мысли изъ глубины, смѣшиваются въ странный клубокъ. Растутъ подозрѣнія. Тяжелыя и большія, онѣ обволакиваютъ ясныя мысли, и я не могу разобраться. Онѣ создаютъ во мнѣ черный фонъ страннаго настроенія, и кажется, что „онъ“ и старушенка сливаются въ что-то одно цѣлое и загадочное, словно безликій образъ кошмара.

Настроеніе крѣпнетъ, и вдругъ... красная огненная волна. Она влечетъ къ дѣйствію, она хочетъ... И я не могу, не въ силахъ сидѣть. Я бы убилъ старушенку.

Самоваръ пересталъ шумѣть и я очнулся. Надо идти, куда-нибудь, куда—угодно лишь бы ушло время.

И шумы города не внесли мнѣ въ душу покоя. Я зашелъ въ грязную пивную, гдѣ собирались извозчики и ждалъ. Пьяные голоса, желтоватые тона отъ керосиновой лампы въ подвалѣ, густой, жирный

воздухъ. Сидитъ проститутка на колѣняхъ у толстаго извозчика и хрипло ругается съ подругой. Стукъ шаровъ билліарда. Зачѣмъ я здѣсь? Не знаю. Пьяный голосъ выводитъ въ углу пивной:

„Жизнь моя, проклятая чижолая
Задавила ты меня“.

Дрожала мука въ пьяномъ голосѣ. Лошадиная мука.

А я сидѣлъ и бередилъ раны. Это для меня наслажденіе. Жизнь изранила, выросла ненависть, и я люблю ненавидѣть.

Когда лѣнивыя сумерки спустились въ подвалъ пивной и затопили слабое мерцанье, я пошелъ домой. Меня несло къ узкой комнатѣ, словно на крыльяхъ. Вотъ показался высокій двухэтажный домъ, вотъ мой гробъ. Прошелъ въ свою комнату, тамъ горѣла лампа. Прибирала дѣвушка съ золотистой косой, сухимъ профилемъ. Зачѣмъ она здѣсь? подумалъ я, и, словно читая, мои мысли, она отвѣтила.

— Извините, но бабушка просила меня прибрать у васъ, а я собралась вечеромъ.

Я подошелъ къ ней ближе. Странные зеленоватые глаза, прошли мнѣ въ душу. Они удивились, заглянувъ въ нее.

— Такъ. Вы прибирали и больше ничего?

— Что вы, что вы? Вы съума сошли, я не изъ такихъ.

— Ловко притворяется,—усмѣхнулась во мнѣ мысль. Я понимаю, что она хочетъ раскрыть меня, узнать. Онѣ подстерегутъ вмѣстѣ со старухой и завладѣютъ мной. Нѣтъ, поздно, не успѣютъ, поздно.

Ушла, затворивъ плотно двери. Все притаилось, замерло. А двухэтажный домъ горѣлъ своими окнами ярко, ярко.

Но я, забывъ все, слалъ вызовъ обитателю и хозяину его, я сегодня рѣшился. И никто меня не заставитъ оставить обреченную мнѣ жертву, которую ненависть связала со мной.

Не спалъ цѣлую ночь. Лампы не зажигалъ, чтобы не вызвать подозрѣній у моихъ хозяевъ. Странно, но въ эту ночь я былъ удивительно покоенъ. Ждалъ хладнокровно рѣшительнаго часа, какъ ждетъ охотникъ, спрятанный на лодкѣ въ камышахъ, цѣлую ночь дичи. Лежа на согнутой кровати, я упорно смотрѣлъ въ черноту комнаты. Красныя точки иногда плыли, иногда выплывали причудливыя цвѣтныя фигуры. А тишина шумѣла. Однообразный ровный шумъ въ ушахъ: монотоный и нудный. И мысли улеглись, онѣ приготовились къ небывалому, невиданному. Только гдѣ-то далеко въ уголкѣ души шевелилось, что-то нудное и замирало. Не то предчувствіе, не то тревога. И фантазія рисовала картины, совсѣмъ не относящіяся къ тому важному, что должно произойти скоро, скоро. Мнѣ почему-то вспомнился маленькій сырой домикъ, гдѣ жилъ отецъ со всей семьей. Вспомнилась полуголодная жизнь, вѣчная дрожь за лишній рубль. Вотъ обиталище въ юности: сырая кухня, перегороженная занавѣской — помѣщеніе отца

и мое. Маленькое оконце вверху, откуда льется скупой свѣтъ, чадъ отъ плиты и тягучіе нудные разговоры о нищетѣ. Кандалы тяжелой нужды. И странно, эти картины вставая въ моемъ мозгу, не раздражали. Ненависть спокойная и голодная терпѣливо ждала пищи и молчала.

Я зажегъ свѣчу и посмотрѣлъ на часы. Было три. Одѣлся, взялъ веревку, заготовленную, заранѣе и пошелъ. Выходная дверь тихо скрипнула, я вздрогнулъ и очутился на дворѣ. Черная яма. Слабо видны контуры окружающихъ предметовъ, скорѣе даже предполагаются глазомъ. Тишина. Сторожъ застучалъ колотушкой гдѣ-то, и опять молчаніе. Я взлѣзъ на стѣну, пользуясь крышей сарая, привязалъ къ дереву веревку и тихо спустился въ садъ. Натыкаясь на кучи полусгнившихъ листьевъ, пробрался къ бесѣдкѣ и улегся на мокрый дощаный полъ. Рѣшилъ ждать его здѣсь.

Осенняя холодная ночь, но холода я не чувствовалъ. Переложилъ браунингъ изъ бокового кармана въ карманъ пальто.

Тьма упрямо висѣла. Она не хотѣла уходить. И въ моей головѣ иногда всплывали клочки мыслей и таяли, всплывали странные образы и исчезали безъ остатка. Было пусто, царило голодное ожиданіе. И показалось мнѣ на мгновенье, что двухэтажный домъ, что хранилъ „его,“ сжался, почуявъ меня. Показалось, что я слышу тяжелое дыханіе его страха.

Потомъ промелькнула въ головѣ мысль о старушенкѣ.

Время ползло, но тьма замѣтно посѣрѣла, рельефно вырисовывался двухэтажный домъ, стволы деревьевъ, сквозь щель въ стѣнѣ бесѣдки, за которой я сидѣлъ, ясно виднѣлась дорожка сада и первый этажъ дома. Я почему-то не имѣлъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ придетъ сегодня въ садъ. Твердо вѣрилъ въ это.

И онъ пришелъ.

Я жадно разсматривалъ его въ щель бесѣдки. Съ усталымъ лицомъ, холодными, но внимательными глазами онъ кашлялъ и, опираясь на палку, медленно шелъ по дорожкѣ.

Я сжался, какъ кошка, нервно сжалъ въ рукѣ браунингъ и ждалъ въ лихорадочномъ нетерпѣньи, когда „онъ“ поравняется съ дверью бесѣдки. Шаги становились отчетливѣй, но вотъ „онъ“, какъ видно, повернулъ и сталъ удаляться по направленію къ двухэтажному дому.

Сердце у меня гулко и болѣзненно билось, мнѣ казалось, что удары его слышны во всемъ саду. Выскочить, думалось мнѣ, догнать и пулю въ спину... Нѣтъ, не могу. Стрѣлять въ спину. Нѣтъ. Я хочу грудь съ грудью, лицомъ къ лицу упиться ужасомъ, написаннымъ на его лицѣ. Опять шаги. Отчетливѣе. Вотъ. Вотъ онъ возлѣ бесѣдки. Я выскочилъ, держа браунингъ въ рукѣ, на середину дорожки.

Онъ отступилъ только на полъ шага, закрылъ почему-то руками свою грудь, согнулся. Глаза его расширились отъ ужаса, словно готовясь выпрыгнуть изъ своихъ орбитъ. Зубы застучали и какъ будто бы не могли вмѣстить языка.

Эт-то что! эт-то что?—заговорилъ онъ скороговоркой, медленно отступая.

Я не сводилъ съ его лица глазъ. У меня тоже не было словъ. Я съ трудомъ разжалъ губы и только выговорилъ два слова:

— Ничего, сейчасъ.

Лицо у него сдѣлалось блѣднымъ, блѣднымъ. Изъ глазъ выглянула тоска.

Я выстрѣлилъ ему прямо въ глазъ. Звука выстрѣла совсѣмъ не слышалъ.

Онъ согнулся еще больше, кровь залила ему все лицо, упалъ на бокъ. Мнѣ хотѣлось теперь стрѣлять и стрѣлять въ него, бить его ногами, но сдержался и въ припрыжку подбѣжалъ къ стѣнѣ. Вылетѣлъ на нее, спустился на крышу и хотѣлъ отворить дверь ключемъ. Но она была не заперта. А въ корридорѣ стояла она, старушенка со злыми глазами и сморщенной шеей. Хотѣла бѣжать, но я ударомъ кулака повалилъ ее на полъ. Перешагнувъ черезъ ея тѣло, я вбѣжалъ въ комнату и остановился. Я не зналъ, зачѣмъ сюда попалъ.

И вдругъ въ мою душу ворвался широкимъ и большимъ потокомъ страхъ. Я потерялъ голову, бросился изъ комнаты и пустился на старую квартиру.

...Узкая небольшая комнатка съ овальнымъ потолкомъ. Желѣзная кровать, прикованная къ стѣнѣ. Маленькій столъ и табуретка, тоже слитые со стѣной. Широкое растопыренное окно съ оскалившейся рѣшоткой. Не могу уснуть, дверь съ проклятымъ шпіонскимъ глазомъ, давитъ... Мысли идутъ растрепанныя, взбаломученныя. И какъ то пусто, нѣтъ единого, яркаго. Но почему же?

Кто-то плачетъ въ углу однообразно и скучно.

— Кто тамъ? Эй, кто тамъ?

Страшно. Старушенка, съежившись возлѣ параши, скрипитъ нудно, нудно...

— За-чѣмъ ты?

Она встаетъ, и ея лицо дѣлается похожимъ на то лицо. То, его.

— Эт-то что? Эт-то что?

Я просыпаюсь весь въ поту. Изъ окна одиночки виденъ городъ. А надъ нимъ виситъ угрюмый день. Солнце тамъ далеко за тяжелымъ слоемъ тучъ. Душно ему, тяжко. А земля старая, въ мокрыхъ морщинахъ безсилья. Немного ниже глаза открылось окошечко и голосъ глухо и деревянно прозвучалъ, старался укрыться въ моей камерѣ:

— Вамъ умываться...

Я открылъ у себя новую мысль: это ужасъ и ярость, благодаря запертой двери. Мнѣ кажется, что сторожитъ меня „онъ" и разрѣшаетъ по своей волѣ открывать и закрывать дверь. Эта мысль вползла въ мозгъ, и я не могу быть равнодушнымъ. Во мнѣ наростаетъ желаніе колотить и ломать эту проклятую дверь съ шпіонскимъ глазомъ, про-

биться на волю и бѣжать. И странныя сумасшедшія мысли врываются въ мое сознаніе и бьются и танцуютъ. Онѣ бьются, я знаю, потому, что меня стережетъ ужасъ.

Тьма упала на городъ; въ немъ горятъ звѣздочки.

И онъ, черный, огромный, тяжело и шумливо дышетъ.

Это дыханіе черезъ открытую форточку моей камеры достигаетъ меня. И хочется кричать отъ ужаса, кричать, биться въ камерѣ. Какъ быть? Я не могу заставить „себя“ „себѣ“ повиноваться. Ничего не могу сдѣлать. Я теряю себя и сливаюсь съ міромъ. Провѣримъ. Кто я? Какъ я мыслю міръ? Какъ?

Нѣтъ не могу, не могу управлять мыслью.

Въ головѣ звенятъ слова и просятся на языкъ, да я ихъ и говорю противъ воли.

Гей, танцуйте и пойте бѣшеныя мысли.

Скрипитъ дверь, потянуло холодкомъ.

Садится на кровать „онъ“ такой же, какъ и тогда.

— Что вамъ нужно, зачѣмъ вы?

— Не нужно. Ты связалъ себя со мной навсегда. Ты всѣ силы души отдалъ мнѣ и теперь банкротъ... Зачѣмъ, зачѣмъ? А вѣдь у тебя и раньше было стремленіе привязаваться къ чему нибудь одному, ты ко мнѣ привязался. Это пунктикъ. Помнишь, ты говорилъ, что у всякаго человѣка есть свой. пунктикъ.

— Надо только быть его господиномъ. А ты выростилъ врага, ослабилъ себя и сдѣлался рабомъ пунктика.

— Ха-ха-ха, пунктика. Ха-ха-ха!

Я тоже смѣюсь громче и громче. Не могу разобраться, кто смѣется онъ, или я.

— Погоди, говорю я—захлебываясь отъ хохота и удивляясь ему.

— Погоди. Не такъ. Я тоже прежде думалъ это.

— Думалъ. Теперь нѣтъ. Я разбилъ свою тюрьму, а ты былъ ею. Мнѣ нужно было избавиться, освободиться отъ тебя. Да. И я вышелъ свободнымъ. Ты меня снова плѣнилъ, ты хитрѣе, чѣмъ я думалъ. Но эта тюрьма пустяки. Я поборю.

И на меня снова напалъ хохотъ безпричинный, гулкій. Во мнѣ что-то прыгало. Я вдругъ почувствовалъ яркую, невѣдомую до сихъ поръ радость.

Алексѣй Крамаренко

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА П. И. ЧАЙКОВСКАГО и С. И. ТАНѢЕВА.

Изъ «архива П. И. Чайковскаго» въ Клину.

Сообщилъ М. Чайковскій.

Составляя «Жизнеописаніе П. И Чайковскаго» я, въ виду изобилія матеріала не церемонился, ради цѣльности, и безъ того уже разросшейся въ три извѣстныхъ тома, біографіи, выпускать многое, что, *имѣя огромный интересъ само по себѣ*, къ содержанію моего труда не прибавило бы ничего, ибо мысли Чайковскаго, высказываемыя въ этихъ «забракованныхъ» документахъ, разлиты во многихъ письмахъ его.

Къ числу такихъ неизданныхъ матеріаловъ, составляющихъ вполнѣ законченные эпизоды, принадлежитъ предлагаемая здѣсь переписка Петра Ильича съ его любимѣйшимъ ученикомъ Сергѣемъ Ивановичемъ Танѣевымъ.

Публикуя ее, я долженъ оговориться, что мнѣнія, высказываемыя въ ней, едва оперившимся музыкантомъ Сергѣемъ Танѣевымъ, не раздѣляются нынѣ почтеннымъ профессоромъ и прославленнымъ композиторомъ Сергѣемъ Ивановичемъ Танѣевымъ, который цѣлымъ рядомъ превосходныхъ сочиненій, особенно въ камерной музыкѣ, оказывается нынѣ побѣжденнымъ своимъ учителемъ, и рѣшительно отрекается отъ своихъ юношескихъ увлеченій.

Модестъ Чайковскій

С. И. Танѣевъ къ П. И. Чайковскому

Ипоръ, 6 августа 1880 года.

Милый Петръ Ильичъ! Сейчасъ, возвратясь съ прогулки, нашелъ ваше письмо и сейчасъ же сажусь вамъ отвѣчать. Все, что вы мнѣ пишите, за немногими исключеніями, я бы могъ вамъ написать: со всѣмъ соглашаюсь. Начну съ природы. Подобно вамъ искренно способенъ наслаждаться лѣтомъ, лѣсами, полями, рѣками во всякое время дня и ночи. Подобно вамъ нахожу, что милѣе, прелестнѣе для сихъ наслажденій нѣтъ страны другой, кромѣ нашей скромной и невѣроятно обширной Россіи. Я научаюсь ее цѣнить въ отдаленіи. Отправляясь гулять здѣсь, въ Ипорѣ, я прихожу въ негодованіе, безпрестанно натыкаясь на

прелестные chalets, на изящныя фермы, служащія предметомъ восхищенія для всѣхъ, пріѣзжающихъ сюда на лѣто, купальщиковъ. На дняхъ я былъ обрадованъ, отыскавъ чудный сосновый старый лѣсъ и провелъ въ немъ почти цѣлый день (Ипоръ славится своими лѣсами, которые дѣйствительно превосходны). Этотъ лѣсъ принадлежитъ какимъ-то богатымъ наслѣдникамъ обширнаго имѣнія, которые ссорятся и не могутъ своихъ имуществъ подѣлить. Я благословлялъ судьбу, даровавшую имъ сварливый и неуживчивый характеръ, ибо, благодаря этому обстоятельству, никто изъ нихъ здѣсь не живетъ, и сей лѣсъ не отгороженъ заборомъ и не входитъ въ составъ «propriété», что часто случается съ хорошими лѣсами, на которые скромному путешественнику приходится смотрѣть сквозь рѣшотку. Я льстилъ себя надеждою, что кромѣ меня никто не знаетъ тропинку къ этому лѣсу. Вдругъ вчера цѣлыя толпы гуляющихъ, приходящихъ, уходящихъ и вновь приходящихъ. Къ довершенію всего, какое-то семейство, повидимому, имѣющее на эту мѣстность какія-то «права», пришло и стало выбирать мѣсто, гдѣ бы дѣтямъ можно было играть въ какую-то игру. Я ушелъ, глубоко оскорбленный, и отправился искать уединенной части лѣса. Найти нашелъ, но все это на такомъ незначительномъ пространствѣ. Забудешь, пройдешь 10 минутъ въ одномъ направленіи и уткнешься въ chalet. Нѣтъ, только въ одной русской деревнѣ можно дышать на свободѣ. Итакъ, подобно вамъ, я питаю самую нѣжную любовь къ природѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется намъ въ нашихъ деревняхъ.

Перехожу къ обществу людей. Занимая въ немъ мѣсто несравненно скромнѣйшее, чѣмъ вы, я не осужденъ испытывать сопряженныхъ съ высокимъ положеніемъ неудобствъ. Оперъ не пишу, корректуръ не дѣлаю, славы не имѣю, да еслибъ и имѣлъ, то, во всякомъ случаѣ, она бы меня не тяготила. Думаю, что и вы въ глубинѣ души ничего противъ нея не имѣете. Слава даетъ людямъ чувствовать, что въ нихъ, въ *самихъ нихъ*, присутствуетъ *сила*, а нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ чувствовать въ себѣ силу. Полагаю, что вы немного лицемѣрите, увѣряя, что оная слава васъ отягощаетъ (я вспоминаю ваши разсказы о петербургскомъ пребываніи). Цицеронъ говоритъ совершенно справедливо, что стремленіе къ славѣ есть удѣлъ душъ благородныхъ. Философы, наиболѣе противъ нея ратующіе, никогда не забываютъ выставлять на сочиненіяхъ свою фамилію. Что до меня касается, то я получаю очень много удовольствія отъ общества людей, что не мѣшаетъ мнѣ, по временамъ, желать быть одинокимъ.

Теперь о музыкѣ. Пріѣхавъ въ Парижъ я увидался со своими друзьями музыкантами, кои суть: Форе, очень талантливый ученикъ Сенъ Санса, d'Indy, котораго пьесы играютъ у Паделу, и Бенуа, котораго увертюра тоже игралась у Паделу и который написалъ объ васъ рядъ статей въ муз. газетѣ. Два послѣдніе—ученики Цезаря Франка, музыканта пожилыхъ лѣтъ, пользующагося очень большою и совершенно заслуженною репутаціею (между прочимъ, онъ профессоръ консерваторіи). Въ музыкѣ моихъ вышеупомянутыхъ друзей меня поразило одно общее свойство, которое мнѣ до сихъ поръ не бросалось такъ ясно въ глаза. Именно: гамма перестаетъ имѣть семь нотъ, а заключаетъ въ себѣ цѣлыхъ двѣнадцать и не только въ мелодіяхъ но, и *въ гармоніи*. Тональности нѣтъ, правило одно: послѣ всякаго аккорда можно взять всякій другой, къ какой бы гаммѣ онъ не принадлежалъ. Вся изобрѣтательность обращается въ эту сторону:

найти такое послѣдованіе аккордовъ, какого до сихъ поръ ни у кого не было. Въ сущности, между ними и нашими петербуржцами нѣтъ *никакой* разницы, кромѣ той, что французъ сдѣлалъ вещь изящную, а нашъ русскій грубую и неотесанную. Музыка въ Европѣ мельчаетъ. Ничего соотвѣтствующаго высокимъ стремленіямъ человѣка. Въ теперешней европейской музыкѣ въ совершенствѣ выражается характеръ людей ее пишущихъ, людей утонченныхъ, изящныхъ, нѣсколько слабыхъ, привыкшихъ или стремящихся къ удобной, комфортабельной жизни, любящихъ все пикантное. Какіе люди, такая и музыка. Но надо быть точнымъ въ выраженіяхъ. Нельзя говорить: наше время такое, наша музыка такова—это не вѣрно, говорите: музыка западныхъ народовъ переживаетъ такое время—это будетъ вѣрно. Но не распространяйте этого на насъ. На западѣ музыка въ теченіи тысячилѣтій идетъ своею дорогою, и теперешнее ея положеніе необходимо слѣдуетъ изъ предыдущаго. Ея музыканты *фатально* увлекаются на тотъ путь, которымъ слѣдуютъ. Классическій вѣкъ ея прошелъ, она впадаетъ въ манерность, въ мелочность. Мы, послѣдніе пришельцы цивилизаціи, находимся совершенно внѣ движенія европейской музыки и лишь искусственнымъ образомъ помѣщаемъ себя, по желанію, или въ начало этого движенія, или въ середину, или въ конецъ. Это у русскихъ случалось со всѣми зачинавшимися искусствами. Державинъ писалъ греческія оды. Аполлонъ, музы и граціи переѣхали въ Россію. Жуковскій и Карамзинъ пресерьезно воображали себя нѣмцами, одаренными самою нѣмецкою сантиментальностью. Ивановъ поѣхалъ писать свою картину въ Италію и сюжетъ задумалъ общеевропейскій и модели для него поѣхалъ брать въ Европу. Что можетъ быть комичнѣе петербургскихъ музыкантовъ, *намѣренно* смѣшивающихъ наши пѣсни съ самыми новѣйшими ухищреніями гармоній и сдѣлавшихъ изъ этого цѣлую теорію. Наша ошибка заключается въ томъ, что мы охотно становимся въ конецъ европейскаго движенія. Не надо забывать, что прочно только то, что корнями своими гнѣздится въ народѣ. У западныхъ народовъ каждое искусство, прежде чѣмъ слиться въ общее русло, было національнымъ. Это общее правило, отъ котораго не уйдешь. Нидерландцы писали свои сочиненія на народныя пѣсни; грегорьянскія мелодіи, на которыхъ основаны сочиненія итальянцевъ XIV столѣтія, были прежде народными мелодіями,—Бахъ создалъ нѣмецкую музыку изъ хорала, опять народная мелодія. Тѣ изъ средневѣковыхъ писателей, которые, желая быть общеевропейскими, писали по латыни, забывъ свой собственный языкъ, не создали ничего прочнаго. Когда же другіе начали писать на своемъ языкѣ и съ теченіемъ времени довели его до высокой степени развитія, тогда только сдѣлалось возможнымъ появленіе дѣйствительно общечеловѣческихъ твореній, какъ напр. «Фауста» Гете, трагедія Шекспира и т. п. Грубый, грязный и страдающій народъ безсознательно копитъ матеріалы для созданій, удовлетворяющихъ высшимъ потребностямъ человѣческаго духа. Мнѣ было весьма пріятно услышать на Пушкинскомъ праздникѣ подробность его біографіи, дотоль мнѣ неизвѣстную, именно: подъ конецъ жизни онъ записывалъ народныя выраженія, прислушивался, какъ говоритъ народъ. «Надо учиться русскому языку у просвирень», его подлинныя слова. Эти слова мы должны помнить и обращать свои взоры къ народу. При этомъ условіи знакомство съ европейскимъ искусствомъ окажетъ намъ неоцѣненную услугу, такую же, какую оно оказало Пушкину, Тургеневу.

№ 1227. Къ С. И. Танѣеву

Каменка 1-го августа 1880 года.

Милый Сережа! Сейчасъ получилъ ваше письмо и испытываю потребность поспорить съ вами. Вы нѣсколько укололи меня, говоря, что я будто бы лицемѣрю, утверждая, что слава меня тяготитъ. Во 1-хъ, я этого не говорилъ, ибо слава моя такъ еще пока легка, что никакой тягости отъ нея испытывать нельзя. Во 2-хъ, я, вообще, смѣю думать, не лицемѣръ. Я сочиняю, т. е., посредствомъ музыкальнаго языка изливаю свои настроенія и чувства и, разумѣется, мнѣ, какъ и всякому говорящему и имѣющему или претендующему имѣть, что сказать, нужно, чтобы меня слушали. И чѣмъ больше меня слушаютъ, тѣмъ мнѣ пріятнѣе. Въ этомъ смыслѣ, я, конечно, люблю славу и стремлюсь къ ней всей душой. Очень можетъ быть, что, описывая вамъ мои петербургскія страданія, я, помимо своей воли, высказалъ то удовольствіе, которое мнѣ доставляетъ сознаніе, что меня начинаютъ слушать. Но изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы я любилъ проявленія славы, выражающіяся въ тѣхъ обѣдахъ, ужинахъ, музыкальныхъ вечерахъ, на которыхъ я страдалъ, какъ всегда страдаю во всякомъ чуждомъ мнѣ обществѣ. Если-бъ я любилъ обращать вниманіе публики и общества на себя, на свой индивидуумъ,—то мнѣ бы ничего не стоило проводить всю мою жизнь во всякаго рода обществахъ. Но вѣдь вы, кажется, знаете, что я къ этому никогда не стремился, а наоборотъ, вѣчно хлопочу о томъ, какъ бы куда-нибудь зарыться и быть внѣ общества. Я хочу, желаю, люблю, чтобы интересовались моей музыкой, хвалили и любили бы ее, но я никогда не хлопоталъ, чтобы интересовались лично мной, моей внѣшностью, моимъ разговоромъ. Но подписывать свое имя на своихъ сочиненіяхъ, ради моей нелюдимости, было бы смѣшно и глупо, ибо чѣмъ же нибудь я долженъ отличить себя отъ другихъ, говорящихъ въ одно время со мной? Ну, я взялъ псевдонимъ,—не все ли равно? Я хочу, чтобы мое имя, какое бы оно ни было—свое или заимствованное — было этикетомъ, отличающимъ мой товаръ отъ другихъ, и чтобы этикетъ этотъ цѣнился, имѣлъ бы на рынкѣ спросъ и извѣстность. Но что же въ этомъ общаго съ тѣмъ отвращеніемъ къ препровожденію времени въ обществѣ, которымъ я всегда страдалъ и всегда буду страдать? Если бъ я старался объяснить себѣ и вамъ причины моего нелюдимства, то это повело бы меня слишкомъ далеко. Ограничусь констатированіемъ факта и просьбой не навязывать мнѣ того, чего я не говорилъ и не думалъ.

Я не совсѣмъ понимаю того обособленія русской музыки отъ европейской, которое вы доказываете мнѣ, и нахожу въ словахъ вашихъ кое-какія непослѣдовательности.

Если вы признаете, что западные музыканты фатально увлекаются на свой теперешній путь, то и русская музыка тоже фатально идетъ вслѣдъ за ними, и противъ *фатума* ничего не подѣлаешь. Если я не ошибаюсь, въ письмѣ вашемъ нужно читать не только строки, но и между строками. Изъ вашихъ междустрочныхъ аргументовъ слѣдуетъ, кажется, вывести ту мысль, что мы ходимъ въ потемкахъ, а заря новаго солнца, долженствующаго озарить обособленность

русской музыки, лишь занимается; вся будущность ея въ кропотливыхъ изысканіяхъ того Баха изъ окрестностей Пожарнаго Депо *), который посредствомъ безчисленнаго множества контрапунктовъ, фугъ и каноновъ на темы русскихъ пѣсенъ и православныхъ гласовъ, кладетъ основной камень будущаго величія русской музыки. Можетъ быть, оно такъ и есть, но я боюсь, Сергѣй Ивановичъ, чтобы нашъ Бахъ не былъ немножко славянофильствующимъ Донъ-Кихотомъ. Вѣдь исторію передѣлать нельзя, и ужъ если мы фатально попали, благодаря Петру Великому, въ хвостъ Европы, то такъ навсегда въ ней и останемся. Я очень цѣню богатство матеріала, который строитъ грязный и страдающій народъ, но мы, т. е. тѣ, которые этимъ матеріаломъ пользуемся, всегда будемъ разрабатывать его въ формахъ, заимствованныхъ изъ Европы, ибо, родившись русскими, мы въ тоже время еще гораздо больше европейцы, и формы ихъ привиты и усвоены нами такъ сильно и глубоко, что, дабы оторваться отъ нихъ, нужно насиловать и напрягать, а изъ такого насилія и напряженія ничего художественнаго произойти не можетъ. Гдѣ насиліе, тамъ нѣтъ вдохновенія, а гдѣ нѣтъ вдохновенія—нѣтъ искусства. Очень вѣроятно, что мы въ музыкѣ, какъ и въ наукѣ, ничего не скажемъ своего, но изъ этого только слѣдуетъ, что мы по природѣ или вслѣдствіе историческихъ условій лишены творческой силы. Во всякомъ случаѣ, едва ли мы исправимъ этотъ недостатокъ, возвращаясь къ старинѣ, да и ужъ больно далеко нужно идти, чтобы уйти отъ Европы. Пѣсни записаны людьми объевропеившимися и насильственно поддѣлавшими мелодію подъ складъ мажорной или минорной гаммы, да даже и обиходные напѣвы напечатаны нотами въ це-фа-ут-номъ ключѣ. Уже и тутъ Европа давала себя чувствовать.

Вообще, Сережа, музыканту, по моему крайнему разумѣнію, слѣдуетъ избѣгать лукавыхъ мудрствованій, а сдѣлать такъ, какъ Богъ на душу кладетъ. Весь вопросъ въ томъ, много или мало кладетъ на душу. Всѣ крайности, всѣ нелѣпости, всѣ сумбурныя звукоизверженія новой русской школы происходятъ отъ лукавыхъ мудрствованій. Тетралогія Вагнера, — этотъ грандіозный памятникъ артистическаго самообольщенія, есть тоже результатъ мудрствованія, хотя и болѣе глубокаго, чѣмъ наше. Я знаю, что вы слишкомъ умны и серьезны для того, чтобы изъ вашихъ попытокъ въ скучномъ родѣ вы не извлекли какихъ-нибудь полезныхъ для васъ и для насъ указаній и разъясненій. Можетъ быть, плодомъ всего этого будетъ какая-нибудь интересная монографія о русской музыкѣ. Но, признаюсь вамъ, что я, не безъ сожалѣнія и грусти, вижу, какъ, мало-по-малу васъ заѣдаетъ рефлексія и какъ дѣйствующій въ области творчества художникъ все болѣе и болѣе уступаетъ въ васъ мѣсто кропотливому изыскателю музыкальныхъ премудростей. Быть можетъ, я ошибаюсь, и вы вступили на свой настоящій путь. Ваши замыслы смѣлы и намѣренія достойны сочувствія, но не забывайте героя романа Сервантеса. Отъ общихъ разсужденій я неожиданно съѣхалъ на репримандъ. Извините, сорвалось съ языка.

Если не будетъ лѣнь, напишите еще: браните сколько хотите, и, пожалуйста, не заключайте изъ моихъ опроверженій, что я обидѣлся.

---

*) Домъ Танѣевыхъ въ Обуховскомъ переулкѣ близъ пожарнаго депо.

№ 786. С. И. Танѣевъ къ П. И. Чайковскому.

Ипоръ 18 августа н. с. 1880 годъ.

Милый Петръ Ильичъ! Простите мнѣ нечаянно сорвавшееся съ языка слово «лицемѣрить» и не сердитесь на меня. Въ вашемъ первомъ письмѣ вы писали, что вы живете совершенно уединенно, но въ тоже время часто испытываете непріятности отъ принадлежности къ человѣческому обществу. Очевидно, что я, отвѣчая вамъ, имѣлъ въ виду нѣчто другое, а не то, что вы хотѣли сказать. Принимая во вниманіе, что человѣкъ, живущій одинъ, не можетъ страдать ни отъ пребыванія среди чуждаго ему общества (ибо онъ живетъ одинъ), ни отъ обѣдовъ, ужиновъ и т. п., я вообразилъ себѣ, что этими словами вы желали сказать, что васъ тяготитъ поприще композитора, ибо именно въ этомъ видѣ я представлялъ ваши сношенія съ людьми. Припомнивъ, что вы одно время сами утверждали, что вамъ надоѣло быть музыкантомъ, что вы хотите бросить сочинять, вообразилъ себѣ, что вы опять стали думать, что поприще композитора вамъ непріятно. Въ этомъ смыслѣ я понялъ слова ваши. Что же касается до ужиновъ, торжественныхъ встрѣчъ и т. п., то я совершенно вѣрю тому, что это васъ, какъ человѣка непривыкшаго проводить время въ большомъ и мало знакомомъ обществѣ, стѣсняетъ и тяготитъ, хотя продолжаю думать, что даже и тутъ къ непріятному чувству должна присоединиться частица удовольствія, такъ какъ все это тѣсно связано съ тѣмъ, что вашу музыку любятъ и цѣнятъ, т. е. съ такимъ обстоятельствомъ, которое, какъ вы и сами говорите, вамъ пріятно,

Продолжаю слѣдовать порядку вашего письма. Слово «фатально». Относительно этого слова имѣю замѣтить слѣдующее. Въ основаніи европейскихъ музыкальныхъ формъ лежатъ народныя и церковныя мелодіи, изъ которыхъ это формы выросли. Употреблю, для поясненія моей мысли, сравненіе, хотя банальное, но удобное. Европейскія мелодіи—зерно, изъ котораго выросло цѣлое дерево, наши—зерно, которое только пускаетъ ростки, европейцамъ выбора нѣтъ: они могутъ только продолжать ростить свое дерево. У насъ выборъ есть: мы можемъ, съ одной стороны, способствовать росту европейскаго дерева, а съ другой воспитывать собственные ростки. Въ этомъ смыслѣ я и говорю, что европейцы «фатально» увлекаются на свой теперешній путь: у нихъ одна дорога, а у насъ двѣ. По этимъ двумъ дорогамъ шелъ Глинка, по нимъ идете и вы. Слушая вашу музыку, иногда говоришь: это написано въ общеевропейскомъ характерѣ, а это въ русскомъ. Этотъ русскій характеръ мы чувствуемъ, онъ вноситъ струю совершенно новую и оригинальную въ ваши сочиненія и въ сочиненія Глинки, и моя мысль заключается въ томъ, что русскій оттѣнокъ въ музыкѣ съ теченіемъ времени будетъ получать все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ и изъ него выработается стиль, существенно отличный отъ европейскаго. Я нисколько не проповѣдую отчужденіе отъ Европы, напротивъ мы должны у европейцевъ учиться, что мы и дѣлаемъ. Подхожу къ тому мѣсту вашего письма, гдѣ вы меня обзываете, двумя обидными прозвищами: 1) «Бахомъ изъ окрестностей Пожарнаго Депо» и 2) «героемъ романа Сервантеса Донъ Кихотомъ»,

щедро награждая ими за разсужденія исключительно принадлежащія вашему бойкому перу и выдаваемыя вами за «вычитанныя между строкъ».

Все мое преступленіе заключается въ слѣдующемъ.

Кончивъ ученіе въ Консерваторіи, я пожелалъ узнать нѣкоторыя вещи, бывшія дотолѣ мнѣ неизвѣстными. Началъ съ двойного контрапункта во всѣхъ интервалахъ и написалъ кажется 140 маленькихъ шести-голосныхъ задачъ, взявъ за cantus firmus—русскую пѣсню.

Вслѣдъ за этимъ, желая усвоить себѣ правила строгаго стиля, я написалъ въ церковныхъ ладахъ 32 небольшія фуги, неимѣющія никакого отношенія къ русскимъ пѣснямъ.

Нѣкоторое время занимался писаніемъ задачъ на мелодіи изъ церковныхъ сборниковъ и желалъ бы современемъ дойти до того, чтобы быть въ состояніи на эти cantus firmus написать нѣчто достаточно приличное, чтобы можно было исполнять не какъ контрапунктическую задачу, а какъ композицію. Вотъ мои желанія въ этой области, кажется, довольно скромныя. Зачѣмъ я это все дѣлаю? Просто потому, что хочу сдѣлаться композиторомъ. Вмѣсто того, чтобы меня поощрять, вы меня жалѣете. Вы грустите о томъ, что меня, мало-по-малу заѣдаетъ «рефлексія» и «дѣйствующій въ области творчества художникъ все болѣе и болѣе уступаетъ во мнѣ мѣсто кропотливому изыскателю». Во-первыхъ, я никогда не былъ дѣйствующимъ въ области творчества художникомъ, все, что я дѣлалъ заключалось въ томъ, что я нагромождалъ увеличенные секст-аккорды на чрезмѣрныя трезвучія, воображая, что пишу музыку. Во-вторыхъ, относительно «кропотливаго изыскателя». Для того, чтобы что нибудь основательно узнать, будь это гармонія, контрапунктъ или инструментовка, для всего нужна кропотливая и сухая работа, которая должна предшествовать художественному творчеству. Меня привлекаетъ изящество и закругленность моцартовскихъ формъ, свобода и цѣлесообразность баховскаго голосоведенія, я стараюсь проникнуть, насколько могу въ тайны творчества: вижу, что они знали многое, чего я не знаю; стараюсь этому научиться—все это нисколько не можетъ изсушить меня. Напротивъ. Если я имѣю какія-нибудь музыкальныя способности, то этимъ путемъ скорѣе ихъ разовью, чѣмъ убью. Я кончаю свой струнный квартетъ. Чтобы его написать въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь находится, я исписалъ 240 страницъ—цѣлую книгу небольшого формата. Увѣряю васъ, что все время, пока я его писалъ, я изыскивалъ не то, что хитро и запутано, а напротивъ, исключительно обращалъ вниманіе, чтобы то, что я пишу, было красиво, понятно, благозвучно. Въ видахъ этого я передѣлывалъ темы до тѣхъ поръ, пока онѣ мнѣ начинали нравится. Не моя вина, если получится сочиненіе плохое—значитъ не хватило моихъ природныхъ способностей, я же съ своей стороны сдѣлалъ все что могъ. Спѣшу прибавить, что въ этомъ квартетѣ нѣтъ ничего русскаго (къ сожалѣнію), что въ немъ попадаются итальянскія каденціи и даже заключенія съ древнею моцартовскою трелью. Такъ мало я думаю о томъ, чтобы представлять въ своихъ сочиненіяхъ образцы какого-то до меня невиданнаго стиля, создавать новую, неслыханную музыку! Но, повторяю, русскія мелодіи должны быть положены въ основу музыкальнаго образованія. Думаю, что придетъ время, когда въ консерваторіяхъ не станутъ слѣпо учить тому, чему учатъ въ Лейпцигѣ или въ Берлинѣ, а поймутъ, что намъ

нечего писать контрапункты на грегоріанскіе С. F.-сы, что у насъ иныя задачи, чѣмъ у нѣмцевъ, что нельзя забывать о существованіи русскихъ пѣсенъ, что надо примѣняться къ тѣмъ обстоятельствамъ, среди которыхъ находишься.

Ипоръ, 19 августа, н. с.

Милый Петръ Ильичъ. Я только что отправилъ вамъ письмо и принимаюсь за новое, содержащее нѣкоторыя добавленія къ тому, о чемъ у насъ идетъ рѣчь. Вотъ эти добавленія.

1. Задача, будь это контрапунктическая, гармоническая или иная, не относится къ области художественныхъ произведеній и сама по себѣ не имѣетъ никакого значенія въ искусствѣ.

2. Новыя формы только тогда получаютъ живучесть, а, слѣдовательно, и значеніе для искусства, когда онѣ не изысканы насильственнымъ путемъ, а вылились непосредственно изъ внутренняго чувства художника, одушевленныя тѣмъ, что мы называемъ вдохновеніемъ.

3. То обстоятельство, что я, по окончаніи консерваторскаго ученія, принялся снова писать школьныя задачи, скорѣе свидѣтельствуетъ о сознаніи своихъ недостатковъ и стремленіи ихъ исправить, чѣмъ о желаніи совершать какіе-то смѣшные подвиги.

4. Безъ вдохновенія нѣтъ творчества. Но не надо забывать, что въ моменты творчества человѣческій мозгъ не создаетъ нѣчто совершенное новое, а только комбинируетъ то, что въ немъ уже есть, что онъ пріобрѣлъ путемъ привычки. Отсюда необходимость образованія, какъ пособія творчеству. Тутъ и можетъ имѣть большое значеніе, къ чему пріучилъ себя человѣкъ. Игра Рубинштейновъ въ минуты вдохновенія тоже творчество. Между тѣмъ, какое громадное значеніе имѣютъ для этой игры тѣ механическія упражненія, которыя дѣлали эти пальцы, тѣ гаммы, которыя они твердили.

5. Если цѣлое поколѣніе или даже нѣсколько поколѣній музыкантовъ будутъ механически упражняться въ задачахъ на русскія пѣсни, то это, несомнѣнно, окажетъ вліяніе на то, что они будутъ творить, какъ художники.

6. Мысль писать контрапунктическія задачи на пѣсни вовсе мнѣ не принадлежитъ. Объ этомъ толковали: Одоевскій, Ларошъ и, кажется, Сѣровъ.

7. Мы ходимъ въ потемкахъ. Это совершенно вѣрно, относительно того, что мы называемъ русскимъ стилемъ, русскою гармоніей. Лучшее тому доказательство есть то, что въ учебникѣ гармоніи, написанномъ нашимъ первымъ композиторомъ, [1]) нѣтъ ни одного слова о тѣхъ гармоническихъ послѣдованіяхъ, которыя часто придаютъ особенную прелесть его твореніямъ и которыя носятъ на себѣ отпечатокъ русскаго характера. Развѣ это не доказательство тому, что этотъ стиль недостаточно выяснился и еще не выработался въ стройную систему, подобную западной. Да, мы ходимъ въ потемкахъ.

8. Принимая во вниманіе, что русскій оттѣнокъ въ твореніяхъ русскихъ композиторовъ не достигъ полнаго и законченнаго развитія и что музыка продолжаетъ идти, а не стоитъ на мѣстѣ, нѣтъ ничего нелѣпаго въ предположеніи,

[1]) Т. е. самимъ Петромъ Ильичемъ.

что онъ современемъ разовьется. Напротивъ, эта мысль необходимо слѣдуетъ изъ самаго существа дѣла.

9. Это не поворотъ назадъ, а прямой путь впередъ. Искусство двигаютъ впередъ—творцы. То, что они создаютъ непосредственно и вдохновенно, то получаетъ жизнь,—часто вѣчную.

10. Всякій истинно творящій русскій художникъ, двигаетъ по этому пути искусство, ибо своими созданіями, онъ способствуетъ уясненію національнаго характера, вноситъ новыя черты въ искусство.

11. Я никогда не утверждалъ, что писаніе контрапунктовъ на пѣсни имѣетъ какое-то волшебное свойство превращать человѣка въ композитора, при томъ, національнаго. Глинка ихъ не писалъ, вы ихъ тоже не писали. Но то обстоятельство, что вы родились въ Россіи, слышали пѣсни, жили среди той природы, которая имѣла вліяніе на складъ характера русскаго народа,—эти и многія другія причины дѣлаютъ то, что ваша музыка часто носитъ особый характеръ, непохожій на европейскій.

12. Продолжаю утверждать, что писаніе контрапунктовъ превосходная подготовительная работа.

13. Не имѣя ни правъ, ни претензій помѣщать себя въ число вдохновенно творящихъ художниковъ, которые двигаютъ впередъ искусство, я смѣю думать, что то, что вы прочли между строками моего письма, тамъ вовсе не находится.

14. Что касается до желанія сдѣлаться композиторомъ, то, сознаюсь, что желаніе это имѣю и ничего въ немъ предосудительнаго не нахожу.

№ 1235. Къ С. И. Танѣеву.

Каменка, 15 августа 1880 г.

Оказывается теперь, что когда въ первомъ письмѣ моемъ вы прочли мои сѣтованія на невозможность уйти, даже на время, отъ человѣческаго общества, то я напомнилъ вамъ Хлестакова, жалующагося въ разговорѣ съ городничихой на отяготительныя послѣдствія своей знаменитости. Благодарю, не ожидалъ. Между тѣмъ, дѣло очень просто. Существуетъ государственное учрежденіе, называемое почтой, очень часто берущее на себя задачу отравлять спокойствіе человѣка, убѣжавшаго отъ дрязгъ общественной жизни въ уединеніе, на лонѣ природы. Это учрежденіе и нарушило тогда счастливое теченіе моей одинокой жизни. А вы прочли у меня между строками какую-то Хлестаковщину. Что бы вы не говорили, Сережа, а я лучше васъ умѣю читать между строками. Правда, что мнѣ помогло воспоминаніе объ одной бесѣдѣ съ вами въ Кокоревской гостинницѣ, когда вы мнѣ говорили, что собираетесь, путемъ коллосальныхъ контрапунктическихъ работъ, найти какую-то особенную русскую гармонію, коей доселѣ еще не было. Я очень хорошо помню, какъ вы доказывали тогда, что у насъ не было Баха, что нужно сдѣлать для русской музыки то, что сдѣлалъ и онъ и его предшественники, что вы попытаетесь исполнить все то, что при нормальномъ развитіи исполнили бы нѣсколько столѣтій и нѣсколько десятковъ людей. Я не говорю, что это были ваши слова, но это была ваша мысль, или, по крайней мѣрѣ, въ своемъ неразумѣніи, я такъ понялъ васъ. Мысль ваша показалась мнѣ

тогда очень смѣлой; мнѣ нравился вашъ юношескій задоръ, но я тогда же подумалъ, что, въ сущности, эта чистѣйшая славянофильская теорія, примѣненная къ музыкѣ, а твердое намѣреніе ваше добиваться осуществленія столь неисполнимыхъ, какъ мнѣ казалось, проектовъ, я въ тайнѣ души счелъ проявленіемъ Донъ-Кихотства. Отсюда обидное прозвище: славянофильствующій Донъ-Кихотъ, за которое прошу извинить меня.

Изъ вашего теперешняго письма, я вижу, однако жъ, что вы уже значительно попятились и отступили отъ предположенной цѣли. Если такъ, то тѣмъ лучше.

По поводу вашего сравненія музыки съ деревомъ, скажу вамъ, что, продолжая заимствовать уподобленія изъ растительнаго царства, я бы сравнилъ европейскую музыку не съ деревомъ, а съ цѣлымъ садомъ, въ коемъ произрастаютъ деревья: французское, нѣмецкое, итальянское, венгерское, испанское, англійское, скандинавское, русское, польское и т. д. Почему вы совершенно произвольно только русскимъ народно-музыкальнымъ элементамъ дозволяете быть отдѣльнымъ растительнымъ индивидуумомъ, а всѣ остальные заставляете соединиться въ одно дерево? Я этого совершенно не понимаю. По моему, европейская музыка есть сокровищница, въ которую всякая національность вноситъ что-нибудь свое на пользу общую. Каждый западно-европейскій композиторъ, прежде всего, или французъ, или нѣмецъ, или итальянецъ и т. д., а потомъ уже европеецъ. Въ Глинкѣ національность сказалась ровнехонько на столько же, на сколько и въ Бетховенѣ, и въ Верди, и въ Гуно; если въ моихъ сочиненіяхъ вы слышите русскіе отголоски, то я въ сочиненіяхъ Bizet и Massenet на каждомъ шагу обоняю специфическій французскій запахъ. Пусть нашему зерну суждено дать роскошное дерево, характеристически отдѣляющееся отъ своихъ сосѣдей,—тѣмъ лучше: мнѣ пріятно думать, что оно не будетъ такъ тщедушно, какъ англійское, такъ хило и безцвѣтно, какъ испанское, а напротивъ,—сравнится по высотѣ и красотѣ съ нѣмецкимъ, итальянскимъ, французскимъ. Но какъ бы мы ни старались,—изъ европейскаго сада мы не уйдемъ, ибо наше зерно, волею судебъ, попало на почву, воздѣланную прежде насъ европейцами: корни оно пустило тамъ уже достаточно давно и глубоко, и теперь уже у насъ съ вами не хватитъ силъ его оттуда вырвать. Вообще, желая отъ души, чтобы наша музыка была сама по себѣ и чтобы русскія пѣсни внесли въ музыку новую струю, какъ это сдѣлали другія народныя пѣсни въ свое время,—я не люблю, когда преувеличиваютъ ихъ значеніе и хотятъ основать на нихъ не только какое-то самостоятельное искусство, но даже музыкальную науку. Не вижу никакой надобности учиться и учить иначе, чѣмъ это дѣлается въ Лейпцигѣ и Берлинѣ, да нельзя иначе, по причинамъ, достаточно выясненнымъ выше. Не спорю, что можно усовершенствовать методъ преподаванія, но только методъ, а не принципы.

Вообще, и въ творчествѣ и въ преподаваніи музыки мы должны стараться только объ одномъ: чтобы было хорошо, ни мало не думая о томъ, что мы русскіе и, поэтому, намъ нужно дѣлать что-то особенное, отличное отъ западно-европейскаго.

Вы пишете, что мнѣ нужно не жалѣть, а поощрять васъ. Жалѣть мнѣ васъ дѣйствительно нельзя, ибо, при вашемъ талантѣ и умѣ, вы, во всякомъ случаѣ, не безполезно тратите время; такіе люди, какъ вы, даже заблуждаясь

или сходя временно съ своего прямого пути, все таки достигаютъ цѣли. Если вамъ суждено быть творцомъ, то вы имъ и будете, а если нѣтъ, то въ другой сферѣ принесете свѣтъ и пользу. Но я просто недоумѣваю, въ виду настоящаго фазиса вашего развитія. Когда вы нагромождали увеличен. секст. на чрезмѣрныя трезвучія,—я твердо вѣрилъ, что въ васъ есть самобытное творческое дарованіе; теперь оно куда-то отъ меня скрылось; я пересталъ понимать васъ. Тогда вы, подобно всѣмъ юношамъ, талантъ которыхъ не созрѣлъ, оригинальничали, но въ «нагромождeніяхъ» вашихъ я не могъ не усматривать сильнаго, хотя не созрѣвшаго таланта. Теперь въ вашихъ скучныхъ произведеніяхъ я вижу превосходнаго, ученаго музыканта, но въ этомъ океанѣ имитацій, канoновъ и всякихъ фокусовъ нѣтъ ни искры живого вдохновенія. Если квартетъ вашъ отличается только тѣми, впрочемъ, замѣчательными техническими достоинствами, которыя имѣются и въ тріо,—то я не буду обрадованъ. Пожалуйста, простите за всѣ эти откровенности; я, можетъ быть, ошибаюсь, и все, что я говорю,—неосновательно, несправедливо, но, въ концѣ-концовъ, не могу не сказать, что вы до крайности преувеличиваете ваше яко бы незнаніе и неумѣніе и что вамъ не столько нужны безконечныя упражненія въ контрапунктическихъ фокусахъ, сколько попытки извлекать изъ нѣдръ вашего таланта живой источникъ вдохновенія,—иначе сказать, какъ Богъ на душу положитъ, а не какъ васъ научаетъ измышленная вами теорія.

Я разсчитывалъ, что письмо къ вамъ въ Парижъ не дойдетъ, и потому погодя немного, буду адресовать его въ Селище.

№ 1237. Къ С. И. Танѣеву.

17 августа 1880 г.

Прочитавъ все вышенаписанное, я было хотѣлъ разорвать это письмо. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему все это вамъ пишу, и какъ бы пытаюсь поселить въ васъ сомнѣніе въ себѣ и колебанія, относительно избраннаго вами пути? Между тѣмъ, въ глубинѣ души, я ни минуты никогда не сомнѣвался, что вы, навѣрное, такъ или иначе, будете крупной личностью въ сферѣ русской музыки. Почему я не знаю?—Можетъ быть для достиженія цѣли своей вамъ именно нужно дѣлать то, что вы теперь дѣлаете. Изъ того, что въ данную минуту я не понимаю васъ, быть можетъ, слѣдуетъ то заключеніе, что я лишенъ проницательности, а совсѣмъ не то, что вамъ слѣдуетъ дѣлать что-то другое. Тѣмъ не менѣе, пылъ моего полемическаго увлеченія еще не совсѣмъ улегся, а потому, посылаю вамъ и предыдущіе два листа. Я пробуду здѣсь до ноября. Можно-ль вамъ на время прислать мнѣ вашъ квартетъ? Очень бы интересно.

№ 799, С. И. Танѣевъ къ П. И. Чайковскому.

Консерваторія, 4 сентября 1880 г.

...Во-первыхъ, благодарю судьбу за то, что вы не разорвали вашего письма и написали откровенное мнѣніе о моихъ с к у ч н ы х ъ произведеніяхъ. Соглашаюсь, что въ моемъ тріо нѣтъ вдохновенія; но сіе обстоятельство нисколько не

указываетъ на то, что мой способъ писанія плохъ и что контрапунктическія формы не могутъ служить выраженіемъ вдохновенныхъ мыслей. Стоитъ вспомнить опять таки Баха и Моцарта, чтобы увидать ошибочность такого мнѣнія. Двойные и тройные контрапункты, обращенные контрапункты и т. д., все это въ изобиліи встрѣчается, напр. въ струнныхъ квартетахъ и квинтетахъ Моцарта. Между тѣмъ Моцартъ одинъ изъ самыхъ понятныхъ и общедоступныхъ композиторовъ, и его контрапунктическая ученость часто только помогаетъ ему быть яснымъ. Ученость хороша только тогда, когда она приводитъ къ естественности и простотѣ. Сознаюсь, что я иногда увлекаюсь внѣшней стороной учености, но я увѣренъ, что это современемъ пройдетъ. Объясняется это только новостью для меня этого предмета. Точно также человѣкъ, который только что выучился гармоніи, находитъ удовольствіе въ сложныхъ и запутанныхъ гармоническихъ комбинаціяхъ. Однимъ словомъ: мои сочиненія могутъ быть плохи, но путь, которымъ я иду, вѣрный; двигаясь по немъ, я только пріобрѣтаю въ свое распоряженіе лишнія средства для выраженія моихъ будущихъ вдохновенныхъ мыслей, если таковыя когда-нибудь у меня явятся.

Я страстно желаю дождаться того момента, когда въ моихъ будущихъ твореніяхъ откроете въ какомъ-нибудь канонѣ присутствіе искры вдохновенія. Быть можетъ, мнѣ удастся этого дождаться, и тогда у меня явится неопровержимое доказательство того, что контрапунктъ не изсушаетъ человѣка и что его бояться не слѣдуетъ.

Относительно музыкальныхъ деревьевъ, растущихъ въ европейскомъ саду скажу слѣдующее. Вы выражаете желаніе, чтобы наше «дерево» сравнилось по высотѣ и красотѣ съ нѣмецкимъ, итальянскимъ и французскимъ. Сколько мнѣ извѣстно это, — и суть тѣ деревья, зерно которыхъ есть народная пѣсня. Не смѣю утверждать положительно, но мнѣ помнится, что испанскія, англійскія и шведскія пѣсни не брались музыкантами въ основаніе ихъ контрапунктическихъ работъ. Во всякомъ случаѣ ни испанцы, ни англичане, ни шведы не имѣли у себя композиторовъ, соотвѣтствующихъ Жоскину, Палестринѣ и Баху. Указаніе ваше на то, что деревья: нѣмецкое, французское и итальянское цвѣтущи, высоки и красивы, тогда какъ испанское и англійское хилы и тщедушны, кажется, только подтверждаетъ мои соображенія.

КЪ СНИМКАМЪ ЕГИПЕТСКАГО И АНТИЧНАГО ИСКУССТВА

Искусство египтянъ прямо-противоположно античному. Античное искусство дышетъ стремленіемъ къ свѣту, къ радости. Это стремленіе, въ сочетаніи съ геніальностью художниковъ, поставило античное искусство на недосягаемую высоту. Въ античномъ искусствѣ нѣтъ тайны. Тамъ все свѣтло, все освящено богами, жившими жизнью людей-героевъ. «Вѣчно-юная Афродита торжественно правила ихъ жизнью.

Египетъ же строитъ громадныя пирамиды, храмы, населяетъ ихъ отвратительными богами, которымъ придѣлываетъ птичьи головы, туловища животныхъ. Создаетъ сфинкса съ тайной, застывшей на губахъ. Вся окраска храмовъ, украшеній носитъ глубокій характеръ, поражаетъ своеобразной красотой. Окруживъ себя таинственными мистеріями, закутавшись въ черное покрывало тайны, Египетъ со снисходительною улыбкой смотритъ на все, совершающееся кругомъ.

При всей противоположности античному искусству, Египетъ притягиваетъ своимъ мистицизмомъ—имъ проникнута каждая форма. Въ Египетскомъ искусствѣ нѣтъ реализма. Значеніе символовъ становится очевиднымъ.

Говоря объ искусствѣ прошлаго, объ искусствѣ, которое можно разсматривать съ исторической точки зрѣнія, главное мѣсто нужно отвести философіи и религіи, которыя непосредственно вліяютъ и опредѣляютъ характеръ искусства.

Яркая иллюстрація этого положенія—Египетъ. Вліяніе религіи на искусство было громадно. Метафизическія идеи Египта, давшія спецефическую окраску тогдашнему искусству, отличались глубокой сущностью. Таковы ученія о перевоплощеніи души въ различныя формы, о страданіи ея послѣ смерти, о борьбѣ со злыми духами, и о торжествѣ души, спасенной вмѣшательствомъ добрыхъ боговъ. Отсюда стремленіе у египтянъ къ огражденію души отъ злыхъ духовъ, и доставленію ей всего нужнаго для безсмертія. Понятно, что гигантскія пирамиды выполняли свою задачу въ совершенствѣ, скрывая втеченіе многихъ вѣковъ души, ввѣренныя имъ, переживая вѣка и народы и борясь непобѣдимо съ хаосомъ ихъ окружающихъ объятій пустыни.

Великую тайну хранитъ сфинксъ. Съ каменной улыбкой, которую не могли стереть вѣка, смотритъ онъ на усилія мудрецовъ, старающихся проникнуть въ его тайну.

Проходя дорогу сфинксовъ, и подходя къ храму, надъ входомъ котораго

изображено символическое солнце, оттѣненное черными обелисками, испытываешь кошмарное впечатлѣніе. Здѣсь все гнететъ. Окутываетъ таинственностью. Египтяне стремились сдѣлать вѣчность видимой, создавая такіе памятники искусства.

Египетское искусство, по существу, символическое. Стремясь выразить свою духовную жизнь въ котегорической формѣ, египтяне создали символы, которые иллюстрировали глубину ихъ метафизическихъ идей.

Большое символическое значеніе у египтянъ отводится цвѣтку лотосу, который положительно встрѣчается во всѣхъ украшеніяхъ.

Во всѣхъ изображеніяхъ царствуетъ абсолютизмъ. Разъ созданная форма повторялась безъ измѣненія, давая, такимъ образомъ, величественный характеръ изображенію. Особенно это важно въ изображеніяхъ фараоновъ. Онѣ носятъ строго установленный порядокъ неизмѣнности, династичности. Другія изображенія, обыкновеннаго характера, болѣе свободны. Напримѣръ, изображенія рабовъ полны разнообразной художественной постановки.

Достигнувъ кульминаціонной линіи, египетское искусство не двинулось впередъ. Остановилось вмѣстѣ съ окостенѣніемъ идей вдохновлявшихъ.

Египтяне дали совершенную форму идеямъ. Идеи эти характерны стремленіемъ къ абсолютности. Онѣ, по природѣ, кошмарны. Все это говоритъ, какъ у египтянъ тѣсно было связано искусство съ философскими стремленіями.

Громадный интересъ, который возбуждаетъ египетское искусство, свидѣтельствуетъ о вѣчной жизненности тѣхъ идей, которыя оно иллюстрируетъ.

Египетское искусство—темное подземелье, наполненое чудовищами. Его удушливая атмосфера постепенно одурманиваетъ. И когда стоически пройдешь это подземелье, вознаграждаешься обильемъ и свѣта и красоты въ античномъ искусствѣ.

А. А. Моргуновъ

P. S. Прилагаемые снимки. Античное искусство: Побѣда, мальчикъ, вынимающій занозу, дѣвочка-подростокъ. Египетское искусство: Два внѣшнихъ вида храма, сфинксъ изъ Өивъ, входъ въ храмъ, внутренность храма и три барельефа.

ВЫСТАВКИ ВЪ 1907 ГОДУ

XIV выставка картинъ «Московскаго товарищества художниковъ». Общая черта русскихъ выставокъ — отсутствіе мрамора. Сотни картинъ и двѣ-три скульптуры—постоянное явленіе. «Московское Товарищество» посмотрѣло иначе, отвело въ этомъ году для скульптуръ отдѣльную комнату. Правда, небольшую. Но для начала и это хорошо. Радуетъ такая внимательность. Пора ужъ выставочнымъ дѣятелямъ отказаться отъ диллетантскаго отношенія къ искусству и понять, что ваянье ничуть не ниже живописи. Даже выше. Болѣе совершенный видъ искусства. Располагаетъ тремя измѣреніями, матеріализируется въ пространствѣ, живопись же—въ двухъ измѣреніяхъ плоскости.

Выставка представляла въ этомъ году сравнительно оживленный видъ. Трудно сказать, что было интереснѣе представлено, — живопись или скульптура. Не смотря на крупныя потери, которыя товарищество понесло за нѣсколько лѣтъ въ лицѣ Якунчиковой, Мусатова и Врубеля (который теперь не можетъ работать), Товарищество отличается жизненностью молодыхъ силъ. Силы эти еще находятся въ стадіи развитія, и отъ нихъ можно ожидать многаго.

Невольно вспоминаешь прошлое. Еще тогда неизвѣстнаго, гонимаго Врубеля, котораго нѣсколько лѣтъ не признавало большинство художниковъ, не говоря уже о публикѣ.

Мусатову тоже пришлось перенести не мало терній, прежде чѣмъ съ нимъ стали считаться. Труденъ путь талантливыхъ художниковъ. Имъ всѣмъ приходится проходить „Чистилище святого Патрика“.

На теперешней выставкѣ не было «именъ», но за то появилось нѣсколько талантливыхъ художниковъ, которымъ предстоитъ будущее. Но нѣкоторые экспоненты вызывали крайнее недоумѣніе. Поражаешься, какъ могли попасть на выставку такіе «художники», какъ Якуловъ и Гольдингеръ, въ вещахъ которыхъ, при внимательномъ изученіи, не видно ничего, кромѣ бездарности. Такихъ «defauts» на выставкѣ было болѣе, чѣмъ обыкновенно, что очень повредило Товариществу въ глазахъ публики. Вѣдь у него такое славное прошлое. Вообще, выставка носила въ этомъ году не вполнѣ чистый характеръ. Наряду съ талантливыми вещами было много бездарныхъ картинъ, мѣсто которымъ развѣ только на Періодической выставкѣ.

Преувеличено значеніе Денисова, — ему была отведена главная комната. Картины его скучноваты. Хаотичность формы, каменный колоритъ, грязноватость и чернота,—все это производитъ крайне однообразное и невыгодное впечатлѣніе. *Аллегорическое* содержаніе денисовскихъ полотенъ имѣетъ только отрицательное значеніе. Краски на нихъ такъ же не интересны.

Останавливали вещи Шестеркина импрессіониста. Въ его вещахъ чувство воздушности, свѣта занимаетъ главное мѣсто. Особенно это выражено въ букетѣ цвѣтовъ на окнѣ. Положены такія славныя, красивыя краски, пропитанныя свѣтомъ; долго-долго ласкается глазъ.

Интересно былъ представленъ Моргуновъ, давшій нѣсколько прелестныхъ сѣвернорусскихъ пейзажей. Мягкіе тона, дымчатый колоритъ. Тихая грусть.

Симпатичны были нѣкоторыя вещи Спасскаго, Яковлева, Пырина, Смирновой, А. Ясинскаго, Гончаровой, Средина, Шагина.

Среди скульптуры особенно выдѣлялись С. Коненковъ и А. Голубкина. Коненковъ хотя былъ представленъ не очень полно, но и по этимъ вещамъ виденъ талантливый художникъ. Въ его «Nike», въ этомъ свѣтломъ смѣхѣ неподдѣльной радости жизни, въ стремленіи къ солнцу, къ веснѣ, чувствуется *большой* мастеръ. Другія его произведенія (особенно «Атеистъ») тоже полны глубокаго интереса. Его работы настолько талантливы, что о нихъ нужно говорить отдѣльно.

Голубкина въ этомъ году была слабѣе, чѣмъ въ прошломъ, хотя чуткая художница видна всюду, куда не прикоснется ея рука. Особенно интересны изъ ея вещей полный настроенія Барельефъ и Маска.

Нельзя пройти молчаніемъ нѣкоторыя фигурки Крахта. Въ нихъ много движенія. Другія вещи Крахта носятъ неопредѣленный характеръ.

Симпатичны попытки Ефимова. Въ его звѣряхъ много наблюденія и любви.

Отдѣлъ маіолики былъ бѣденъ. Эмбе

О скульптурахъ Коненкова. Еще молодой художникъ. Впервые появляется на выставкахъ. Но взгляните на его работы. Большая, серьезно пройденная *школа* ощущается въ каждой вещи.

Выставилъ Коненковъ на XIV выставкѣ Московскаго Товарищества пять-шесть скульптуръ. Особенно выдѣлялись «Nike» и «Атеистъ».

«Nike». Голова обыденной русской некрасивой здоровой женщины. Въ самомъ дѣлѣ, до чего некрасива! Курносое лицо. Вульгарно-очерченныя вздернутыя губы. Некрасивый выпуклый лобъ. Рѣденькіе прилизанные волосы. И, въ тоже время, всмотритесь, какъ прекрасно, какъ трогательно-прекрасно это некрасивое лицо! Оно воздѣто. Восторженно-свободно закинулась голова вверхъ. И ликуетъ и сіяетъ «Nike». Смѣются молитвеннымъ смѣхомъ простые глаза. Замерли въ хвалебномъ выкрикѣ грубыя губы. Торжествуетъ несуразное лицо, дышетъ внутренней горячей красотой, болѣе великой, чѣмъ та, что холодомъ вьется въ симметріи мягкихъ линій и законченныхъ формъ. Великая мистическая радость въ «Nike». Не оторванность отъ земли, нѣтъ. — Воздѣтость къ небу и земная радость. Духовная жизненность. Счастьемъ блещетъ «Nike». Стремится ввысь. Летитъ къ солнцу. «Nike» Коненкова — восторженная побѣда Духа, вырвавшагося изъ «некрасивой» плоти, запрокинувшаго эту простую голову для свѣтлыхъ ангельскихъ поцѣлуевъ и осіявшаго ее новой неизреченной *красотой*.

Коненковская «Nike» лишній разъ подтверждаетъ, что художественное произведеніе есть не только отраженіе, но и раскрытіе творящей личности, яркое выраженіе ея стремленій. Чѣмъ она многообразнѣе и глубже, чѣмъ полнѣе воплощается въ образахъ и символахъ, тѣмъ выше становится произведеніе...

Развѣ то, чѣмъ дышетъ «Nike», есть въ жизни? Такихъ головъ, конечно, сколько угодно. Позировала, можетъ быть, неинтересная мѣщански-экспансивная натурщица. Но то, чѣмъ цѣнна *эта* голова, нѣтъ ни въ одной головѣ. Это вышло изъ души Коненкова, это его личное, реализованное въ мраморѣ. Обыденная же экспансивность была, быть можетъ, лишь предлогомъ, вспомогательнымъ средствомъ, поставившимъ голову въ нужное, долго отыскиваемое положеніе...

Вырубленный изъ песчаника «Атеистъ» проникнутъ хмурымъ чувствомъ. Большая угловатая голова. Разбросались лохмотья всклоченныхъ непокорныхъ волосъ. Черты русскія, крупныя. Широкій расползшійся носъ, большой ротъ. Колючіе неприглаженные усы. Давнобритый забулдыжный подбородокъ. Рѣзкія морщины придаютъ лицу необычайную четкость, выпуклость. А въ тѣхъ глубокихъ морщинахъ, что падаютъ отъ носа къ угламъ рта, струится страдальческая иронія. Упрямая желѣзная дума застыла въ характерныхъ складкахъ лба и переносья. Исподлобья-пытливо смотрятъ скорбные невѣрующіе глаза. Грезятъ о чемъ-то страшномъ. На что-то рѣшаются. Жутко мнѣ было, когда я стоялъ передъ ними. Ибо въ нихъ Коненковъ вдохнулъ жизнь. Они *смотрятъ*. А это такъ рѣдко у скульпторовъ, дѣлающихъ трафаретные пустые глаза.

Но, мнѣ кажется, названіе «Атеистъ» не совсѣмъ точно. Не только атеистъ,—*активный* атеистъ. Вѣроятно, «Савва» Леонида Андреева долженъ быть съ такой головой... Мало того, не только отрицаніе, но и, вообще, мщеніе. Взрощенное черною жизнью черное мщеніе. Оно зорко выглядываетъ изъ выжидающихъ глазъ, оно бѣжитъ твердою рѣшимостью въ рѣзкихъ морщинахъ, оно опускаетъ книзу углы молчаливыхъ, безжалостныхъ губъ... Вдобавокъ, это русскій мститель, безпардонный, несуразный, какъ сама жизнь, породившая его. Чуждый какой бы то ни было кабинетности, теоретичности, системы. Практикъ, слѣдующій только голосу своего «хочу». Названіе «Мститель» болѣе шло бы къ этой скульптурѣ.

Красивыя головки «Крестьянской дѣвушки» и «Славянина» интересны, какъ показатель здороваго національнаго чувства ихъ автора. Въ нихъ — мощность. Плавный рѣзецъ удачно очертилъ эти два чисто славянскихъ своеобразно-красивыхъ лица.

Но вниманіе больше приковывается къ «Портрету г-жи О.». Властное холодное лицо поблеклой львицы, похожей на египтянку. Хищность и таинственность. Линіи носа и бровной дуги соединяются въ одно смѣлое плавноизогнутое соколиное крыло. Но скульптура дана была, покамѣстъ, въ гипсѣ, который, какъ извѣстно, отличается способностью мертвить,—засушиваетъ линіи, шершавитъ формы. Скульптура, какъ говорится, рождается въ глинѣ, умираетъ въ гипсѣ и навѣки воскресаетъ въ мраморѣ.

Уже то, что далъ Коненковъ на «Московскомъ товариществѣ», показываетъ, что онъ—сложившійся художникъ, большой мастеръ. На его произведеніяхъ не лежитъ клеймо двухъ знаменій теперешняго художественнаго лихолѣтья. У него нѣтъ ни декоративности, ни аллегоричности. Декоративность нужна голому убожеству. Аллегоричность—духовной пустотѣ. *Художникъ* же отметаетъ и то и другое. Вмѣсто декоративности у Коненкова—простота, вмѣсто аллегоріи—глубокій художественный замыселъ. У него нѣтъ ни украшеній, ни безличнаго moderne, ни вымученной стилизованности. Коненковъ весь—естественная простота, а въ

ней трепещетъ художественный замыселъ. Онъ грѣетъ скульптуры Коненкова, дѣлаетъ значительной каждую жилку. Ни въ одной вещи нѣтъ грубыхъ, аляповатыхъ, угловатыхъ жердей аллегоріи, на которыя, какъ на вертелъ, представители „новаго искусства" такъ любятъ натыкать свои произведенія.

Много также движенія. А дать движеніе въ скульптурѣ головы—задача не легкая. На ней обжигались и большіе художники. «Nike» же—*летитъ*.

Анат. Бурнакинъ

«Независимые». Нельзя не упомянуть о новомъ (по крайней мѣрѣ для Москвы) явленіи. Образовалась выставка «Независимыхъ». „Независимые", кажется, сорганизовались въ постоянное учрежденіе. Конечно, независимость дѣло хорошее. Въ особенности, если она есть нежеланіе подчиняться господствующимъ теченіямъ, традиціямъ, трафарету. Но, въ данномъ случаѣ, ни о какой независимости не можетъ быть и рѣчи. Это просто собраніе картинъ, *отвергнутыхъ* на жюри «Московскаго Товарищества». Могутъ сказать — суть не въ названіи, важны внутреннія достоинства. Трудно ожидать такого возраженія отъ тѣхъ, кто побывалъ у «независимцевъ». Ни одной самобытной картины. Ничего новаго. Все это мы уже видѣли (только въ лучшемъ видѣ) и на «Періодической» выставкѣ и у «передвижниковъ». Дополняло всю эту зависимую «независимость» изобиліе бездарнаго подражанія пріѣвшагося „Moderne". Мнѣ кажется, что названіе «Отверженныхъ» вызвало бы большее сочувствіе къ этой выставкѣ. Публика ко всему отверженному питаетъ инстинктивный интересъ.

Эмбе

«Голубая роза». Я не знаю, почему это такъ. Но на этой выставкѣ изысканно-утонченной живописи не было того, чего я ждалъ отъ нея, а что было, возбуждало жалость. Я могу воспринять и тайно спрятать въ своей душѣ мертвенно-слабыя, усталыя, но прекрасныя, какъ черты много-любившей и теперь застывающей въ грезахъ, линіи и краски на картинахъ Павла Кузнецова; или я слышу шумъ яркихъ пятенъ въ пано Николая Миліоти, я приближаюсь къ сказкамъ и снамъ М. Сарьяна; или къ ночамъ П. Уткина, я понимаю, что привлекало душу послѣднихъ, что имъ снилось «подъ шатромъ засыпающимъ», и какія они видѣли «священныя рощи» подъ чарами луны и солнца, и что не сумѣли передать ни М. Сарьянъ, ни П. Уткинъ. Хотѣлось большей безчувственности и больше сонности, меньше осязаемаго и доступнаго,—ужъ если нужно «жизнь проспать свою»!

Но вѣдь то же теченіе въ искусствѣ создало на Западѣ героическіе фантазіи и образы, полные движенія и силы, яркаго солнца или бурной, играющей ночи,—какія-то гигантскія души. Отчего все такъ робко и не смѣло въ душѣ и лепесткахъ *Голубой Розы*, такія лѣнивыя и чуть дрожащія эмоціи, какъ будто заглохшія, предсмертныя?

Ник. Русовъ

«Новое общество». Я хочу сказать нѣсколько словъ, главнымъ образомъ, о двухъ художникахъ «Новаго Общества»—о Мурашко и о Фокинѣ. Правда, вспомина-

ются и другія солидныя работы. Напримѣръ, холсты Богаевскаго, прекрасныя скульптуры Коненкова, но вниманіе мое было приковано исключительно къ творчеству Мурашко и Фокина. Изъ работъ Мурашко меня заинтересовали—портретъ дамы въ черномъ на диванѣ, обитомъ яркожелтой матеріей, портретъ К., по всей вѣроятности, портретъ одного и извѣстныхъ нашихъ портретистовъ, который стоитъ въ полуоборотъ и держитъ въ вытянутой рукѣ картинку въ рамѣ—портретъ Яна Станиславскаго (того художника, котораго писалъ и Нестеровъ) и этюдъ молодой женщины въ профиль на розовомъ фонѣ. Изъ работъ Фокина запечатлѣлись—яблоньки подъ снѣгомъ, облака, весна большія полотна—и цѣлый рядъ маленькихъ этюдовъ, вполнѣ законченныхъ, съ изящно-подобранными красками.

Нельзя забыть этихъ работъ. Хочется назвать ихъ лучшими среди другихъ работъ блестящей выставки «Новаго Общества». Мурашко и Фокинъ мастера. Я смѣло называю ихъ этимъ отвѣтственнымъ именемъ. Мастеръ—это тотъ мудрецъ, который знаетъ, какъ кистью изъ грубаго волоса и краской, заключенной въ цинковый пакетъ, перевоплощаются на полотно — сама весна, сама вода, сама земля, само небо, самъ человѣкъ. Мастеръ—это тотъ аристократъ, который остается имъ, касаясь самаго невозвышеннаго, подымаетъ это невозвышенное до себя, дѣлаетъ его аристократичнымъ, утончаетъ его, заставляетъ каждаго смотрящаго любить это невозвышенное, какъ любитъ онъ—художникъ. Мастеръ—это тотъ капризный труженикъ, который по цѣлымъ мѣсяцамъ и годамъ склоняется надъ своимъ капризомъ, дѣлаетъ его еще легче, еще беззаботнѣе, еще непринужденнѣе, тратитъ всѣ силы, всѣ нервы, горбится и болѣетъ.

Мурашко и Фокинъ не забываются. Ихъ полотна—яркія звѣзды среди другихъ, блестящихъ, но не сверкающихъ живымъ блескомъ, звѣздъ. Они знаютъ страданія одиночества прихотливаго мастера Капризная небрежность въ ихъ полотнахъ достигнута, видна, долгимъ-упорнымъ трудомъ. Чувствуется тактичность, осторожность и изящество. Нѣтъ самоувѣренности. И Мурашко и Фокинъ, видно, совѣтуются съ мастерами, жившими до нихъ, и предугадываютъ будущихъ.

И хочется сказать имъ.—Работайте, трудитесь, страдайте, падайте, подымайтесь, смѣлѣе бросайте ваши мазки, но не забывайте то, что такъ хорошо знаете теперь.—Не забывайте,что скромность и упорный трудъ—это то тѣ два качества, которыя любитъ тотъ, кто своимъ легкимъ крыломъ благославляетъ Искусство.

С.-Петербургъ Дим. Кр—ій

МУЗЕЙ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ ВЪ МОСКВѢ

Искусство у насъ до сихъ поръ въ пренебреженіи. Особенно скульптура. Ютится она въ академіи, двухъ-трехъ музеяхъ. На площадяхъ же красуется лишь въ качествѣ монументальныхъ оффиціозовъ. Всякую попытку къ развитію въ широкой публикѣ эстетическихъ чувствъ нужно только привѣтствовать. Такой попыткой намѣренъ быть «Московскій Музей Изящныхъ Искусствъ». Это будетъ главнымъ образомъ, скульптурно-архитектурный музей. Онъ представитъ изъ себя наглядную исторію ваянія и архитектурныхъ стилей. Зданіе выстроено и въ настоящее время находится въ послѣдней стадіи внутренней отдѣлки. Скульптуры и древности—большинство уже на мѣстѣ. Новый музей—бѣломраморный дворецъ

искусства. Мраморъ сіяетъ всюду. Мраморныя—облицовка стѣнъ, карнизы, капители. По главному фасаду—грандіозная мраморная колоннада—портикъ іоническаго стиля. Главный фасадъ и колоннада портика украшены двумя мраморными фризами,—на главномъ фасадѣ громадный фризъ, выполненный въ четкомъ горельефѣ и представляющій сцены изъ Олимпійскихъ игръ. Фигуры—во весь ростъ. Въ колоннадѣ портика фризъ поменьше—представляющій сцены изъ фриза Парфенона. Обращаетъ вниманіе главная лѣстница. По красотѣ она превосходитъ не только петербургскіе, но и лучшіе западно-европейскіе музеи. Передъ нею что теперь лѣстница Эрмитажа, въ которой, кромѣ пріѣвшагося бѣлаго мрамора и яшмовыхъ колоннъ, нѣтъ ничего выдающагося. Вѣдь щеки и стѣны ея сдѣланы изъ обыкновеннаго стука. Лѣстница же Московскаго Музея вся изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ. Цвѣта: красный, розовый, желтый, зеленый, сѣрый—всѣхъ оттѣнковъ. Искусно подобранные мраморы, въ общемъ, даютъ стройную гамму красокъ. Краски мягко плещутся по величественнымъ ступенямъ, взбѣгаютъ на площадки, вьются по монолитамъ, взмываютъ къ пилястрамъ и колеблются въ изящныхъ рисункахъ карнизовъ. Карнизы и дверные наличники въ центральной части зданія сдѣланы изъ verde antico—классическаго зеленаго мрамора (изъ него колонны въ храмѣ св. Софіи въ Константинополѣ), затерявшагося, было, и недавно вновь найденнаго въ горахъ Ѳессаліи. Музей заключаетъ въ себѣ около 60 залъ и крытыхъ двориковъ, галлерей, выполненныхъ въ стилѣ различныхъ историческихъ эпохъ, начинаясь Египтомъ и завершаясь XV—XVI вѣками. Есть залы—Египетскій, Ассиро-Вавилонскій, 11 греческихъ залъ разныхъ вѣковъ и художественныхъ школъ. Поражаетъ изяществомъ и величіемъ большой центральный верхній залъ, построенный въ видѣ греко-римскаго храма въ три нефа съ двумя рядами колоннъ въ два яруса. Этотъ залъ предназначенъ для помѣщенія здѣсь статуй, бюстовъ, медальоновъ и портретовъ выдающихся русскихъ литераторовъ и художниковъ съ начала XVIII столѣтія по наши дни. Его предполагаютъ назвать «Чертогомъ Русской Славы». Подъ верхнимъ центральнымъ заломъ—залъ, также трехнефный,—Индійскаго искусства.

Образцы памятниковъ искусствъ почти всѣ на мѣстахъ. Изъ Франціи, Италіи, Германіи, Англіи подъ руководствомъ проф. Цвѣтаева привезены большія коллекціи по скульптурѣ античной, средневѣковой, эпохи Возрожденія, причемъ, многіе предметы появляются въ Россіи въ первый разъ. Изъ Египта подъ руководствомъ Бругша вывезена обширная коллекція египетскаго искусства—статуи, рельефы, папирусы. Изъ Британскаго музея вывезены собранія ассирійскихъ древностей, греческія скульптуры вѣка Фидія и въ полномъ составѣ фризъ Парфенона. Изъ Греціи пріобрѣтены гипсовые отливы съ памятниковъ античнаго ваянія, преимущественно классическаго ея періода. Въ Афинахъ куплены бронзовыя репродукціи полнаго собранія Микенскихъ древностей, колоссальныя глиняныя вазы съ древне-эллинскою живописью. Стѣны зала эпохи Возрожденія разукрашены видами главнѣйшихъ центровъ итальянскаго искусства. Музей Изящныхъ Искусствъ въ послѣднее время строится исключительно на средства Ю. С. Нечаева-Мальцова. Правительство, ошарашенное недавними событіями, совсѣмъ забыло о Музеѣ, который предполагало строить само. И Ю. С. Нечаевъ-Мальцовъ, обладая громадными средствами, уже нѣсколько лѣтъ единолично достраиваетъ Музей и пріобрѣтаетъ для него коллекціи.

Nike von Samothrake.

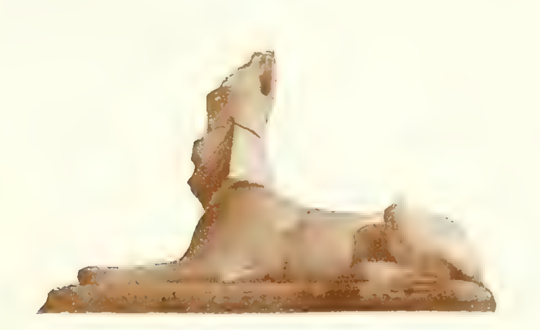

Giovane che si leva una Spina da un piede. (Scuola di M[illegible]).

Una Fanciulla. (Scultura [illegible]).

Louxor ensemble des colonnades.

Сфинксъ изъ Өивъ.

Louxor ensemble des colonnades.

Abydos. Offrande. Seti.

Ramseum temp.

Edfou. Intérieur du temple Horous.

Majdas Offrande soli.

С. Т. КОНЕНКОВЪ. Nike.

С. Т. КОНЕНКОВЪ. Атеистъ.

С. Т. КОНЕНКОВЪ. Портретъ г-жи О.

С. Т. КОНЕНКОВЪ. Славянинъ.

С. Т. КОНЕНКОВЪ. Крестьянская дѣвушка.

А. С. ГОЛУБКИНА. Барельефъ.

ПРОБУЖДЕНІЕ ДУШИ

Въ темную ночь, когда слова не могли передать моихъ мыслей, и въ людскихъ словахъ я не чувствовалъ мысли, когда я видѣлъ только тьму и слышалъ только слова, заглянулъ я въ глубину души своей.

Долго и пристально смотрѣлъ и видѣлъ только темные круги, большіе и маленькіе, сходящіеся и расходящіеся, и слышалъ только шорохи ночи.

Вотъ ужъ видѣлъ я только слезы, и плакала душа моя, когда въ центрѣ сходящихся и расходящихся круговъ увидѣлъ я живое лицо: уста его улыбались, глаза его пронзали, и тихія-тихія слова коснулись ушей.

Странно: лицо это было похоже на меня, но было и что-то другое въ немъ. А слова были такія тихія, говоръ людей и грохотъ жизни заглушалъ ихъ.

И я думалъ: кто же это такой и что говоритъ онъ? Навѣрное, Богъ говоритъ со мною.

Но онъ такъ прекрасенъ и говоритъ такъ тихо, а я такъ безобразенъ и говорю такъ громко?

Я думалъ, а жизнь и люди притягивали, брали мои мысли и дикимъ концертомъ оглушали и давили. И напрасно я пытался перекричать ихъ и затыкалъ уши, чтобы не слышать ихъ.

А уставшаго и страдающаго меня успокаивали тихія слова, которыхъ я не слышалъ, и свѣтлое лицо улыбалось мнѣ.

И вотъ сдѣлалось такъ, что тихій шопотъ этотъ сталъ мученеімъ моимъ и радостью моею, надеждой моей и отчаяніемъ моимъ, сталъ жизнью моею Я, слушая дикій концертъ жизни и играя въ немъ, уже въ немъ находилъ успокоеніе и отдыхъ.

Откуда же идетъ моя жизнь и гдѣ рождается этотъ тихій шопотъ—думалъ я.

Колоколомъ громко звучащимъ была жизнь, и не въ ней родятся эти тихія слова. Въ нее входятъ онѣ еле слышнымъ шопотомъ, и громко звучатъ онѣ за порогомъ ея.

И занесъ уже я ногу за порогъ жизни и заглянулъ въ глубину смерти, когда въ первый разъ услышалъ изъ улыбающихся устъ свѣтлаго лица не шопотъ, а громкія слова, и понялъ ихъ. И были онѣ просты и ясны.

„Подожди и сдѣлай тишину“ сказали онѣ мнѣ.

Такъ велика была радость моя, что услышалъ я голосъ жизни моей, что

замерла душа моя, непроницаемой стѣной сдѣлалась она для всего, идущаго извнѣ.

Въ прозрачный и чистый воздухъ обратились люди и вещи. А въ немъ звонко и радостно раздавались слова, идущія ко мнѣ. Какъ звѣзды небесныя и слезы матери, падали онѣ въ душу мою. И слезами матери о рождающемся наполнилась душа моя, обращенная къ заходящему солнцу жизни. Въ слухъ и вниманіе обратилась она, обращенная къ свѣтлому лицу смерти, говорившему мнѣ.

И вотъ что я слушалъ и впитывалъ въ себя, чѣмъ я жилъ и умиралъ:

„Я разскажу тебѣ о жизни и смерти и покажу тебѣ ихъ. Но это не та жизнь и не та смерть, которою живутъ и умираютъ теперь всѣ. Этою жизнью и смертью живутъ и умираютъ теперь только нѣкоторые, будутъ же—всѣ.

„Близится часъ иной жизни и смерти, ибо ихъ родило человѣческое. И это *новорожденное* я ношу въ своей глубинѣ и покажу тебѣ его.

„Я вынулъ *его* изъ жизни и смерти людей. Блѣдное и слабое было оно. Слезами я вскормилъ его и дыханіемъ оживилъ его.

„Тѣнью ходилъ я за людьми и невидимо собиралъ, поднималъ и бралъ то, что роняли, бросали и теряли они. Слишкомъ нѣжное, неуловимое и большое это было, чтобы могли они удержать это при себѣ. И ненужное оно было имъ.

„Когда двѣ души передавали одна другой самое важное, необходимое и нужное, *нѣчто* оставалось между ними, что теряли они. А это *нѣчто* и связывало ихъ. И я поднималъ это *нѣчто* и прижималъ къ груди своей.

„Невидимымъ *третьимъ* былъ я среди *двухъ*, между которыхъ протекала жизнь и смерть. На свои руки принималъ я то, что оставалось отъ нихъ.

„Это истина“, говорили люди, „это ложь“, „это красота“ и „это безобразіе“ и теряли *то*, что соединяло ихъ. И находилъ я *его* среди отбросовъ и мусора и горячо прижималъ къ груди своей.

„Еслибъ тѣнь моя воплотилась, и человѣкомъ жилъ я среди людей, они бы горько посмѣялись надо мной. „Вотъ человѣкъ, сказали бы они, который питается объѣдками“.

„Но тѣнью скользилъ я между людьми и ускользалъ отъ объятій жизни. Она раздавила бы то дорогое дитя, которое я несъ на своей груди.

„Холодное и маленькое вначалѣ было оно. Слезы мои не могли оживить его, и дыханіемъ не могъ я согрѣть его.

„Понялъ тогда я, что убиваетъ его воздухъ, который отринулъ его, и унесъ я его въ глубину смерти. И во мракѣ смерти начало оно оживать и расти.

„Вотъ пришелъ часъ. (и голосъ говорившаго былъ такъ громокъ и звученъ, что, казалось, говорилъ это весь прозрачный воздухъ, всѣ люди и вещи, окружающія меня)—вотъ пришелъ часъ, когда люди начали искать то, что потеряли. Пришелъ часъ, когда человѣкъ сталъ искать то, что родилъ онъ. Человѣкъ ищетъ свое дитя.

„Дитя человѣка—человѣческую душу—ношу я на груди. Я поднялъ ее, когда человѣкъ бросалъ ее. И сохранилъ ее для него.

„Въ ней всяческое начало. Начало жизни и смерти въ этой душѣ.

„И жизнь есть ея дневная половина. И смерть—ночная.

„Душа человѣка стала такой большою, что не помѣщается уже на груди смерти и ищетъ колыбели.

„Вы люди, ищущіе души своей, станьте ея колыбелью.

„Она еще нѣжное и слабое дитя и хочетъ ласки и ухода. Вы можете быть для нея только хорошею колыбелью. Вамъ передаю я ее.“

И почувствовалъ я, какъ въ оболочку души моей вошла моя душа. И все, что жило вокругъ и все чѣмъ жилъ я, сдѣлалось колыбелью ея.

Настало молчаніе. Я чувствовалъ только какъ весь міръ, какъ колыбель, качался отъ неба до земли.

И опять голосъ прорѣзалъ молчаніе, и былъ ужъ онъ не тотъ. Какъ пѣснь матери звучалъ онъ ласково и нѣжно, какъ призывающій колоколъ звучалъ онъ.

„Что же такое жизнь и смерть, ночная и дневная душа?

„Вотъ былъ человѣкъ въ вертикальномъ положеніи и называлъ это жизнью, переходилъ въ горизонтальное и называлъ это смертью.

„Человѣкъ дѣлалъ что-то, думалъ, ѣлъ и спалъ и называлъ это жизнью. Но вотъ перешагивалъ за порогъ того, что называлъ жизнью, и ничего не дѣлалъ и называлъ это смертью.

„Но понялъ человѣкъ, что все это—душа его и хватился ея.

„Не стало ни добраго, ни злого и осталось только различеніе большого и малаго.

„Но не есть ли большое—увеличенное малое.

„И познал человѣкъ, что міръ вмѣщаетъ всѣ вещи, и всякая вещь вмѣщаетъ весь міръ.

„Душа человѣка есть тоже вещь и вмѣщаетъ всѣ вещи, вмѣщаетъ и самое себя.

„Но какъ она можетъ быть вмѣстилищемъ и вмѣщаемымъ?

„Ночная душа человѣка—вмѣстилище и дневная душа его вмѣстимое.

„Хаосъ и мракъ—ночная душа; свѣтъ и радость—дневная.

„Ночная хочетъ вмѣстить дневную и дневная бѣжитъ. И нагоняетъ ее ночная.

„Вотъ лежитъ сейчасъ душа въ душѣ, какъ дитя въ колыбели, но выраститъ она и будетъ небомъ и землею, днемъ и ночью.

„И будетъ человѣкъ не только ходить по землѣ и смотрѣть на небо, но ходить и по небу и смотрѣть на землю.

Долго носилъ я душу человѣческую и знаю, что она любитъ и хочетъ отъ человѣка. Знаю, какъ нужно устроить колыбель, чтобъ хорошо ей было тамъ.

„Если хотите вы быть колыбелью души своей, а не могилой, то живите такъ, скажу вамъ:

„Вотъ восходитъ солнце и наступаетъ день человѣка. И сѣдлаетъ онъ коня своего—дневную душу и несется во весь опоръ.

„Черезъ горы и пропасти, деревни и города. И по пятамъ несется за нимъ ночная душа. Она все подмѣчаетъ, все охватываетъ и вмѣщаетъ все, пройденное дневною душой.

„Чувствуетъ человѣкъ дыханье ночи и встрѣчаетъ его дыханьемъ дня. И отъ этого прикосновенія загорается звѣзда его и указываетъ путь.

„Но вотъ чувствуетъ онъ, что изнемогаетъ конь его, и ночная душа смыкается надъ нимъ, и звѣзда его гаснетъ. Путь оконченъ.

„Ночная душа вмѣстила дневную.

„И пересталъ онъ быть колыбелью души своей, ибо выросла душа его“...

Голосъ замолкъ. Исчезло свѣтлое лицо.

И тихо сказалъ я себѣ: тогда могу я переступить порогъ.

Ал. Мирногоровъ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНІЕ

Самая интимная сущность индивидуализма—стремленіе личности къ полному самоопредѣленію, желаніе каждаго быть и владѣть самому собой;—какъ *психологическій* фактъ, анархизмъ завоевываетъ все большее значеніе. Эту психологическую тенденцію по литературнымъ и инымъ выраженіямъ можно прослѣдить почти такъ же безспорно, какъ въ хозяйственной жизни стремленіе капитала и производства къ централизаціи. Психологическая эволюція все къ большей и большей автономности личности такъ же бьетъ въ глаза при ея изученіи, какъ, наприм., несомнѣнный прогрессъ промышленной техники. И ясно, что эта быстро растущая сила перегонитъ экономическое развитіе, и къ тому времени, когда пробьетъ часъ капиталистическаго строя, общее сознаніе и психологическое настроеніе многихъ и многихъ будетъ выше соціализма, враждебно ему и, если не побѣдитъ его сразу, вступитъ съ нимъ въ смертельную борьбу.

Я, опять таки повторяю, утверждаю это не съ точки зрѣнія *формальныхъ* правъ личности, развитыхъ дедуктивно, я дѣлаю свои выводы на основаніи такихъ же безспорныхъ фактовъ прошлаго и настоящаго, какъ и всякіе другіе факты. Я говорю, что, замѣченная индуктивно, черта человѣческаго характера—не подчиняться внѣшнему для себя, дерзать противъ всего общеобязательнаго, узаконеннаго,—эта черта, при всякихъ соціально-экономическихъ отношеніяхъ, черезъ всю исторію развивается все шире, вноситъ все большія осложненія въ общественную жизнь, требуетъ себѣ мѣста, и конфликты между личностью и закономъ возникаютъ и грозятъ будущему еще большей остротой. Отъ нихъ не избавится и соціалистическій строй. Больше того, именно въ его нѣдрахъ они должны зародиться съ новой силой, явятся центрами его разрушенія, можетъ быть, въ его самомъ началѣ. Эта анархическая черта принимала самыя различныя формы, начиная съ великаго древняго богоборца—Прометея. Она выразилась въ психикѣ Герострата, сжегшаго одного изъ семи чудесъ свѣта именно потому, что оно *чудо свѣта*, что ему поклоняются всѣ, людская масса. Вы поклоняетесь, а я сожгу! Эти анархическіе огни вспыхиваютъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ, огни, отъ которыхъ загорались пожары, и въ наше время, въ 19 и 20 вѣкахъ, этотъ антисоціальный духъ, протестъ личнаго возмущенія, подходитъ къ своему прочному, непрерывному, упорному развитію и въ ширь и въ глубь, получая философское обоснованіе и раздаваясь въ массахъ.

Этимъ духомъ у насъ въ Россіи заражены герои Достоевскаго, Горькаго, Андреева, и число ихъ все больше въ рядахъ всѣхъ классовъ общества.

Но важно еще слѣдующее. Въ своемъ замѣчательномъ психологическомъ изслѣдованіи о Гоголѣ, проф. Овсянико Куликовскій утверждаетъ: «у всякаго генія особое общественное самочувствіе, очевидно, не такое, какъ у насъ. *Мы* въ нашей соціальной стихіи—какъ рыба въ водѣ, *они* въ ней—чужіе, помимо всякихъ стремленій къ протесту, къ реформѣ и т. д. Геній по самой сути своей въ извѣстной мѣрѣ и въ нѣкоторомъ смыслѣ есть существо «антиобщественное»: онъ—слишкомъ *личность*, чтобы уживаться въ человѣческомъ стадѣ, и слишкомъ принадлежитъ человѣчеству, чтобы всецѣло отдаться опредѣленному цѣлому, ограниченному во времени и пространствѣ... Я думаю, едва ли найдется геній, который бы хоть разъ въ жизни не почувствовалъ фатально, психически необходимаго разлада съ общественной средой,—своей отчужденности отъ нея. Геній даже при наилучшихъ личныхъ обстоятельствахъ чувствуетъ «тяготу бытія», именно «тяготу соціальнаго бытія», въ большей мѣрѣ, чѣмъ другіе люди, даже чѣмъ тѣ, которые по призванію являются критиками общественнаго строя, «отрицателями», «реформаторами». Къ такому психологическому выводу приходитъ проф. Овсянико-Куликовскій. И, дѣйствительно, не говоря уже, напр., о Байронѣ, у котораго есть поэма «Островъ» съ явно анархическими тенденціями, даже у нашего миролюбиваго Пушкина вырывается чисто анархическій стихъ:

Иная, высшая потребна мнѣ свобода:
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все ли намъ равно?

Итакъ, геній и общественность—«двѣ вещи несовмѣстныя». Въ желанномъ соціалистическомъ строѣ, въ этой сгущенной общественности, генія ждутъ два жребія: или онъ будетъ изнемогать и станетъ плоскостью, или онъ будетъ бороться и станетъ врагомъ новаго общества.

Можно оставить въ сторонѣ или считать слабой философію анархизма, но нельзя отрицать тенденціи его развитія, какъ психологическаго факта, какъ высшей точки самоопредѣленія личности. Соціализмъ, который долженъ быть, по вѣрному замѣчанію Штаммлера, еще болѣе принудительной, чѣмъ она теперь, государственной организаціей, только дастъ сильнѣйшій толчокъ протестамъ личности.

Я думаю, можно даже указать тѣ *стадіи*, которыя проходитъ личность или все общество въ своемъ высвобожденіи. Можно замѣтить, что оно начинается съ области *мысли*, съ ея освобожденія отъ авторитета, съ принципа свободнаго изслѣдованія, съ борьбы противъ Бога, догматизма и пр. Освобожденіе мысли переходитъ въ освобожденіе *чувства*, въ борьбу противъ морали, нравственнаго кодекса, общественнаго мнѣнія и за автономію чувства, за его самоцѣнность. Повидимому, теперь наступаетъ третій моментъ освобожденія личной *воли*, —именно теперь, когда тиски государственности и собственности достигаютъ своего апогея. Это вырастаетъ психологически необходимо. Свобода дѣйствій, отрицаніе законовъ и государства, какъ принудительной опеки, и частной собственности—есть лозунгъ нашего времени. Съ его осуществленіемъ наступитъ самый послѣдній

этапъ торжества индивидуализма и вмѣстѣ начало новой борьбы съ *естественными* законами, съ механическимъ міромъ.

Дж. Г. Маккай въ своемъ романѣ «Анархисты», — на что указываетъ и Р. Штаммлеръ,—считаетъ вопросъ о частной собственности неразрѣшимымъ, роковымъ съ точки зрѣнія индивидуализма. Онъ приводитъ такой примѣръ: «я обладаю кускомъ земли и расходую то, что онъ мнѣ приноситъ. Коммунистъ скажетъ: это—грабежъ общественнаго достоянія. Но никакая земная сила иначе чѣмъ путемъ насилія не отниметъ у меня моей собственности, и будете ли вы мѣшать тому, чтобы земля была въ частной собственности въ цѣляхъ личнаго пользованія? Или вы во имя коммунизма допустите за обществомъ право насилія надъ отдѣльными членами и этимъ выбросите за бортъ столь страстно защищаемую всегда автономію индивидуума?»

Я пытался избѣжать этого противорѣчія, переставивъ вопросъ на почву психологіи. Это вѣрно, что собственность не столько экономическій, сколько психологическій фактъ. «Каковы бы ни были внѣшнія условія, потребныя для такихъ-то и такихъ-то безусловно необходимыхъ дѣйствій (для научныхъ изслѣдованій—книги, для ремесленнаго производства—инструменты и т. д.)—они не опредѣляютъ необходимость *собственности*, для нихъ достаточно владѣнія, пользованія. Существенный признакъ собственности «мое» въ противоположность всякому другому вносится не этими внѣшними условіями, а *психическимъ моментомъ*, «присвоеніемъ», внутреннимъ постановленіемъ предѣла, границы и препятствія для другого». (Изъ брошюры В. Ф. Эрна «Христіанское отношеніе къ собственности», стр. 7). И вотъ, если разсматривать съ *этой* точки зрѣнія, собственность въ стѣснительномъ смыслѣ будетъ дѣйствовать на психологію своего обладателя въ то время, когда *безусловно* необходимо будетъ одно пользованіе: собственность дѣлаетъ человѣка психологически или даже *территоріально* несвободнымъ, къ чему-нибудь привязываетъ, заставляетъ дорожить тѣмъ или другимъ, является однимъ изъ владыкъ, подчиняющихъ себѣ человѣка, невозможныхъ при его высшемъ самосознаніи. Частная собственность не совмѣщается съ *послѣдней* свободой, съ вольной орлиной жизнью.

Вотъ, по моему, тотъ соціологическій проспектъ, по которому можно найти научное обоснованіе анархизма.

Ник. Русовъ

ОЧЕРКИ ПО ФИЛОСОФІИ РЕЛИГІИ

КОЛЛЕКТИВНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПОЗНАНІЕ.

«Возможно ли это! Этотъ святой въ своемъ лѣсу никогда еще не слыхалъ о томъ, что богъ умеръ»!
«Такъ сказалъ Заратустра».

I.

На рефератѣ Андрея Бѣлаго: «Соціалъ-демократія и религія» одинъ изъ оппонентовъ задалъ референту, приблизительно такой вопросъ: «вы говорите о новомъ религіозномъ сознаніи, укажите мнѣ кого нибудь, кто бы могъ всякому и каждому исповѣдать свою вѣру, кто бы дѣлалъ и жилъ такъ, какъ указываетъ ему его религія,—человѣка не только религіознаго познанія, но и религіознаго дѣйствія, ибо религія обязываетъ на это». Референтъ не далъ на это отвѣта и, между прочимъ, приблизительно, сказалъ: «Ранѣе, въ ветхомъ завѣтѣ, Богъ явился роду и переходилъ изъ рода въ родъ, это Богъ Отецъ, въ новомъ завѣтѣ Христосъ явился въ человѣкѣ, въ личности, Богъ сталъ проявляться изнутри. Намъ кажется, что вопросъ этого оппонента рѣшительно и прямо ввелъ насъ въ круговоротъ духовныхъ исканій и переживаній современнаго человѣчества и кореннымъ образомъ поставилъ вопросъ о сущности и возможности «новаго религіознаго сознанія». Намъ онъ кажется настолько глубокимъ и своевременнымъ, въ виду неотложной необходимости освѣтить со всѣхъ сторонъ «новое религіозное сознаніе», что мы считаемъ должнымъ остановиться на немъ и вскрыть всю его глубину, основательность и остроту для переживаемаго нами историческаго момента. Характерными кажутся намъ и приведенныя слова въ отвѣтѣ референта.

Мы очень хорошо понимаемъ, что этотъ вопросъ долженъ служить объектомъ глубокаго и долговременнаго изслѣдованія, и настоящій очеркъ, конечно, не можетъ дать всеобъемлющаго и глубокаго анализа, потому что это только замѣчанія, вкратцѣ наброканныя. Но, во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что онѣ имѣютъ долю закономѣрности и истинности.

Личность, ея развитіе, ея мысль и проявленія, представляются намъ самымъ характернымъ явленіемъ нашего времени. Это центральная точка, къ которой все сводится и отъ которой все отправляется, центръ кругообращенія современной жизни. И всѣ возможныя міровозрѣнія нашего времени имѣютъ личность ис-

ходнымъ или конечнымъ пунктомъ, отъ нея отправляются и къ ней приходятъ. Такъ, противоположныя міропониманія, анализу которыхъ былъ посвященъ вышеупомянутый рефератъ, имѣютъ человѣческую личность одно за исходный, другое за конечный пунктъ. Въ предѣлахъ этихъ двухъ міропониманій заключены всѣ возможныя, которыя группируются около этихъ двухъ наиболѣе крайнихъ, наиболѣе яркихъ (и не въ обиду тѣхъ и другихъ буде сказано: впадающихъ въ шаржъ) и примыкаютъ или къ одному или къ другому.

Дѣйствительно, эти два міропониманія—«ледъ и пламень», точка кипѣнія и точка замерзанія всякаго возможнаго міропониманія личности. Между этими двумя точками заключена вся температура личности, всѣхъ ея міропониманій. Эту «кипящую личность» и мы будемъ брать за исходную точку нашего изслѣдованія и отъ ней отправляться. Ибо точка «кипѣнія личности» какъ мы уже сказали, въ ряду однихъ міропониманій является начальной, въ ряду другихъ — конечной точкой. Къ ней человѣчество должно придти историческимъ путемъ, а отдѣльныя личности приходятъ и пришли къ ней сверхъисторическимъ. «Кипѣніе личности» есть и будетъ. И во временномъ смыслѣ это понятіе является нѣкоторымъ абсолютомъ, непреходящимъ и устойчивымъ.

Подъ религіознымъ сознаніемъ мы разумѣемъ опредѣленную. застывшую форму въ которую выливается сознаніе личности и, стало быть, какъ предѣлъ ея кипѣнью. Но предѣлъ кипѣнья личности есть предѣлъ развитія личности, а, слѣдовательно, и разрушеніе ея. Въ возможности разрушенія личности не только теперь, но и въ скоромъ будущемъ мы сильно сомнѣваемся. Ибо тогда бы личность отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть. Мы можемъ представить себѣ разрушеніе личности совершенно инымъ путемъ, путемъ разрушенія личности самой себя, путемъ ея перекипѣнья, когда личность уничтожитъ себя въ логическихъ и психологическихъ противорѣчіяхъ своего сознанія.

Вотъ почему намъ представляется важнымъ и своевременнымъ разрѣшить вопросъ о сущности и возможности «новаго религіознаго сознанія».

II.

Религіозное сознаніе совершенно неотдѣлимо отъ религіознаго познанія. Ибо сознаваніе есть въ тоже самое время познаваніе, а познаваніе—сознаваніе. А религіозное познаніе, мы утверждаемъ, не совмѣстимо съ познаніемъ личности.

Вглядимся поглубже въ природу этихъ двухъ способовъ познанія, вскроемъ внутреннюю сущность элементовъ, изъ которыхъ они слагаются. Прежде всего, познаніе личности, по существу своему, познаніе аналитическое: познаніе же религіозное—познаніе синтетическое. Первое идетъ отъ частнаго къ цѣлому,—второе отъ цѣлаго къ частному. Схема личнаго познанія такова, что путемъ анализа уничтожается міръ объективнаго тѣмъ, что претворяясь въ міръ субъективнаго, трансцедентное превращается въ имманентное. И, значитъ, все объективное, какъ таковое, не имѣетъ никакого смысла для познанія личности, теряетъ свое значеніе.

Религія есть установленіе объективныхъ цѣнностей, объективныхъ нормъ и идей, общезначущихъ и общеобязательныхъ. Иначе, она теряетъ всякій смыслъ и всякое значеніе.

Религія, въ своихъ конечныхъ цѣляхъ, всегда дуалистична, потому что всегда для нея должно существовавать *я* и не *я*, высшее и низшее.

Между тѣмъ, познаніе личности всегда монистично, потому что въ конечныхъ своихъ цѣляхъ стремится все подвести къ одному, все обратитить въ одно, въ *я*.

Итакъ, въ одномъ отношеніи, со стороны телеологической, религія и личное познаніе противоложны другъ другу. Одно дуалистично, другое монистично.

Въ другомъ отношеніи, со стороны средства, онѣ, точно также, противоположны, но уже въ обратномъ отношеніи.

Религія знаетъ и разсматриваетъ только родовыя понятія; для нея существуетъ Богъ, человѣкъ, животное и т. д.

Для личнаго же познанія существуютъ различныя стороны Божества и Его проявленія; существуютъ отдѣльныя личности, отдѣльные виды животныхъ.

Т. е., для религіи, напр. въ понятіи человѣкъ, мыслится сущность, въ личномъ познаніи въ этомъ понятіи мыслится только формальное, собирательное понятіе.

Религія въ отношеніи познаванія является поэтому актомъ обобщенія, личное познаваніе—актомъ дифференціаціи. И отсюда различное установленіе цѣнностей и абсолютовъ религіознаго и личнаго познаванія.

Въ религіи познающимъ субъектомъ является не индивидуальность, не личность, а коллективъ—человѣчество. Религія не различаетъ отдѣльныхъ познающихъ личностей, для нея познающее я—человѣчество. Если два христіанина бубутъ молиться одинъ Іеговѣ, другой Христу, то ихъ обоихъ нельзя назвать христіанами. И идея божества, различно понимаемаго, не можетъ имѣть мѣста въ религіи. Въ религіозномъ познаніи должно откинуть все личное, все частное и оставить только то, что въ тебѣ есть общаго. Отбрось все личное и оставь только человѣческое и, затѣмъ, отбрось все человѣческое и оставь только Божеское. Таковъ процессъ религіознаго познанія. Другими словами, это значитъ: превратись изъ субъекта въ объектъ. Вотъ самая послѣдняя цѣнность и установленіе этой цѣнности религіей. А личность и личное познаніе стремятся къ совершенно обратной цѣнности и совершенно противоположнымъ путемъ. Отбрось все тебѣ «дающееся», все не твое, оставь только то, что принадлежитъ какъ личности, что только тебѣ и никому больше. Сократъ еще намѣтилъ этотъ путь: «познай самого себя». И послѣдняя цѣнность будетъ то, что ты найдешь въ глубинахъ твоего *я*. Цѣнности религіи по существу относительны и преходящи, по формѣ же абсолютны и непреходящи. Цѣнности же познанія личности, наоборотъ, по существу абсолютны и непреходящи, по формѣ же относительны и преходящи. Сущность религіозныхъ цѣнностей лежитъ во времени, а ихъ форма воплощенія въ пространствѣ*). Сущность цѣнностей личнаго познанія лежитъ въ пространствѣ, а форма воплощенія во времени. Устанавливая въ опредѣленный моментъ времени извѣстныя цѣнности, религія считаетъ ихъ непреходящими и абсолютными и видитъ воплощеніе ихъ въ человѣчествѣ, въ природѣ, во всѣхъ явленіяхъ и фактахъ жизни, во всемъ томъ, что составляетъ пространство. Лич-

---

*) Подъ пространствомъ я здѣсь разумѣю совокупность матеріальныхъ элементовъ — матерію. Подъ временемъ же—совокупность движущихъ силъ, энергію—движеніе.

ность же въ своемъ познанiи видитъ непроходящiя цѣнности въ явленiяхъ жизни, въ природѣ, въ человѣчествѣ, сущность ея цѣнностей лежитъ въ пространствѣ, но ихъ проявленiе, обнаруживанiе она мыслитъ только во времени. Личность говоритъ: все неизвѣстное будетъ извѣстно. Религiя же утверждаетъ: все неизвѣстное — извѣстно, и время не проявитъ ничего неизвѣстнаго. Итакъ, можно сказать, что для религiи познаваемость заключена въ пространство, для личнаго познанiя познаваемость заключена во времени. И еще лучше, можно сказать, что для религiи время познается въ пространствѣ, для личности — пространство познается во времени. Это послѣдняя точка расхожденiя религiи и личности, и дальше мы уже ясно можемъ разграничить религiю и личность и видѣть, что религiозное и личное познаванiе два разныхъ пути (хотя и къ одной цѣли), и отсюда будетъ ясно конечно, что идти заразъ по обоимъ нельзя.

Мы утверждаемъ, что религiозное и личное познанiе несовмѣстимы, т. е. противоположны, и одно выключаетъ другое. Эти два рода познанiя — два противоположные полюса. Религiя есть познанiе во 1) объективное, во 2) коллективное. Личное же познанiе есть познаванiе во 1) субъективное и во 2) индивидуальное.

Если эти два рода познанiя противорѣчатъ другъ другу и одно другое уничтожаетъ, если одновременно они существовать не могутъ, то ясно, что одно должно предварять другое. Исторически такъ и выходитъ. Религiя предваряетъ индивидуальное познанiе. До тѣхъ поръ, пока человѣчество въ познавательномъ актѣ не дифференцировалось на индивидуальности и познающимъ субъектомъ былъ коллективъ, народъ, родъ, до тѣхъ поръ, пока Богъ являлся роду и племени, религiя была возможной. Но съ тѣхъ поръ, какъ естественно коллективное сознанiе распалось на индувидуальныя сознанiя, религiозное познанiе смѣнилось познанiемъ философскимъ. И съ тѣхъ поръ религiя и философiя постоянно смѣшиваются, спутываются и принимаются одно за другое. Но если установить, что религiя есть проявленiе коллективнаго сознанiя, а философiя — индивидуальнаго, то ясно будетъ видно ихъ различiе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сущность каждаго. Ясно, что философiя случайно можетъ оказаться актомъ коллективнаго сознанiя, но религiя всегда должна быть актомъ сознанiя коллективнаго. И изъ этого случайнаго совпаденiя религiи и философiи, можно только заключить, что элементъ религiи, какъ составной элементъ, можетъ входить въ индивидуальное познанiе. Такъ, христiанство мыслится иногда какъ религiя, иногда какъ философiя. И познаетъ въ религiозномъ христiанствѣ не индивидуальность, а коллективъ, церковь. Христiанство, какъ религiя, познается соборно, человѣчествомъ, а не личностью. Но христiанская философiя, какъ и различное исповѣданiе отдѣльныхъ личностей, не есть религiя.

Итакъ, въ перiодъ исторiи, когда естественнымъ мiропониманiемъ является мiропониманiе философское, религiозное есть — искуственное. Ибо оно уничтожаетъ то, на чемъ держится современный историческiй строй, т. е. личность, а вмѣстѣ съ нею ея неотемлимое право, право познанiя. Когда это право отнимаютъ у нея, когда видятъ саморазрушенiе личности и гибель ея и вмѣсто индивидуальнаго познанiя объявляютъ религiозное, тогда это понятно, можно съ этимъ не соглашаться, но тутъ нѣтъ противорѣчiя, мѣняютъ одинъ путь на другой. Насколько это цѣлесообразно и возможно сдѣлать безъ искуственныхъ ухищренiй, объ этомъ,

конечно, можно спорить. Поэтому проповѣдь такъ называемаго «вѣчнаго религіознаго сознанія» (напр. Булгакова, Эрна, Свентицкаго и т. д.) можетъ существовать, только отрицая индивидуальное познаніе, и, вмѣстѣ съ нимъ, личность, какъ познающую единицу. И она это дѣлаетъ.

Но совершенно непонятно, какъ можно говорить о «новомъ религіозномъ сознаніи», вытекающемъ изъ индивидуальнаго сознанія, и признавать ихъ совмѣстное существованіе. Новое религіозное сознаніе не уничтожаетъ индивидуальнаго сознанія, а, наоборотъ, его-то, именно, и признаетъ за источникъ познанія. Какъ это совмѣстить? Намъ оно кажется не новымъ религіознымъ сознаніемъ, а просто сознаніемъ индивидуальной философіи. А. Бѣлый, одинъ изъ представителей «новаго религіознаго сознанія,» и самъ говоритъ, что Христосъ положилъ начало познаванію личности, ибо Богъ «явился въ личности». Но идея личнаго Бога есть идея индивидуальнаго познанія. Философія есть познаніе личнаго Бога, а не религія.

Сущность религіознаго познанія, мы повторяемъ, противорѣчитъ сущности познанія индивидуальнаго, и возникновеніе религіи на почвѣ индивидуальнаго познанія мы можемъ объяснить себѣ только соображеніями косвеннаго характера.

Можно только подумать, что проблема новаго религіознаго сознанія есть прежде всего проблема практическаго характера, объективнаго происхожденія, выходящая не изъ глубинъ индивидуальнаго сознанія личности, а изъ поверхностныхъ слоевъ его. Эта проблема тѣсно связана съ проблемой религіозной общественности, какъ та, въ свою очередь, такъ же тѣсно связана съ проблемой общественности вообще. И, притомъ, эти проблемы, намъ кажется, связаны въ отношеніи причинъ и слѣдствій не логическихъ, какъ должно было быть, а чисто психологическихъ. Не изъ индивидуальнаго сознанія вытекаетъ религіозное сознаніе, а изъ него проблема религіозной общественности, а наоборотъ, изъ сознанія общественности вытекаетъ сознаніе религіозное. Процессъ происходитъ не изнутри во внѣ, а извнѣ во внутрь. Этимъ соображеніемъ мы только и можемъ объяснить себѣ глубокое противорѣчіе, заключающееся въ возможности перехода индивидуальнаго сознанія въ религіозное. Мы только можемъ представить себѣ, что религіозная проблема откуда то извнѣ свалена въ глубину индивидуальнаго сознанія, и оно тамъ натолкнулось на нее. Самое же отыскать его въ своихъ глубинахъ оно не могло. И никогда на своемъ пути индивидуальное познаніе не можетъ встрѣтить религію.

Проблема общественности — «проклятый» вопросъ для сознанія современной личности. Все болѣе и болѣе человѣкъ обращается изъ «общественнаго животнаго» въ индивидуальную личность, и тѣмъ все тяжелѣе и несноснѣе становится ощущать тяготу положенія «общественнаго животнаго». Если сравнить индивидуальную и общественную жизнь человѣка, то ясно станетъ, что если въ первой онъ явится безконечно развитой личностью, то во второй, по сравненію съ первой, онъ покажется только стаднымъ животнымъ. И ощущеніе въ себѣ, съ одной стороны, чуть не сверхчеловѣка, а, съ другой, чуть не животнаго, заставляетъ искать выходъ изъ этого трагическаго положенія. Сознаніе личности раздвояется въ этомъ вопросѣ, ибо она сознаетъ, что идея общественности воспринимается еще коллективнымъ сознаніемъ. А синтезъ коллективнаго сознанія человѣка есть религія. Такимъ образомъ, создается идея религіознаго сознанія общественности. И вотъ

эта-то идея религіозной общественности и сваливается въ глубину индивидуальнаго сознанія. Этотъ процессъ чисто психологическій, и чисто психологическія требованія синтеза заставляютъ соединить религіозное сознаніе съ индивидуальнымъ.

Вотъ, какъ намъ кажется, происходитъ то логическое противорѣчіе, въ которое впадаютъ Мережковскій, Бѣлый и другіе представители «новаго религіознаго сознанія». Мы не будемъ здѣсь разсматривать вопросъ о томъ, какъ выйти изъ этого противорѣчія. Настоящій очеркъ представляетъ только схематичную постановку вопроса и ни на что болѣе не претендуетъ. Мы здѣсь только констатируемъ фактъ.

Мы привели здѣсь нѣсколько теоретическихъ соображеній относительно сущности «новаго религіознаго сознанія» и на основаніи ихъ считаемъ его, это «новое сознаніе», безусловно не религіознымъ. Подведемъ итогъ сказанному.

Признавая центромъ всѣхъ жизненныхъ явленій и всего кругообращенія жизни настоящаго и близкаго будущаго личность не только волящую, но и познающую, мы думаемъ, что религія уничтожаетъ познавательное свойство личности, а «новое религіозное сознаніе» впадаетъ въ безысходное противорѣчіе, совмѣщая и религію и философію.

Ал. Мирногоровъ

P. S. Въ слѣдующемъ очеркѣ мы приведемъ нѣсколько соображеній въ пользу практической невозможности „новаго религіознаго сознанія".

А. М.

ОКТАВЪ МИРБО

Октавъ Мирбо родился въ 1850 г. въ Нормандіи. Пришлось ему учиться въ іезуитскомъ коллегіумѣ—въ Ваннѣ. Это имѣло большое значеніе для будущаго романиста. Изъ него выработался врагъ всякой догмы, анархистъ-индивидуалистъ. Безусловно—первыми толчками къ развитію въ душѣ Мирбо ненависти къ всему буржуазному были школьныя впечатлѣнія. Рѣзко бичуетъ онъ іезуитскую систему воспитанія въ романѣ „Sebastian Roc" гдѣ такъ много страницъ автобіографическаго характера.

Духовенству О. Мирбо посвятилъ другой романъ „Abbé Iul" Аббатъ Жюль человѣкъ умный, съ необузданнымъ темпераментомъ, склонный къ семейной жизни и общественной дѣятельности. Ряса мѣшаетъ ему, на каждомъ шагу ставитъ препятствія,—и священникъ умираетъ, проклиная религію, богохульствуя.

17-ти лѣтъ Мирбо покинулъ надоѣвшую семинарію, пріѣхалъ въ Парижъ и сразу закрутился въ столичномъ водоворотѣ. Увлекся кутежами. Иногда зарабатывалъ деньги газетной работой. Подобно Зола. Гюисмансу сталъ защитникомъ импрессіонизма въ живописи, вызывавшаго тогда бѣшеныя нападки консервативныхъ буржуа. Уже въ первыхъ газетныхъ статьяхъ Мирбо горитъ яркая ненависть ко всему застывшему, мертвому, традиціонному. Вскорѣ онъ увлекся куреніемъ опіума и серьезно заболѣлъ, съ трудомъ избавившись послѣ отъ этой привычки.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Мирбо охваченъ страстью къ одной куртизанкѣ. Становится на много лѣтъ ея рабомъ, исполняетъ всѣ ея прихоти, зарабатываетъ громадныя деньги для нея.

Пароксизмъ любви Мирбо мастерски описалъ въ раннемъ романѣ „Le Calvaire". Для Мирбо женщина была рокомъ. Она пригнула его къ землѣ, напоила желчью, дала такъ много почти нечеловѣческихъ пытокъ, превратила его жизнь на долгіе годы въ тернистую Голгофу. Неудивительно, если Мирбо, убивъ, быть можетъ на время, могучее чувство, отстрадавъ, отдохнувъ, все пережитое такъ реально воплотилъ въ „Calvaire". Многія страницы плохо понятны сѣверянамъ, менѣе подвластнымъ велѣніямъ тѣла, болѣе спокойнымъ въ половыхъ эксцессахъ. Герой романа весь захваченъ стихіей любви. Онъ — рабъ страсти. Всѣми поступками поетъ ей громкій гимнъ, непонятный и чуждый для того, кто пережилъ любовь легко и быстро.

Въ жизни Мирбо женщина сыграла роль вампира—безстрастнаго, ненасытнаго. Мирбо уходилъ и возвращался, мучился и радовался, отдавалъ ей весь ароматъ души, все золото утонченнаго мозга.

Прекрасна въ „Le Calvaire“ психологія влюбленнаго человѣка, покорно, терпѣливо несущаго свой крестъ на Голгофу любви. Здѣсь же мы находимъ молніеносный протестъ, рядъ негодующихъ страницъ посвященныхъ бичу міра—войнѣ.

Страсть на время прошла, и усталый, измученный Мирбо съ опустошенной душой уѣхалъ на берегъ моря, купилъ рыбачью лодку и полтора года жилъ вдали отъ Парижа и друзей.

Пылкій, увлекающійся Мирбо не могъ не принять живого участія въ дѣлѣ Дрейфуса. Это дѣло поставило въ ряды защитниковъ Дрейфуса лучшихъ людей—Зола, П. Адана, Пресансэ, А. Франса, Жореса, О. Мирбо. Мракобѣсы, черносотенцы выдвинули своихъ Крушевановъ и Пуришкевичей, вродѣ извѣстнаго памфлетиста Рошфора, романиста Гюисманса и другихъ. Дѣло Дрейфуса отразилось у Мирбо въ трехъ произведеніяхъ: „Дневникъ горничной“, «Садъ пытокъ» и «21 день неврастеника».

«Дневникъ горничной» написанъ такъ огненно и рельефно, въ немъ такъ много тѣневыхъ сторонъ, рисующихъ французскую буржуазію въ отвратительномъ видѣ, что многимъ это произведеніе кажется сплошной каррикатурой: журналисты, капиталисты, литераторы, патеры, крупные землевладѣльцы, военные проходятъ безъ масокъ—циничные, наглые, хитрые, глупые. Вѣрные удары наноситъ всѣмъ имъ талантливый анархистъ - индивидуалистъ. Ненавистью къ современности и пышными мечтами о вольномъ расцвѣтѣ всѣхъ силъ души, освобожденной отъ оковъ религіи и власти денегъ, овѣяны многія страницы.

Мирбо создалъ также нѣсколько пьесъ въ защиту трудящихся. Особенно талантливо написаны «Дурные пастыри», хорошо извѣстные русскимъ по многимъ переводамъ. — Даже французы мало знаютъ изящно изданный и давно распроданный томъ разсказовъ Мирбо изъ крестьянской жизни.—„Les contes de la chaumière“.

Очень тяжело читать «Садъ пытокъ». Слишкомъ много тамъ крови, слишкомъ ярко описаны тамъ пытки,—не даромъ книга посвящена священникамъ и военнымъ,—но зато, какъ влечетъ жизнь таинственнаго Китая!

Въ книгѣ «21 день неврастеника» набросанъ рядъ выпуклыхъ шаржей на общественныхъ дѣятелей, — министра народнаго просвѣщенія Лейга, виновника войны съ пруссаками Оливье и др. Но здѣсь же есть много картинъ тяжелыхъ и грустныхъ. Во весь ростъ встаетъ противорѣчіе и цинизмъ жизни, раздѣленной на два лагеря: сытыхъ и голодныхъ.

Октавъ Мирбо лишенъ сантиментальности. Безпощадно, энергично, какъ опытный хирургъ, оперируетъ онъ надъ болѣзненными наростами, смѣло срываетъ маски съ современниковъ, жизнь которыхъ, какъ безшабашный канканъ на кратерѣ, каждую минуту готовомъ взорваться. Но романистъ вѣритъ въ здоровый, богатый скрытыми силами, черноземъ—рабочій классъ. Въ такихъ произведеніяхъ какъ «Дурные пастыри» Мирбо любовно рисуетъ яркую зарю Новой Жизни.

Ник. Поярковъ

ДВА ПУТИ

Если попробовать отрѣшиться отъ жгучихъ переживаній дѣйствительности и стать холоднымъ наблюдателемъ—какимъ хаотичнымъ долженъ показаться вихрь мыслей и настроеній, проносящихся вокругъ.

Еще не былъ пережитъ Ницше (да даже и не былъ узнанъ), какъ хлынула волна вопросовъ о новой религіи и новомъ искусствѣ. Но и она не поднялась до своей высшей точки, какъ и ее смѣнили построенія соціалистическія и анархическія. Революція несла бурю всесокрушающую, требующую забыть обо всемъ, кромѣ нея. И многимъ кажется, что революція и искусство силы противоборствующія, взаимно исключающія другъ друга.

Но достаточно поставить одинъ вопросъ, и ихъ связь окажется совсѣмъ тѣсной. Вѣдь несомнѣнно, что сумма страданій, переносимыхъ какъ будто ради революціи, далеко не будетъ соотвѣтствовать тѣмъ результатамъ въ видѣ политическихъ и соціальныхъ благъ, которые ими будутъ достигнуты.

Эти мученія, вѣроятно, нигдѣ до сихъ поръ невиданныя, хочется вѣрить, отзовутся въ совсѣмъ другомъ уголкѣ души человѣческой. Какъ бы ими приносится великая жертва въ нѣкоторую единую сокровищницу, и будетъ свѣтлый отблескъ въ тѣхъ общихъ построеніяхъ, которыя именуются философіей, въ тѣхъ религіозныхъ порывахъ, которыя мы назовемъ искусствомъ.

„Wir müssen beständig unsre Gedanken aus unsrem Schmerz gebären" (Nietzsche) *).

Невѣдомъ, непознаваемъ тотъ законъ, по которому перевоплощаются эти мучительныя и страстныя переживанія, вихрь неожиданныхъ и чудесныхъ образовъ, въ благодатныя настроенія, въ цѣпь мыслей, созидающихъ постройку новаго міровоззрѣнія. Затихнетъ душа, какъ море послѣ шквала, и тихіе кристаллики страданія будутъ блистать въ ней, покрытые моремъ радости пѣвучей и ясной.

Такова жестокая смѣна, таковъ неизбѣжный путь.

Но только проникшись этой мыслью, можно оцѣнить тѣ великія откровенія, которыя несетъ намъ искусство, иначе его придется выбросить, какъ праздное развлеченіе, и ограничить свою душу рамками холодныхъ размышленій о суетныхъ, внѣшнихъ событіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, понятны цѣль и смыслъ литературы, заполняющей наши толстые журналы, эти непосредственныя впечатлѣнія, фотографически-сантиментальныя у Боборыкина, фальшиво-ужасныя у М. Горькаго („Мать"). Это то же самое, что говорится на улицахъ и въ гостиныхъ. И написано такъ же, какъ говорятъ. Что жъ? Во всемъ этомъ есть непосредственная достовѣрность. Развѣ нѣтъ погромовъ, развѣ не убійственна жизнь рабочихъ?

Можно было-бы еще упрекнуть этихъ писателей и тьму имъ подобныхъ за бѣдность фантазіи. Вѣдь въ любомъ номерѣ газеты всякій найдетъ случаи гораздо болѣе ужасные, болѣе интересные, неподдѣльные.

---

*) «Наши мысли должны мы постоянно рождать изъ нашей боли».

И за другое кое-что можно было бы ихъ упрекнуть. Почему, напримѣръ, имъ пришло въ голову думать, что всѣ эти благонамѣренныя размышленія—искусство? и т. д. Но какъ бы то ни было, всѣ ихъ писанія очень понятны, и цѣль ихъ очевидно благородна. Если есть еще столь тупые люди, что не знаютъ преимуществъ конституціи передъ неограниченнымъ самодержавіемъ, отчего же ихъ не поучать сразу съ двухъ сторонъ и брошюрками и беллетристикой?

Какъ все это понятно, просто. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, какой-то «Панъ» К. Гамсуна?

Нашлись даже люди, чуть ли не приватъ-доценты университета (не думайте, пожалуйста, что это мои выдумки), которые прямо такъ-таки и провозгласили: Метерлинкъ. Уайльдъ и т. д. — все это жалкая пѣсня умирающей буржуазіи (хорошо еще, что они не знали именъ русскихъ «декадентовъ»), все, молъ, что намъ не понятно, все это можетъ пѣть только буржуазія, которой дѣлать становится нечего, которая и дразнитъ себя пикантными картинками.

Не нужно думать, что такая оцѣнка искусства—достояніе какой-нибудь одной опредѣленной политической партіи. О, нѣтъ. Здѣсь происходитъ трогательное единеніе разнообразныхъ политическихъ элементовъ, съ той лишь разницей, что почтенныя «Русскія Вѣдомости», по своей трусости, печатаютъ разсказъ о порочномъ земскомъ начальникѣ, а сборники «Знанія» пойдутъ дальше—до вооруженнаго возстанія и пролетаріата.

И вотъ предъ нами два опредѣленныхъ пути: путь позитивизма, отметающаго все, выходящее изъ рамокъ безразличныхъ, сустныхъ внѣшнихъ явленій, и другой путь, признающій многогранность жизни и непреходящую цѣнность переживаній каждаго индивидуума, значимость всѣхъ ирраціональныхъ, не претворяющихся во внѣшне-значительные поступки, настроеній, признающій великую Тайну и Чудо жизни.

Идите по первому пути, отбрасывайте все непонятное вамъ, стройте ариометически-простую схему жизни. Но будьте и искренни. Называйте вещи своимъ именемъ, сознайтесь, что воровски пользуетесь словами «искусство», «религія», ибо не имѣете о нихъ никакого живого представленія. Говорите прямо, что искусство нужно лишь, какъ удобная форма пропаганды.

Другой путь труденъ больше всего потому, что не хочетъ признавать важность выводовъ, выраженныхъ голыми логическими терминами. Его нельзя охарактеризовать въ немногихъ словахъ. Но прежде чѣмъ приступать къ искусству необходимо отказаться разъ навсегда отъ мысли, что можно построить единую, ариометически-ясную систему жизненныхъ явленій. Жизнь можетъ показаться хаосомъ темныхъ, роковыхъ силъ, вихремъ нескончаемыхъ мученій. И нельзя будетъ спросить, для чего они. Въ нихъ будетъ чуяться роковая сила. Но наступитъ потомъ преодолѣніе этого внѣшняго хаоса. И оно придетъ, ясное, огромное, уже навсегда. Сила его въ томъ, что оно прояснится не въ законахъ внѣшнихъ явленій. Изъ глубины своей собственной души поднимется сила противоборствующая, радость чудесная.

„Erquickung hast du nicht gewonnen,
Wenn sie dir nicht aus eigner Seele quillt“ (Goethe. Faust) [1]).

[1]) «Ты не обрѣлъ утѣшенія, если оно не струится изъ твоей собственной души».

И уже знаешь, что ты не только навозъ для радостной жатвы будущихъ поколѣній, твоя коротенькая жизнь, твоя маленькая, одинокая душа дѣлается единственной драгоцѣнностью.

И, можетъ быть, уже, потомъ, ты просвѣтленный, и міръ примешь съ особымъ чувствомъ. Не отъ него будетъ исходить радость и смыслъ. Твоя царственная личность освѣтитъ и его своимъ свѣтомъ.

И увидишь ты великіе свѣтильники на пути твоемъ, и искусство станетъ прозрѣніемъ въ великія Тайны, служеніемъ твоей личности. Тайны любви и смерти у Метерлинка, хаосъ изломанной страсти у Уайльда, радость о всемъ, сліяніе съ милой природой и преодолѣніе неизбѣжно-трагической любви у К. Гамсуна—откровеніемъ будутъ звучать всѣ ихъ чудесные вымыслы. Для насъ болѣе значительнымъ и близкимъ, чѣмъ откровенія древнихъ, уже отжившія и ненужныя.

Б. Грифцовъ

ОТЪ СЦИЛЛЫ КЪ ХАРИБДѢ И ОТТУДА... ВЪ ПРОЛЕТЪ ДВУХЪ СТУЛЬЕВЪ

«Толстые» журналы—несдвигаемые авторитеты большинства. Но меня они коробятъ. Не выношу почтенныхъ петербуржцевъ—этихъ облысѣлыхъ рыцарей скуки, этихъ заскорузлыхъ сгущеній невскаго тумана.

Ихъ фамиліи—примелькавшіеся вывѣски писчебумажныхъ магазиновъ, захватанные издырявленные плакаты. Ихъ костюмы—шикъ типографской безвкусицы. Обложки—пакеты для бакалеи. Текстъ—перепачканная плохой краской сѣрая мѣшанина. Украшенія—черныя пятна рекламъ объ американскомъ золотѣ и непромокаемыхъ плащахъ.

Но «и въ рубищахъ почтенна добродѣтель». Обратимся же къ ней.

Когда соціальный пульсъ бьется съ быстротою телячьяго хвоста, тогда добродѣтель журналовъ «литературы, искусства, политики и жизни» такова. Литература—монополія скитальцевъ, таповъ и присныхъ. Они заряжаютъ свои неуклюжіе браунинги партійными директивами и плохими рифмами и неистовствуютъ. Дребезжатъ на стаканахъ изъ подъ гремучаго студня. Выбрасываютъ картину, какъ флагъ. Замахиваются статуей, какъ бомбой. Издѣваются надъ Милосской—одѣваютъ въ доспѣхи, даютъ въ руки винчестеръ. И стоитъ она передъ ними поруганной прислужницей...

Но литературы немного. Три-четыре стишка—maximum. Причемъ, для сбереженія мѣста, два различныхъ стихотворенія соединяются въ одно. (Такъ поступило «Образованіе» съ Евг. Тарасовымъ.) Потомъ, полтора разсказа да полъ-воспоминанія литературной мыши. Вмѣсто концовокъ и заставокъ неизбѣжное «продолженіе слѣдуетъ». Объ искусствѣ упоминается только на обложкѣ, для фирмовой солидности. Въ текстѣ его не сыщешь и съ микроскопомъ.

Зато нескончаемыя болота политики и жизни. Неугомонный лай изъ конуръ различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Кучи всяческихъ вопросовъ, обозрѣній, хроникъ, дѣятельностей, а больше всего будущностей. Фабрикующіе политику и жизнь въ послѣднихъ особенно сильны. Не щадя охры, размалевываютъ перспективы все-

человѣческаго свинства. Съ аптекарскою честностью муниципализируютъ землю. Умиленно прорицаютъ, какіе штаны будутъ въ модѣ въ эдековскомъ раю. Перелаиваются до хрипоты о группировкѣ праправнуковъ въ учредительномъ собраніи.

Итакъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, они умничаютъ, сплетничаютъ, ссорятся и мирятся, агитируютъ, пропагандируютъ, собираютъ подписныя деньги, создаютъ себѣ популярности и комфортабельныя редакціи и благодушествуютъ.

Но когда соціальный пульсъ капризничаетъ, ослабѣваетъ, когда публика равнодушествуетъ къ коллективнымъ эмоціямъ и откровенно зѣваетъ въ холодныхъ объятіяхъ политики и жизни, тогда почтенные петербуржцы растериваются.

Тогда Луначарскій пытается заткнуть междудумскую прорѣху агитаціонной тряпкой соціалдемократическаго искусства. Тогда Плехановъ заполняетъ антрактъ потугой реабилитаціи драмы Горькаго съ классовой точки зрѣнія. Тогда таны бьются головой о стѣны, отдѣляющія ихъ отъ фантазіи и вдохновенія.

Но настроеніе падаетъ, какъ камень. Пульсъ еле тикаетъ. Домашнихъ средствъ недостаточно.

Тогда для оживленія временно выписывается «новое искусство». Ему разрѣшаютъ сѣсть на кончикъ редакціоннаго стула и выжимаютъ изъ осчастливленнаго неофита нѣсколько сдабривающихъ капель въ свои протухшія кушанья. А на подмогу политикѣ и жизни ангажируется на время мистицизмъ и индивидуализмъ.

Толстѣетъ литературный отдѣлъ, пахнетъ розано-бердяевской философіей и, въ общемъ, получается невообразимая каша. Одни изъясняются въ любви къ безносой дѣвкѣ Пропагандѣ, другіе улавливаютъ похотливый шлейфъ Незнакомки. Одни кропотливо вырѣзываютъ картонные мечи для битвъ грядущихъ, другіе плаваютъ въ надзвѣздныхъ пустыняхъ. У однихъ—воловьи нервы, тупая голова и наклонности мясника, у другихъ—нервы, какъ гнилыя нитки, утонченный высыхающій спинной мозгъ, дезорганизація психологіи.

Тутъ же соціализмъ, отравленный стрѣлами индивидуализма, и индивидуализмъ, задыхающійся въ каменномъ мѣшкѣ соціализма. Позитивизмъ, скрещенный съ мистицизмомъ и рождающій религіозное затемнѣніе.

Впрочемъ, публика благодарно пожираетъ журнальный стрихнинъ. «Новое искусство» ликуетъ и шлетъ въ «Вѣсы» письма о всеобщемъ признаніи. Правда, брюзжатъ присяжные барды, опасающіеся безработицы, но фабрикующіе политику и жизнь успокаиваютъ фабрикующихъ литературу и искусство миражемъ загорающихся вдали деревень.

Нѣтъ, подальше отъ этихъ обросшихъ мохомъ авторитетовъ.

Я далеко не апологетъ «новаго искусства», но, поневолѣ, на время, иду къ нему. Пусть «Вѣсы» —обронившій отечество комми-вояжеръ, пусть «Золотое Руно» — шелковая потѣха первогильдейца, а «Перевалъ» —безликій радикалъ, —все таки они для меня интереснѣе и цѣннѣе петербургскихъ студней и мягкотѣлыхъ.

Вотъ «Вѣсы» возводятъ къ горнымъ вершинамъ духа (правильнѣе,—возводили, теперь же возводятъ не выше Воробьевыхъ горъ). Вотъ «Золотое Руно» увлекаетъ въ тихія глубины красоты. Вотъ «Перевалъ» погружаетъ въ гущу современной идейной сумятицы.

Представители «новаго искусства» удовлетворяютъ меня, главнымъ образомъ, своимъ внѣшнимъ эстетизмомъ. Ихъ книги изящны, ихъ стихи отшлифованы. Они знаютъ, что Прекрасную нельзя оскорблять лохмотьями, что ей нужно бѣлое ложе, усыпанное свѣжими фіалками.

Долго отвергаемые, высмѣиваемые они усердно работали надъ языкомъ и, шагъ-за шагомъ, расковывали душившія его цѣпи академизма. Положили въ основу поэзіи музыкальное начало. Ритмомъ, гармоніей затрепеталъ-заигралъ подъ ихъ перьями русскій языкъ. Стерли грань между стихомъ и прозой. Утвердили новыя слова, новые размѣры, новыя созвучности. Всколыхнули народную поэзію.

Но созидательный періодъ почему-то слишкомъ быстро закончился. Представители „новаго“ искусства уже очерчиваютъ около себя кругъ, изъ котораго имъ, видно, не выйти. Приклеили къ своей школѣ ярлычокъ и готовятся «почить на лаврахъ». Откровенно говорятъ, что внѣ ихъ нѣтъ спасенія. Отвергая вначалѣ преемственность, теперь они хватаются за нее руками и ногами. «Вѣсы» утверждаютъ, что «дальнѣйшее развитіе художественнаго творчества должно брать исходной точкой созданное этой школой». И становятся на срединный путь академизма — на путь «преемственности» и борьбы съ «революціонными группами, полагающими, что задачей искусства можетъ быть вѣчное разрушеніе безъ строительства».

Вожаки «Вѣсовъ» прежде думали, конечно, далеко не такъ. Тогда они превыше всего ставили безпочвенное дерзаніе. Теперь же ихъ кадетскіе идеалы не идутъ дальше «отграниченія «дѣйствительнаго движенія впередъ отъ попытокъ реакціи и безпочвенныхъ настроеній» да еще комми-вояжерской «особенной заботы» на счетъ читательской освѣдомленности «о культурной жизни всего міра». (Послѣднее для «Вѣсовъ», вѣроятно, теперь самое главное.)

Всѣ эти руководящіе тирады проспекта для подписчиковъ слишкомъ пахнутъ плохимъ одобреннымъ учебникомъ словесности и имѣютъ очень маленькій и прозрачный смыслъ: «Только мое хорошо, а внѣ меня дальше идти некуда и незачѣмъ». Другими словами: «Не смѣть разбавлять моего ничѣмъ, кромѣ воды».

И разжиженіе уже началось. Созданное утверждено въ законъ. Украшенный безконечной гирляндой циркулярныхъ перепѣвовъ онъ душитъ непомѣрно. Искусству угрожаетъ новый академизмъ, новыя цѣпи. (Наиболѣе ярымъ академистомъ является уже спѣвшій свою пѣсню В. Брюсовъ.) Вулканъ закупорился. Лава застываетъ. Молодымъ всходамъ «мистиковъ», быть можетъ, прійдется заканчивать свой ростъ на грудѣ булыжника. Подобно отцамъ, они тоже за «преемственность», а что можетъ родиться на камнѣ. И они такъ блѣдны и низкорослы...

Угасаніе идетъ по всему фронту. Разсыпаются обуглившіеся «декаденты». Истекаютъ холодною кровью безцвѣтные «мистики.» Теперь это простому глазу еще незамѣтно. Кажется даже, что теперь «новое искусство» шагаетъ, какъ Ахиллъ. Но это «бѣгъ на мѣстѣ».

Въ признаніи, въ растущей популярности, въ злободневной сегодняшней пляскѣ я усматриваю симптомъ завтрашней каталепсіи.

Уже судороги душатъ форму. Она корчится, бѣшено мечется и вотъ-вотъ застынетъ въ уродливой гримасѣ. (Примѣръ—поэзія С. Городецкаго.) Уже выскальзываетъ изъ искусства содержаніе. Нѣтъ темъ. Не о чемъ писать. Колоколъ съ оборванымъ языкомъ гудитъ только по привычкѣ. Вмѣсто темы водворяется

«стиль». Пишутъ подъ Пушкина, подъ классиковъ, подъ Возрожденье, подъ романтиковъ, подъ народъ. Стилизуютъ во вкусѣ младенствующихъ народовъ, приходятъ къ барабанному бою дагомейцевъ и окончательно разжижаютъ свои индивидуальности въ воскрешаемыхъ стиляхъ.

Ярко вырисовывается упадочность «новаго искусства», когда внимательно присмотришься къ современному состоянію его формъ. Структура языка кристаллизуется. Построеніе формы и сюжета пріобрѣтаетъ планъ. Лента размѣровъ и созвучій смыкается въ ледяное кольцо. Кто теперь не выбрасываетъ швовъ и связокъ, кто не переноситъ глаголовъ и эпитетовъ въ концѣ фразы, кто не бравируетъ ломаными размѣрами или брезгаетъ аллитераціями и консонансами...

Не успѣли мы вполнѣ высвободиться отъ старыхъ трафаретовъ, какъ нахлынули новые. Развѣ мало стереотипныхъ словечекъ. — «Жуть», «безбольный», «тиховѣйный», «осіянность», «первозданный», «взвѣять», «напѣвность», «огневзорный» и т. д. и т. д. Это — маленькая крупица стереотиповъ, такъ сказать, послѣдняго изданія. Но до чего ходки. «Осіянность» во всѣхъ ея возможныхъ варіаціяхъ я встрѣчалъ у десяти авторовъ.

Объ образахъ и говорить нечего. «Сѣть улицъ», «кресты переулковъ», «сѣтка дождя», «фата», «кисея», «кружева и «вуаль» — «тумана», «брызги огня», «брызги звѣздъ» на не въ мѣру затрепанномъ «шлейфѣ» удивительно знакомой «Незнакомки», «кубокъ», превратившійся въ ходовой декадентскій стаканчикъ, — «кубокъ мятелей» у Бальмонта и у Бѣлаго, а у Блока «тотъ же борщъ, да въ другой тарелкѣ», именно — «кубокъ снѣговой» и еще много всякихъ «кубковъ» съ чѣмъ угодно, а у бѣлоблоковскихъ миніатюрныхъ двойниковъ «кубки» со «страстями» и прочими отвлеченными жидкостями.

Краски у всѣхъ изъ одной лавочки. Нѣтъ такого стихотворенія, гдѣ бы не было «алости», «рдяности» и «сини». Это излюбленные тона. Для «новаго искусства» они также характерны, какъ сочетаніе желтаго и зеленаго на вывѣскахъ пивныхъ. Слишкомъ много также золота и драгоцѣнныхъ камней. Золото встрѣчаешь въ видѣ денежныхъ кружочковъ и маленькихъ вещей, да и то не въ чистомъ видѣ, но теперешніе поэты смѣло золотятъ пространства въ нѣсколько квадратныхъ миль. Драгоцѣнные камни — привиллегія капитала, и мы о нихъ знаемъ только изъ учебника минералогіи, но въ стихахъ они на каждомъ шагу. Хризопрасы, рубины, аметисты, червонные бериллы, ониксы, яхонты, жемчуга и т. д. сыпятся, какъ изъ рога изобилія. Особенно много жемчуговъ. «Жемчуга зубъ», «жемчужныя дали», «жемчужныя горы», «жемчужныя облака», «жемчужныя воды». Какъ видите, поэты народъ расточительный. Не менѣе щедры они и на остальные камни. До того щедры, что я сомнѣваюсь, видѣли ли они ихъ когда-либо. Мои сомнѣнія подтверждаютъ столь частые въ ихъ стихахъ диссонансы окрасокъ и ихъ художественное неправдоподобіе. Напримѣръ, у М. Волошина

«*Алымъ* трепетомъ пали на статую
Золотистыя пятна».

Образцы художественнаго неправдоподобія окрасокъ часты у А. Бѣлаго, который всаживаетъ въ свои стихи рѣшительно всѣ существующіе въ мірѣ драгоцѣнные каменья и выкрашиваетъ ими чахоточныя дали Сѣвера. Въ красочномъ отношеніи «Золото въ лазури» для меня всего-на-всего — *сусало въ синькѣ*.

Надуманность въ краскахъ, надуманность и въ образахъ. Я бы могъ привести сотни примѣровъ, гдѣ для русскаго пейзажа выписываются сравненія чуть не изъ Австраліи. Надуманность эта—явный признакъ упадочности новаго искусства». Есть мысли, по большей части, хорошія мысли, но образовъ нѣтъ. Хотя каждая мысль непремѣнно въ *маскѣ*, желающей сойти за образъ. Другими словами, маски натискиваются на *готовыя* мысли. И, въ результатѣ, не чувственный символъ, а мозговая аллегорія.

Синематографическое искусство. Пляшущая крикливая мертвенность. Мигающіе абсурдные сюжеты подъ аккомпаниментъ разбитаго рояля и жужжаніе электрическаго аппарата. Это—у болѣе сильныхъ. У большинства же просто — антрактная мигающая пустота... Остановитесь. Пусть застынетъ синематографическая картина. И австралійскіе образы оказываются раскрашенными маріонетками, двигающимися только по волѣ авторской мозговой пружины. Нѣтъ между ними «воды живой»—чувства поэта. Напыжившись, кривляются-танцуютъ маскированныя мысли и безотвѣтно тонутъ въ душѣ зрителя. Ибо не брошено этимъ мыслямъ надежныхъ поплавокъ--цвѣтущихъ теплыхъ образовъ.

Стилизація доведена до крайности. Но простоты, искренности, задушевности не ощущаешь. Видишь только нарочность и усмѣхаешься. (Такъ лысый буржуй шепялявитъ по-дѣтски на перинѣ возлѣ молодой жены, а на утро превращается въ одеревенѣвшаго дѣльца). Погоня за стилизованностью привела не къ теплой первобытной простотѣ,—къ мертвой угловатой геометріи, къ скелету, къ жердямъ, къ холодному членораздѣльному шуму.

Мозговое искусство. Искусство случайныхъ мозговыхъ переживаній, не очувствованныхъ, не обожженныхъ въ пламени сердца, не провѣренныхъ внутреннимъ опытомъ, не спаянныхъ волею. Таково искусство корифеевъ.

А у остальныхъ, у ихъ отзвуковъ и отблесковъ, перепѣвовъ и переплесковъ, въ большинствѣ случаевъ, поддѣлка подъ переживаніе, нарочность, разбросанная надуманность. Цирковые эксперименты надъ русскимъ алфавитомъ. Вышиваніе мелкимъ бисеромъ по дырявому рѣшету. Но такъ какъ невозможно найти ту грань, гдѣ оканчивается неоформленное переживаніе и гдѣ начинается хаотичная надуманность, то поэтому не вѣришь ни тѣмъ, ни другимъ—никому.

Надуманность сказывается еще больше, если уйдешь въ глубь «новаго искусства». Нѣтъ, повторяю, темъ. Не о чемъ писать. Запутались люди въ жизни и растерялись. Мерещатся имъ стѣны, черныя сплетенія, враждебныя призраки. Страхъ леденитъ сердце. Пробуютъ чувствовать и не могутъ. Есть смутныя хотѣнія, но нѣтъ активнаго волеваго чувства. Пытаются осознать міръ и еще больше запутываются. Есть утонченный мозгъ, рождающій милліоны безплодныхъ переживаній, но нѣтъ единой волевой мысли.

Вотъ ревнивые одноженцы воспѣваютъ половой коммунизмъ, благовоспитанные брезгливые юноши - однополое хотѣніе, робкіе обыватели петербургской стороны—садизмъ. Циники сантиментальничаютъ. Деликатные романтики дерзятъ. Трусишки восхваляютъ мечъ. И никто не говоритъ *своего*. Дерзаютъ только мозгомъ, а душа по прежнему хлюпается въ помойницѣ жизни. Говорятъ о «непріятіи міра», а сами влюблены въ его пошлостъ, кричать о «разрушеніи быта» и создаютъ новый бытъ на новый аршинъ.

Когда-то они уходили отъ жизни, карабкались на вершины. Но тамъ имъ стало холодно. Они почувствовали себя одинокими. Они смотрѣли въ небо, но не смотрѣли въ себя, и ничего не сказало имъ небо; не могли ихъ слезливые близорукіе глазки претворить далекой жизни, и, какъ испуганныя лягушки, они бултыхнулись въ ея грязныя воды. Иныхъ же пугали и холодныя жесткія вершины и дальнія топи, и они «въ лазурную дымь вознеслись», гдѣ, лишенные объекта творчества, лишенные какого бы то ни было чувственнаго воспріятія, изслѣдуютъ свое мозговое пищевареніе, внѣ времени и мѣста «лаютъ на луну». Первые одурманились жизнью и сами устраиваютъ себѣ преграды, вторые отстранили жизнь и повисли въ «рыдающихъ» бездушныхъ просторахъ.

И у тѣхъ и у другихъ нѣтъ объекта творчества, нѣтъ темы, а разъ нѣтъ темы, то нѣть и творчества, есть только декорація—форма, тускнѣющая, уплотняющаяся...

У Сциллы угнеталъ навозъ. У Сциллы плотнымъ кольцомъ сжимали позитивисты. Я видѣлъ тамъ пятачковые носы, взрыхляющіе навозныя кучи, я шелъ по квадратикамъ и натыкался на нарочито воздвигнутыя стѣны, за которыми опять шли квадратики, къ моимъ глазамъ подставлялись громадные микроскопы, и я оскорблялся безобразіемъ навоза и затыкалъ носъ, я слушалъ бабскіе сплетни, были, бесѣды о святыхъ мѣстахъ, меня топили въ морѣ «случаевъ», мнѣ разсказывали объ уличныхъ дракахъ, заставляли выслушивать послѣобѣденные сны, передо мною щелкали на счетахъ, взвѣшивали и мѣрили на разные фунты и аршины, съ самодовольными минами вычисляли барыши на тысячу лѣтъ впередъ и опять разсказывали исторіи, и случаи, угнетали планами новыхъ тюремъ, давили и ѣли другъ-друга и... заставили меня отплыть къ Харибдѣ.

Но, ахъ, и у Харибды тяжело! Душитъ оранжерейный воздухъ. Рѣжутъ глазъ австралійскіе уродцы. Кувыркаются маріонетки со стальными сердцами, съ разстроеннымъ головнымъ механизмомъ, въ прокатныхъ маскахъ чувства. Натыкаешься на испуганныхъ надзвѣздныхъ мистиковъ. И со спокойнымъ сердцемъ я готовъ летѣть въ пролетъ двухъ стульевъ...

Но что это? Съ грустныхъ отмелей Харибды доносятся новыя красивыя слова: «Искусство—религія». («Лит.-Худож. Недѣля»). Прекрасныя слова. Дрожь рождаютъ въ сердцѣ. Но не на долго. Осматриваешься,—только слова. И хочется сказать апологету новоявленной «религіи» Б. Грифцову, и прочимъ пророкамъ, еженедѣльно выступающимъ въ «Лит.-Худ. Недѣл.» на «Голгофу» празднословія. — Никогда не станетъ для васъ искусство религіей и нечего не сдѣлаете вы для его защиты. Религія требуетъ полнаго забвенія жизни, полнаго ея преодолѣнія. Но вѣдь они не признаютъ возможность полнаго забвенія. Б. Грифцовъ говоритъ: «Трагедія и роковыя темныя силы желѣзнымъ кольцомъ сковали человѣка.. Муки останутся всегда, ничто не дастъ послѣдняго успокоенія... острую боль всегда будетъ порождать дѣйствительность». Но преодолѣніе, о которомъ говоритъ Б. Грифцовъ, неужели есть преодолѣніе, разъ оно выразится только въ томъ, чтобы «*въ мучительной боли* уйти къ самому себѣ, къ своему *роковому* одиночеству». Получается помѣсь непреодолѣнной соборности съ непреодолѣннымъ индивидуализмомъ. Нѣчто чулкистское. Развѣ можно грезить въ «сказкѣ» съ мучительной болью? Развѣ при

«сказкѣ» можетъ быть мѣсто *«роковому»* одиночеству? Если искусство—радость вершинъ, горняя сказка, то ни о какой боли, ни о какомъ рокѣ не можетъ быть и рѣчи. Если же «боль» и «рокъ» неизбѣжны—то не можетъ быть сказки, религии-искусства. Они проповѣдуютъ «самоцѣнность» искусства и кажутся мнѣ повисшими въ воздухѣ. Сказать «самоцѣнно», значитъ—лишить искусство всякой возможной опоры. Іереміи изъ «Лит.-Худ. Нед.» къ этому и стремятся. Но такъ какъ сразу очутиться «внѣ времени и мѣста» было неудобно, то первое время они высказывали себя одновременно и общественниками и индивидуалистами. Отрывали искусство отъ личности и сшивали съ коллективомъ и наоборотъ. И «соборное дѣйство» и «сказка одинокой души». Считая «невозможнымъ уходъ отъ общественнаго строительства» тутъ же звали къ... разрыву съ дѣйствительностью. Въ одномъ мѣстѣ — «трагедія», въ другомъ только «ничтожныя событія». Словомъ, хотя въ дѣйствительности *неизбывныя* «муки», и «боль» и «Рокъ», тѣмъ не менѣе говорится о возможности безболѣзненнаго ухода къ «сказкѣ», ибо въ «мірѣ людскихъ отношеній» только одно «пустое содержаніе». Такія взаимно-исключающіе положенія были, первое время, у нихъ на каждомъ шагу.

Убѣдившись въ очевидной абсурдности двустульной базы, проповѣдники «самоцѣнности» изъ «Лит.-Худ. Нед.» въ концѣ концовъ *сочли за благо* презрѣть міръ психо-физическихъ явлений, удалиться въ область трансциндентальную и, укутавшись мишурою метафизическихъ построеній, объявить, что искусство есть «Богооткровеніе», «чудо», и, т. о., безотвѣтственно притянуть опять двустульную базу. «Пути Божіи неисповѣдимы», и „Богооткровеніе" оказывается вещью необычайно эластичной. Богъ можетъ являться и въ личности и въ коллективѣ. Въ первомъ случаѣ—„молитва одинокой души", въ второмъ—„соборное дѣйство". Къ „дѣйству" человѣчество прійдетъ при содѣйствіе „пророковъ". Такъ оправдываются всѣ пути и перепутья, ибо всѣ они на „тропу народную". Словомъ обычныя разсужденія въ духѣ историческаго христіанства.

Не вѣрю я и въ то, что они будутъ защищать искусство. Какъ же защищать, коль остается только «преодолѣніе». Надъ искусствомъ нависла собственность—одно изъ «роковыхъ» коленъ жизни. И чтобъ его преодолѣть, нужно преодолѣть самого себя, оторвать отъ груди „сказку", итти въ жизнь и реально бороться съ дѣйствительностью вообще.

Но лучше посмотримъ, поскольку у «нихъ» слово не расходится съ дѣломъ, поскольку у нихъ искусство—религія, и какъ они ее защищаютъ.

Передо мною библействующая «Литературно-Художественная Недѣля» съ... торговыми объявленіями и съ фельетономъ, суть котораго: «Почтенная публика, поддержи религію — пятачокъ номеръ». Это пишутъ «жрецы». Передо мною дорогія книги, ясно говорящія, что религія въ цѣпкихъ лапахъ профессіонализма. Вокругъ—торгаши „Богооткровенія", „Мюръ и Мерелизы" отъ искусства, рекламисты и „фюмисты", герои дешевой славы и легкой наживы, наглые графоманы, „литературная сволочь", поганцы печатнаго слова, блинопеки, стремящіеся получить гонораръ за тѣ «молитвы», которыя еще не встрепенулись въ ихъ сердцахъ. Сама же „религія" купается въ болотѣ вонючихъ сплетенъ, зависти, человѣконенавистничества. Стоитъ писателю искренно разбранить другого — и онъ пріобрѣтаетъ себѣ пожизненнаго врага. Но такъ какъ это «невыгодно», то, по

большей части, «жрецы» утопаютъ въ сладкомъ фиміамѣ обоюдныхъ лживыхъ похвалъ и создаютъ, т. о., институтъ круговой поруки.

Слова объ «искусствѣ-религіи», объ ея защитѣ—только досужія слова. Попрежнему надъ всѣми средствами обнаруживанія и распространенія произведеній искусства царитъ лапа собственности, а «жрецъ» зависитъ отъ предпринимателя, какъ пуля отъ ружья. Попрежнему, произведеніе искусства—фотографическая пластинка, для которой нѣтъ иного проявителя, кромѣ золота. Жизнь отравляетъ гнилостнымъ дыханіемъ цвѣты полевые. И, покамѣстъ, «жрецъ»—только голодная проститутка, торгующая кусками своего дымящагося сердца. Побрякушка въ рукахъ «роковыхъ темныхъ силъ», превращающаяся въ концѣ концовъ въ послушнаго *акробата* искусства.

Знаю я этихъ теперешнихъ «жрецовъ». Попалъ въ тонъ *настроенію*, сказалъ «послѣднее слово», выкинулъ новый еще невиданный фортель и сталъ первосвященникомъ. Тогда «осіянный» фальшью «сказки» онъ уже смѣло можетъ «выйти въ міръ со свѣтлой улыбкой», ибо скалятъ ему гнилые зубы прельщенныя «роковыя силы». Но приходитъ другой акробатъ, выкидываетъ еще болѣе замысловатую штуку и главенствовавшій развѣнчанъ, а «силы» коронуютъ новаго, омываютъ его славой, неистовствуютъ передъ нимъ, рвутъ его сюртукъ на мелкія клочки-реликвіи.

Покамѣстъ, художникъ не жрецъ, а однодневка. А искусство не религія, а злоба дня...

Нѣтъ, сѣдовласые декаденты и зеленые мистики, не способны вы на «преодолѣніе». Вы не вполнѣ индивидуалисты и далеко не «соборяне». Вы сами это говорите. Всходили на вершины и спустились съ нихъ. Вы мало отличаетесь отъ позитивистовъ. Разница лишь та, что они мелкими-мелкими шажками, съ планомъ въ рукахъ, плетутся въ жизни, вы же судорожно кувыркаетесь... И они и вы—слѣпые. И имъ и вамъ *чудятся* стѣны и трагедіи. Но они хотя не боятся ихъ. Вы же олицетворили ихъ въ міровую трагедію. И вѣчно толчетесь у подножья горы въ роковой нерѣшительности... Вы ежеминутно отрекаетесь отъ своего христа. И много у васъ христовъ. Вы—капризные рабы. Вы трусы, боящіеся признаться, что же для васъ, наконецъ, важнѣе,—вы ли сами или міръ. Не вѣрю я вамъ, ибо вы вѣчно танцуете на затянутой флеромъ передержекъ пятикопеечной лжи.

Нѣтъ, лучше въ пролетъ двухъ стульевъ.

•

Я говорю. Нѣтъ ни «стараго», ни «новаго» искусства. Мало того, нѣтъ, вообще, искусства, какъ чего-либо «самоцѣннаго». Есть только Личность. Все отъ нея. Она рождаетъ искусство. А „нѣсть Сынъ болій Отца“. Искусство только—одно изъ ея сложнѣйшихъ проявленій, преображеніе, перевоплощеніе въ ней міра. Въ различныхъ творческихъ индивидуальностяхъ различно и это преломленіе ими въ себѣ міра. Если душа художника—безцвѣтная плоскость, то она не преломитъ міра и только съ аккуратностью кодака позитивно отразитъ его. Если художникъ отравленъ руководящими идеями проходящей предъ нимъ жизни, онъ то даетъ ея негативъ, то окрашиваетъ отображеніе въ одинъ милый ему цвѣтъ, то подчеркиваетъ-оттѣняетъ отображеніе этими идеями. Въ зависимости отъ цѣнности личности устанавливается и цѣнность сотвореннаго. Идеальное искусство—

дитя идеальной Личности. А такъ какъ мы, говоря объ искусствѣ, разумѣемъ только идеальное, то и вмѣсто „самоцѣнности" искусства выдвигается идея самоцѣнности Творящей Личности. Но личности самоцѣнныя, самодовлѣющія единичны, личностямъ же преемственнымъ, собирательнымъ „нѣсть числа". Первые геніи, вторые—обыкновенные люди съ обыкновенными талантами. Первые дѣлаютъ эпоху, создаютъ искусство, вторые—перепѣваютъ созданное и растворяютъ эпоху. Первые даютъ искусству содержаніе, вторые улучшаютъ форму. Вторые не способны создать эпохи, ибо не способны вдохнуть новое содержаніе. И если вторые пытаются ее сдѣлать, то терпятъ фіаско. Подъ новыми формами скоро вскрывается *ничто*. Первые создаютъ эпохи, вторые—только школы.—Вотъ падаетъ Богъ вѣсть откуда слитокъ золота. Такъ приходитъ геній. Но сейчасъ же, какъ мухи къ сахару, къ нему присасываются талантливыя посредственности. Рукомесленники чеканятъ изъ слитка мелкую монету, пускаютъ ее въ обиходъ, монета стирается и тускнѣетъ, а о слиткѣ золота остается «одно пріятное воспоминаніе» на пыльныхъ страницахъ исторіи.

Въ русскомъ искусствѣ въ настоящее время нѣтъ эпохи. Она растворилась во многихъ перепѣвахъ. Лихолѣтье теперь. Есть только двѣ школы. Одна позитивная — все еще пережевываетъ Толстого, Горькаго, Чехова. Другая «символическая»—либо перепѣваетъ великихъ символистовъ Запада, либо безплодно пытается дать искусству новое содержаніе. Будущее намъ еще, какъ говорятъ теперь, не сигнализируетъ.

Но моя душа ждетъ чего-то. Меня угнетаетъ безвременье. Не могу пристать ни къ тому, ни къ другому берегу. Я уже прошелъ удушливое горнило соціалистическаго позитивизма и научился презирать его. Я купался уже въ мигающей пустотѣ «новаго искусства» и пожелалъ ему тихой кончины. Выражаяся языкомъ Октава Мирбо, я всѣмъ этимъ уже давно «поужиналъ».

И преспокойно лечу въ пролетъ двухъ стульевъ. Встрѣчу ли кого по дорогѣ или самолично буду летѣть въ еще незаполненныхъ просторахъ—все равно.

Ухожу отъ жизни. Не хочу *знать* ее. Не буду разрывать навозныхъ кучъ. Но и въ «лазурную дымь» *не* «вознесусь». Не хочу плыть ни за теченіемъ, ни противъ теченія. Просто—выхожу изъ жирныхъ ведъ и иду своей дорогой. Я пренебрегаю черными сплетеніями жизни,—для меня онѣ только паутинныя нити.

Рока нѣтъ, есть только *я*. Если я вижу вокругъ себя стѣны и сплетенія, значитъ, во мнѣ они. Если вокругъ меня Хаосъ, я самъ еще Хаосъ. Если мнѣ чудится мракъ и призраки, значитъ, я еще слѣпъ, значитъ, я еще не скованъ воедино. Если грезятся мнѣ роковыя силы, значитъ, я еще слабъ и спотыкаюсь. Все—для меня, я же—ни для кого. Все мое только мнѣ. Искусство—это *моя религія—мнѣ*. Это—гимнъ самому себѣ. Это—Зеркало творческаго самолюбованія (часто самообольщенія, но терминъ вѣренъ)... Искусство—самодовлѣющая религія самодовлѣющей личности, экстатическое поклоненіе преображенному себѣ.

Ухожу отъ жизни. Не буду нападать, но и щеки не подставлю. И огненный мечъ всегда будетъ со мной на-готовѣ... Съ нимъ взойду я на далекія-бѣлыя вершины и попытаюсь посмотрѣть въ себя. Знаю, откроется тогда мнѣ небо.

Не посмѣетъ подступить ко мнѣ ежедневность, не затемнитъ она моего Зеркала, — огненнымъ мечомъ отмежую ее отъ себя... И тогда съ бѣлой высоты

7

попытаюсь я посмотрѣть въ даль жизни, впитать ее въ себя, и она, быть можетъ, освятится-преобразится во мнѣ, пріиметъ мою душу—стоцвѣтнымъ пожаромъ вспыхнетъ въ моемъ Зеркалѣ. Отблескъ Зеркала, быть можетъ, острыми лучами упадетъ въ жизнь, плеснётъ огненнымъ ядомъ на ея гнилыя одежды, и спадутъ они, а душа жизни подымется чистымъ облакомъ-сномъ и будетъ рѣять подъ покровомъ моихъ крыльевъ. А я буду смотрѣть въ Зеркало на свое многоликое, многозвучное отраженіе...

Ухожу отъ жизни. Чтобы приготовить себя для себя. Не буду разбрызгиваться, но и Солянымъ Столбомъ не хочу быть. Соберу всего себя во-едино, волею своею претворю все свое малое въ свою жизнь, оформлю неясное, волью Гармонію въ Хаосъ, скую самого себя и буду пытаться горѣть и не сгорать. Тогда взгляну я въ дали жизни и не увижу хаоса. Не увижу тьмы, сплетеній, призраковъ. Все будетъ свѣтло. Кошмаръ разсѣется. Заглянувъ въ себя,—освѣщу себя. Освѣтивъ себя—освѣщу міръ. Такъ какъ нѣтъ жизни, какъ жизни, есть только я, какъ жизнь...

Ночью, когда все спитъ, все темно и далекъ восходъ, уже сверкаютъ снѣга поднебесныхъ вершинъ,—имъ видно уже Солнце.—Такъ стоитъ и смотритъ художникъ.

Еще заря не занималась, еще туманится все и зелень чернѣетъ, но уже онъ бродитъ по полю съ протянутыми руками. Молчатъ дали. Даже птицы еще не зачуяли утра. Но онъ уже чуетъ утро въ себѣ и бродитъ безцѣльно по полю во всѣ стороны и творитъ себѣ зарю и солнце и ликуетъ.—Такъ живетъ художникъ, такъ зарождается его творчество.

Вечеромъ, когда при морѣ солнце уйдетъ за гору и люди засыпаютъ, на мгновеніе заиграетъ море затаенными лучами, и рѣдкій человѣкъ любовался этой игрою.—Такъ творитъ художникъ.

Сотворивъ, онъ застываетъ на бѣлыхъ вершинахъ предъ Зеркаломъ творческаго самолюбованія, наслаждается собой—многолико-единымъ.

Анат. Бурнакинъ

ТРАГЕДІЯ ЛИЧНОСТИ

(О мистеріи Модеста Чайковскаго: «Катерина Сіенская)»

Въ мистеріи, въ образѣ прошлаго, воплощена идея Богоборства и святости личности, какъ путь спасенія, и идея Богоподчиненія и растворенія личности въ культѣ духа или тѣла, все равно, какъ путь погибели.

Въ Сіену, нѣкогда славный городъ античной красоты, веселья и нѣги, пріѣзжаетъ молодой, красивый, «прекрасный какъ богъ» Николо Тульдо изъ Перуджіи веселой. Онъ пришелъ, какъ пилигримъ, къ «Іерусалиму красоты», въ городъ «мудрецовъ—повѣсъ».

Такъ я, осуществивъ мечты,
Почтить тебя, веселая Сіена,—
Іерусалимъ пировъ и красоты,
Какъ пилигримъ, готовъ колѣна
Смиренно преклонить, лобзая прахъ
Священныхъ мѣстъ, гдѣ родилась «Бригата»'

Но, увы! Это были только мечты! Христосъ заразилъ Сіену, только заразилъ и внесъ разрушеніе въ «земную» жизнь Сіены. Дыханье смерти внесло христіанство въ радость и веселье, которыми жили сіенцы. Куртизанка бредила монастыремъ, монахиня не могла побѣдить въ себѣ куртизанки. Сіена гнила и издавала только трупный запахъ.

О, какъ ошибся древній прорицатель!
Не долговѣченъ былъ Сіенскій гороскопъ:
Не ликованіе,—законодатель
Отнынѣ здѣсь монахини и попъ!
Кто не бранитъ ихъ?—Развѣ что лѣнивый!
И все-таки въ нихъ видятъ свѣтъ.
Ихъ повстрѣчать—примѣты хуже нѣтъ.
Кому пріятенъ голосъ ихъ гнусавый?
И все же къ нимъ идутъ, когда собравшись въ храмѣ,
Они псалмы бормочатъ за псалмами,
Иль, воя, точно сто ословъ,
Не понимая даже словъ,
Воображаютъ, что чаруютъ уши
Небеснаго Отца?!

И Николо возненавидѣлъ Христа... Онъ смѣется въ отвѣтъ, когда одинъ изъ сіенцевъ полу-христіанинъ, полуязычникъ говоритъ:

Повѣрь мнѣ, другъ—ты слишкомъ ненавидишь
И, можетъ, далѣе меня
Сталъ на пути къ Дамаску...

Нѣтъ, всѣми силами души стремится онъ туда, назадъ въ лучезарное прошлое красоты.

«Проснется вновь святая красота,—
Когда съ Олимпа свѣточъ просвѣщенья
Повергнетъ снова въ мракъ Христа!!

Тутъ начинается душевная драма Николы:

«Тульдо, вы изъ тѣхъ,
Кому воображенье
Мѣшаетъ быть довольнымъ тѣмъ, что естъ,
И все, что можетъ жизнь принесть,
Для васъ блѣднѣе ожиданья...,

сказалъ ему одинъ изъ его пріятелей сіенцевъ. Въ воображеніи у него—свѣтозарный Олимпъ, а въ дѣйствительности—тюрьма. Конечно тюрьма блѣднѣе ожиданья Олимпа, но въ тысячу разъ ожиданье блѣднѣе, чѣмъ радость и веселье, безъ которыхъ онъ не можетъ жить. Но кто ему можетъ дать ихъ? Кто раздвинетъ ему стѣны тюрьмы и избавитъ его отъ ея холода и сырости? Вѣдь не воображаемые боги? И воображенье оказывается блѣднѣе жизни. «Опять тоска! Опять все тѣ же думы, отчаянье и стонъ»! Отчаянье овладѣваетъ имъ, и нѣтъ отъ него спасенья въ прошломъ.

И вотъ три дня темничныхъ мукъ затмили
Все прошлое, и нѣтъ меня несчастнѣй»...

Олимпъ низвергнутъ. Ничего не осталось у Николы, разбиты всѣ кумиры и идолы, разорвана цѣпь, связывающая его съ прошлымъ. Онъ свободенъ, только свобода осталась у него.

«Я буду таять въ благостныхъ лучахъ
Благословляя каждый мигъ свободы,
Все остальное въ мірѣ презирать...

Безграничный просторъ открылся ему въ освобожденіи его духа, ничто не стоитъ на пути, не на что устремить взоръ. Душа его безграничное пространство, но ни чѣмъ не наполненное. Она—огромная пустота; въ ней просторно, но пусто и холодно. Но Николо понялъ, что безграничный душевный просторъ—необходимое условіе его жизни. Никто и ничто не можетъ наполнить ее, потому что кто нибудь или что нибудь только ограничитъ ее. Только самъ онъ можетъ вдохнуть въ нее дыханье жизни, оплодотворить и населить. «Солнца, солнца», проситъ онъ. Чувствуетъ онъ уже, что то солнце, котораго онъ ждетъ, уже засвѣтитъ не сверху, а снизу, изъ глубины его души, согрѣетъ не только изстрадавшееся тѣло, но и наболѣвшую душу. Всѣми силами души стремится Николо къ возрожденію себя, силъ своей души, чувствуя въ нихъ свѣтильникъ свой, свое солнце. Онъ любитъ уже солнце, ранѣе,—чѣмъ оно согрѣло его, и жизнь ранѣе,—чѣмъ ожилъ.

Я вѣрный, посвящу на прославленье
Тебя, о свѣтъ, о радость, о *мой* Богъ!
Я вѣрую—настанетъ возрожденье!
Блеснетъ твой міръ средь непроглядной тьмы!

Тульдо вступилъ на свѣтлый путь любви. Въ глубинѣ души его скрыта она, а въ ней — свѣтъ. Онъ полюбитъ, и свѣтъ зажжется. Только искорку бросить туда. И эту искру принесла св. Катерина. Онъ преодолѣлъ все навѣянное ему извнѣ, любовь къ призракамъ прошлаго и ненависть къ призракамъ настоящаго, безстрашно спустился въ глубину своего духа, черезъ себя нашелъ любовь, черезъ любовь любимое—св. Катерину. Черезъ все это, а слѣдовательно черезъ себя—нашелъ Христа.

Такъ въ тюрьмѣ Сіены совершалась трагедія освященія личности, а въ ея монастырѣ въ то же время происходила трагедія Богоборства. Въ кельи св. Катерины свершалась драма, гораздо болѣе сложная и трагичная, чѣмъ въ тюрьмѣ Тульдо. Катерина святая. Вся Италія чтитъ ее, Сіена боготворитъ, самъ святой отецъ слушается ея слова. Она вся исполнена христіанскаго смиренья и добродѣтели. И, кажется, неземной покой и радость высшую должна бы она была чувствовать въ себѣ. А, между тѣмъ, въ смертельной тоскѣ она восклицаетъ: «Горе мнѣ! Горе мнѣ! Горе! Несчастная душа моя! Умираю и не могу умереть! Сердце разрывается, кости распадаются, не получая обновленія. Нѣтъ мнѣ, темной, *возрожденья!* Говорю тебѣ, помоги мнѣ, умирающей! Погибаетъ душа моя ... Но быть можетъ это актъ величайшаго смиренья, сознаніе великими своего ничтожества передъ лицомъ безмѣрно Великаго? Быть можетъ правъ монахъ, говоря о ней:

Не о себѣ душа ея томится.
Нѣтъ.—Свѣтъ ее нежданно озарилъ.
Какъ въ тьмѣ ночной мгновенная зарница
Пороки мрака, царство адскихъ силъ,
На мигъ въ ней отразился ужасъ тлѣнья
Живой души, погрязшей въ безднѣ зла,—
И отраженье страшнаго видѣнья
Она за грѣхъ своей души сочла.
Не о себѣ скорбитъ она вздыхая,—
Не для себя прощенья неба ждетъ...
Въ своей груди, сама того не зная,
Грѣхи другихъ безропотно несетъ...

Нѣтъ. Ея душа томится *о себѣ*. Она томится отъ ужасающаго раздора, отъ присутствія двухъ силъ, которыя раздираютъ ей душу. Человѣкъ борется въ ней съ Богомъ. Чѣмъ сильнѣе ощущала она въ себѣ Бога, тѣмъ сильнѣе давалъ ей себя чувствовать человѣкъ. Въ ней Богъ не побѣждалъ человѣка, а, наоборотъ, выдвигалъ его, давалъ ему силы. Чѣмъ больше она чувствовала Бога, тѣмъ менѣе человѣкъ въ ней хотѣлъ быть тварью, тѣмъ сильнѣе стремился онъ сдѣлаться творцомъ. Человѣкъ въ ней, по мѣрѣ того, какъ ощущалъ Божество, не хотѣлъ подчиняться, но хотѣлъ подчинить. Она, святая отъ присутствія Бога, отъ подчиненія ему, освятила въ себѣ человѣка, въ ней ожилъ святой человѣкъ; изъ твари онъ обратился у ней въ творца, онъ не могъ уже подчиняться. Когда она пишетъ письмо папѣ, она говоритъ Стефано: «Свершается добро—хвали Бога, превозноси Господа, не *тварь*, могущую черезъ минуту послѣ добраго дѣянья *пасть въ пучину гибели отъ избытка любви къ себѣ*»... Она еще думала, что человѣкъ въ ней тварь, и не знала, что «пучина гибели» обратится для нея въ «пучину спасенья». И на исповѣди она говоритъ:

«Увы! Напрасно истязуя плоть
Веригами, постомъ и власяницей,
Хочу ее послушной сотворить.
Она кричитъ во мнѣ и заглушаетъ
Призывъ души къ спасенію. Любовь,
Любовь къ себѣ,—небесный свѣтъ затмила
И гибнетъ духъ мой въ непроглядной тьмѣ»!..

Богъ обожествилъ въ ней человѣка, человѣкъ сталъ Богомъ и не можетъ болѣе творить волю Божію, а хочетъ творить свою. Великая трагедія! Равны въ душѣ Екатерины стали и Богъ и человѣкъ, почему и тотъ и другой святы. Куда итти? Что дѣлать? Двѣ воли возросли въ душѣ, какой подчиниться? Она не знаетъ. Смерть почувствовала Катерина въ своей душѣ.

Небесный свѣтъ погасъ: настала ночь.
Но какъ во тьмѣ отъ молніи все вспыхнетъ
И, въ тьмѣ еще темнѣйшей, пропадетъ,
Такъ яркій блескъ давно желанной смерти,
Сверкнувъ на мигъ, жизнь тѣла омрачилъ».

Въ тоскѣ изпываетъ душа Катерины и обливается кровью отъ ужасающаго ее противорѣчія: свѣтъ родилъ свѣтъ, и эти два свѣта не могутъ слиться въ одинъ. Она видитъ только эти два свѣта, а вокругъ тьма, потому что одинъ уничтожаетъ другой.

...Неужели всегда
Мнѣ суждено помѣхой быть хотѣнью
Небесному? О горе мнѣ! Увы,
Такъ будетъ, если Ты по милосердью
Не сокрушишь меня и не создашь
Во мнѣ, о. Боже, Боже, сердце ново!
Раздѣлай же меня, сотри во *прахъ*...

Она еще не поняла, что тутъ нѣтъ противорѣчія, что одинъ не уничтожаетъ другой, а только преодолѣваетъ, что два все равно, что ничего, что они равны, ибо одинъ родилъ другой и что выборъ ясенъ. Она поняла это послѣ отчаянныхъ страданій въ грозѣ и бурѣ:

Я вѣрую, что возлюбилъ Ты, Боже,
До бытія созданіе Твое.

Человѣкъ побѣдилъ Бога: Катерина сознала свою волю и не подчинилась волѣ Бога. Она стала не святой, а святымъ *человѣкомъ*. Она, какъ и Тульдо, преодолѣла всѣ призраки, все *не свое*, и любовь къ себѣ стала для нея пучиной спасенья. Катерина вступила на тотъ же путь, на который всталъ и Тульдо, на свѣтлый путь любви. Они встрѣчались. Любовь встрѣтилась съ любовью и произвела свѣтъ. Одинъ для другого былъ искоркой. То безконечное разстояніе, которое было между ними, любовь преодолѣла. Одному показала безконечныя вершины ея, другой ея бездонныя глубины и соединила ихъ...

«Какая красота!. Что ты, скрываешь ларецъ драгоцѣнный»...

Катерина въ тюрьмѣ. Она глядитъ на спящаго Николо и, въ предчувствіи великаго свѣта и истины человѣка-творца, ей открываются далекія вершины Божества человѣка:

Воскресаетъ чистое
Доброе, святое
И во тьмѣ лучистое
Брезжится въ покоѣ...
Брезжится и, бѣдное,
Плачется о долѣ,
Что живетъ безслѣдное
Въ тягостной неволѣ...
О, свѣтись за тучею,
Плачь, не угасая,
Становись могучѣе,
Плача, воздыхая!
Разгорайся, блѣдное,
Алою зарею,
Близится побѣдное
Солнце за горою!..

Тульдо ожидаетъ казнь, но что это значитъ для него, изв҃давшаго всю глубину человѣческаго духа. Онъ уже перешагнулъ смерть. Тамъ, въ тюрьмѣ. И впереди у него и Катерины только жизнь. Въ ихъ человѣческой душѣ, исчерпнувшей всю глубину любви и ненависти къ себѣ и къ Божеству, земля соединилась съ небомъ. И земной Тульдо переходитъ въ другую жизнь, а неземная Катерина остается на землѣ... «Прости! Прости!.. Прости!.. взываетъ Катерина, послѣ казни Тульдо. къ Богу... Конечно, Онъ благословитъ ту, которая

> «Изъ мрака хаоса царившаго надъ бездной,
> Она подвинула созданье естества».

изъ твари стала творцомъ.

Сердце этой мистеріи—соединеніе христіанки Катерины и язычника Тульдо. Тутъ нѣтъ ни борьбы, ни вражды, ибо нѣтъ борющагося и враждующаго, тутъ только преодолѣніе, потому что есть только разъединенное. Екатерина и Тульдо—сердце любящее и сердце ненавидящее одно и тоже —Христа. Развѣ это не двѣ стороны одного и того же, не двѣ половины одного цѣлаго. Между ними было только разстояніе, которое они преодолѣли и соединились.

У христіанки Катерины и язычника Тульдо одно сердце, ибо Катерина не христіанка, а Тульдо не язычникъ.

Такова, кажется намъ, глубокая сущность этого произведенія. Это—*не* идиллія чудеснаго обращенія язычника ко Христу, не хвалебный акаѳистъ святой Катеринѣ въ духѣ историческаго христіанства.

Это—*трагедія человѣческой личности* на мрачномъ фонѣ средневѣковья.

А. Мариноровъ

ВЕЛИКІЙ ПОЦѢЛУЙ

(«Іуда» Леонида Андреева)

> Міръ долженъ быть оправданъ весь,
> Чтобъ можно было жить.
>
> *Бальмонтъ.*

Эта чудесная художественная вещь въ то же время есть великое оправданіе жизни и смерти, разгадка тайны и той и другой. Безмѣрная глубина открывается въ ней, и въ ужасѣ ищешь дна, той послѣдней точки, гдѣ могъ бы остановиться взглядъ, и слезы застилаютъ глаза отъ страха и напряженія, и только послѣ долгаго, долгаго напряженія видишь чуть занимающійся свѣтъ въ бездонной глубинѣ «Іуды», и неземная радость охватываетъ тогда душу. Погружаясь въ глубину душъ Андреевскаго Христа и Іуды, мы опускаемся на самое дно, черезъ пространство прошедшихъ и будущихъ вѣковъ, нашей истерзанной, измученной души. Точно тонкая, неуловимая нить связываетъ насъ съ той далекой, странною великою ночью, кагда свершилось нѣчто безпримѣрное, ужасное и дивное и *откликъ* чего каждодневно, ежеминутно совершается въ нашей душѣ. Какъ часто, грѣясь у костра нашихъ мыслей, когда передъ глазами нашими совершается во тьмѣ

великое и низкое, умное и безумное, свѣтлое и темное, мы въ безконечной тоскѣ восклицаемъ: «Какъ холодно! Боже мой, какъ холодно!» «Такъ вѣроятно, когда уѣзжаютъ ночью рыбаки, оставивъ на берегу тлѣющій костеръ,—изъ темной глубины моря вылѣзаетъ нѣчто, подползаетъ къ огню, смотритъ на него пристально и дико, тянется къ нему всѣми членами своими и бормочетъ жалобно и хрипло: Какъ холодно! Боже мой, какъ холодно!» Такъ изъ глубины души нашей поднимается «нѣчто», къ нашимъ же мыслямъ и проситъ насъ согрѣть и освѣтить его. Это «нѣчто»—тайна рокового поцѣлуя предаться Богу, тайна любовнаго союза великаго съ низкимъ. «Радуйся Равви!»—сказалъ онъ громко, вкладывая странный и грозный смыслъ въ слова обычнаго привѣтствія, и въ тайну союза великаго съ низкимъ, вошла другая тайна—соединенія обычнаго съ необычаннымъ, простого со сложнымъ. «Іуда» Андреева приподнялъ завѣсу надъ этой тайною, и передъ глазами нашими раскрылись глубины неба и земли, и въ нѣдрахъ ихъ мы видимъ Іисуса, нераздѣльно соединеннаго съ Іудой Искаріотомъ. И это для насъ великое горе и великая радость.

Можно сказать, что отъ поцѣлуя Христа и Іуды зачалась наша духовная жизнь, и всѣ мы духовные дѣти его. Въ этомъ наша жизнь и въ этомъ же наша смерть. Да, мы еще дѣти, и близится время, когда мы будемъ взрослыми, познаемъ иную жизнь, но пока мы еще живемъ мыслями Искаріота и сердцемъ Христа. «Не оживу, аще не умру» сказалъ Христосъ, и передъ очами смерть, и только за нею открывается намъ наша жизнь. «Іуда» Андреева чуть замѣтное дыханіе на насъ изъ глубинъ надвигающейся смерти и предразсвѣтный вѣторокъ съ горныхъ высотъ открывающейся жизни. Вотъ вошелъ Искаріотъ въ среду учениковъ Іисуса. «Онъ (Христосъ) тихо сидѣлъ лицомъ къ заходящему солнцу и слушалъ задумчиво—можетъ быть ихъ, а можетъ быть и то и другое. Ужъ десять дней не было вѣтра и все тотъ же оставался, не двигаясь и не мѣняясь, прозрачный воздухъ, внимательный и чуткій. И, казалось, будто бы сохранилъ онъ въ своей прозрачной глубинѣ все то, что кричалось и пѣлось въ эти дни людьми, животными и птицами—слезы, плачъ и веселую пѣсню, молитву и проклятія; и отъ этихъ стеклянныхъ застывшихъ голосовъ былъ онъ такой тяжелый, тревожный, густо насыщенный незримой жизнью. И еще разъ заходило солнце. Тяжело пламенѣющимъ шаромъ скатывалось оно къ низу, зажигая небо; и все на землѣ, что было обращено къ нему: смуглое лицо Іисуса, стѣны домовъ и листья деревьевъ—все покорно отражало этотъ жалкій и страшно задумчивый свѣтъ. Бѣлая стѣна уже не была бѣлою теперь, и не остался бѣлымъ красный городъ на красной горѣ». Онъ пришелъ и все пошло вверхъ дномъ. Не стало уже ни низкаго, ни великаго, ни хорошаго ни злого, все перемѣшалось и перепуталось. Іуда кралъ деньги изъ общественнаго ящика, учитель цѣловалъ его, Іуда лгалъ и обманывалъ; Іисусъ же приближалъ его. И напрасно бѣдный Ѳома силился тутъ понять что-нибудь. «Онъ внимательно разглядывалъ Христа и Іуду сидѣвшихъ рядомъ, и эта странная близость божественной красоты и чудовищнаго безобразія...—угнетала его умъ, какъ неразрѣшимая загадка». А въ душахъ Іисуса и Іуды зрѣло и выростало нѣчто безмѣрно великое, нѣчто совершенно противоположное, исключающее другъ друга, и именно благодаря этому и то и другое было едино, совершенно однородно и включало другъ друга. Ибо безмѣрно противоположное, развиваясь и разростаясь, должно столкнуться, соединиться другъ съ другомъ. И,

отдаляясь другъ отъ друга, они тѣмъ скорѣе шли другъ другу на встрѣчу и, наконецъ, страшныя силы соединились въ поцѣлуѣ въ предательскую ночь.

Въ душѣ Іуды развивалась величайшая трагедія сверхчеловѣчества. Онъ, умный и смѣлый, искренно и нѣжно любилъ Іисуса человѣка кроткаго и незлобиваго, какъ взрослый любитъ ребенка (поистинѣ что-то безконечно нѣжное материнское, чисто человѣческое слышится въ словахъ Іуды, которыя онъ въ безпредѣльной тоскѣ бормочетъ во время страданія Іисуса:— Ахъ, больно, очень больно, сыночекъ мой, сынокъ, сыночекъ. Больно, очень больно!..». А Іисусъ не любилъ его, онъ любилъ тѣхъ простоватыхъ, почти глупыхъ учениковъ своихъ, надъ которыми Іуда такъ часто дурачился и вскрывалъ все ихъ ничтожество. Іуда такъ же хорошо понималъ, что они собственно любятъ не Іисуса, а то, что онъ имъ давалъ. Онъ сознавалъ всю слабость и ограниченность ихъ личностей. Онъ зналъ что сами они не въ силахъ отмѣтить истину отъ лжи, правду отъ неправды. Не разъ онъ ставилъ въ тупикъ Іоанна и Ѳому и язвительно смѣялся надъ тупымъ Петромъ. Разъ спасши Іисуса путемъ лжи и отвѣчая Ѳомѣ, укорявшаго его во лжи, онъ желчно сказалъ: «Значитъ дьяволъ научилъ меня? Такъ, такъ Ѳома. А я спасъ Іисуса? Значитъ дьяволъ любитъ Іисуса? значитъ дьяволу нуженъ Іисусъ и правда? Такъ, такъ Ѳома. Но вѣдь мой отецъ не дьяволъ, а козелъ. Можетъ и козлу нуженъ Іисусъ? Хе? А вамъ Онъ не нуженъ, нѣтъ? И правда не нужна?» И въ недоумѣніи Ѳома не зналъ, что отвѣтить. Тотъ Петръ, фундаментъ, на которомъ Іисусъ хотѣлъ построить свою истину,—нравственное и даже физическое ничтожество! И такихъ людей нужно было Іисусу, ихъ Онъ любилъ А его, гордаго, прекраснаго, умнаго Іуду, Онъ толкалъ отъ себя. Онъ, который, не въ примѣръ Петру, ворочалъ глыбы и скалы, не могъ быть даже камнемъ для истины Христа! значитъ Богъ пришелъ для слабыхъ и мягкихъ душою. А что же дѣлать сильнымъ духомъ? что дѣлать гордому и прекрасному Іудѣ? Вѣдь не можетъ же онъ притворяться легкимъ и слабымъ (что внѣшне онъ и дѣлалъ, чтобы не вносить диссонанса въ общину Іисуса) и обманомъ и ползкомъ проползти въ царствіе Божіе. Кто поможетъ ему? Когда они съ Петромъ состязались въ метаніи камней и Петръ просилъ помощи у Іисуса, вѣдь Онъ сказалъ ему: «А кто поможетъ Искаріоту?» И Іисусъ подсказалъ Искаріоту, что ему нужно дѣлать. Только *самъ* поможетъ себѣ Іуда, только *самъ* онъ долженъ знать, что ему дѣлать. Но тутъ только и начинается трагедія сверхчеловѣка. Ибо въ этихъ словахъ не отвѣтъ на вопросъ что дѣлать, какъ быть, а только правильная постановка его. Что же такое онъ самъ и кто другіе? Быть можетъ, объ этомъ и думалъ Іуда въ минуты своего ужаснаго молчанія, когда «сама ложь, сказанная человѣческимъ языкомъ, казалась правдою и свѣтомъ передъ этимъ безнадежно глухимъ и неотзывчивымъ молчаніемъ». Быть можетъ, это онъ старался понять, когда хотѣлъ слиться съ природою, съ горами и, притаившись, часами сидѣлъ на днѣ оврага, такъ что самъ былъ похожъ на скалу, и только одинъ глазъ его выдѣлялся изъ нависшей тьмы и блестѣлъ и горѣлъ. И, наконецъ, онъ понялъ, что его *самъ*—это есть утвержденіе его я и отрицаніе другихъ. Но кто же другіе? Петръ, Іоаннъ и т. д. имя ихъ легіонъ, всѣ—люди. Но что ихъ отрицать. Вѣдь сами по себѣ они ничто. «Вотъ уйдетъ учитель изъ дому, съ горестью говорилъ Іуда ученикамъ Іисуса, и опять украдетъ нечаянно Іуда три динарія, и развѣ не за тотъ же воротъ вы схватите его?»

— Мы теперь знаемъ Іуда. Мы поняли, отвѣчали ученики.

— А развѣ не у всѣхъ учениковъ плохая память, усмѣхнулся Іуда.

Все ихъ *я*, которое нужно ему отрицать, вся ихъ сила въ Учителѣ. Всѣ другіе—это учитель. Отрицать другихъ это значитъ отрицать Іисуса. И понявъ это, Іуда долженъ былъ бы чувствовать себя легко и свободно. Но это было еще только начало конца. Этимъ вовсе не снималась тяжесть съ души Іуды, но только еще большая запутанность вошла туда, и еще болѣе согнулся и задумался Іуда. Іисусъ, какъ человѣкъ, вовсе не вмѣщалъ всѣхъ другихъ; Онъ былъ такой же, какъ и Іоаннъ и Петръ, простой и несложный. Іисусъ вмѣщалъ всѣхъ другихъ, не какъ Іисусъ, а какъ Христосъ, какъ Божество. Тутъ мы приближаемся къ величайшей загадкѣ человѣческаго сознанія и бытія, тайну которую ощутилъ въ себѣ Іуда и проникъ въ самую глубину ея, которую ощущали и всѣ мы, но не идемъ далѣе въ ней, далѣе извѣстныхъ предѣловъ, ибо, проникнувъ въ нее, мы обрекли бы себя на смерть, и, если-бъ были бы честны, то должны были бы кончить такъ, какъ кончилъ Іуда. Эта великая тайна заканчивается въ слѣдующемъ: то, что мы отрицаемъ, то мы и любимъ (иногда ненавидимъ, но кто же не знаетъ, что ненависть есть обращенная любовь) и считаемъ вовсе не за ложь, а за истину. Утверждая и отрицая, мы только боремся. Истина съ истиной, какъ равныя, борятся въ насъ.

Ибо борьба истины съ ложью (какъ таковою) унижаетъ первую. Утверждаемое и отрицаемое нами не есть истина и ложь, а только утвержденіе силы и слабости. Утвержденіе всегда связано съ отрицаніемъ, всегда имѣютъ одну общую точку. Какъ же ложь съ истиною могутъ соприкасаться? И требованіе абсолютной истины есть требованіе синтеза утвержденія и отрицанія. Вотъ почему для сверхчеловѣка Богъ всегда существуетъ, какъ реальность, какъ истина, которая для него слабость, но не ложь. Іуда понялъ это, но онъ пошелъ и дальше. Іуда пошелъ дальше этого предѣльнаго пункта, пошелъ туда, гдѣ ни одна человѣческая нога не ступала. Познавъ въ себѣ силу, которую онъ можетъ противопоставить Богу, человѣкъ всегда обращалъ ее противъ Бога. Познавъ, что человѣкъ такъ же истина, какъ и Богъ, сверхчеловѣкъ думаетъ, что достигъ сверхчеловѣчества, что дальше идти некуда и должно жить, проявляя эту жизнь въ борьбѣ съ Богомъ. Іуда понялъ, что это только еще полъ пути, что вершина сверхчеловѣчества еще далеко. Онъ хорошо понялъ, что вершина эта—синтезъ отрицанія Божескаго и утвержденія человѣческаго, совмѣщенія и Божескаго, отрицающаго человѣчекое и человѣческаго, отрицающаго Божеское. Быть можетъ, Іуда, остановившись на утвержденіи человѣчества, не сдѣлалъ бы того, что онъ сдѣлалъ. Навѣрное бы онъ ополчился противъ Христа, сталъ бы его обличителемъ, антиподомъ, боролся бы съ Нимъ *не на смерть*, а на жизнь. Быть можетъ, въ минуты сознанія этой истины, въ минуты сознанія того, что онъ не можетъ бороться съ Іисусомъ не по слабости, а по силѣ своей, въ эти минуты сознанія своей силы и красоты, онъ съ тоскою говорилъ себѣ: «Почему Онъ не съ Іудой, а съ тѣмъ кто Его не любитъ. Іоаннъ принесъ Ему ящерицу—я принесъ бы Ему ядовитую змію, Петръ бросалъ камни—я гору повернулъ бы для Него! Но что такое ядовитая змія? Вотъ вырванъ у нея зубъ и ожерельемъ ложится она вокругъ шеи. Но что такое гора, которую можно срыть руками и ногами потоптать? Я далъ бы Ему Іуду, смѣлаго, прекраснаго Іуду? А теперь Онъ погибнетъ и

вмѣстѣ съ Нимъ погибнетъ и Іуда». Іуда любилъ уже Христа какъ Бога. Не отрицать Его хотѣлъ онъ, а вмѣстить въ себя, въ свое я человѣческое вмѣстить Божеское. Но развѣ въ жизни можетъ свершится этотъ поистинѣ сверхчеловѣческій актъ! Для жизни Іуда долженъ былъ погибнуть. И въ головѣ его зрѣла чудовищно-прекрасная мысль: вмѣстить Господа въ себѣ и сохранить себя, взять Его въ свою душу и оттолкнуть Его, совмѣстить въ своей душѣ все, все, и небо и землю и Бога и человѣка, какъ два равно-прекрасныхъ и чудныхъ существа. Какъ прекрасна эта сцена у Андреева, когда Іуда понявшій все это, встрѣтился съ Іисусомъ! Вотъ она: «Искаріотъ остановился у порога, и, презрительно миновавъ взглядомъ собравшихся, весь огонь его сосредоточилъ на Іисусѣ. И, по мѣрѣ того, какъ смотрѣлъ, гасло все вокругъ него, одѣвалось тьмою и безмолвіемъ, и только свѣтлѣлъ Іисусъ съ своею поднятою рукою. Но вотъ и Онъ словно поднялся въ воздухъ, словно растаялъ и сдѣлался такой, какъ будто весь Онъ состоялъ изъ надозернаго тумана, пронизаннаго свѣтомъ заходящей луны; и мягкая рѣчь Его зазвучала гдѣ-то далеко-далеко и нѣжно. И вглядываясь въ колеблющійся призракъ, вслушиваясь въ нѣжную мелодію далекихъ и призрачныхъ словъ, Іуда забралъ въ желѣзные пальцы всю душу и, въ необъятномъ мракѣ ея, молча началъ строить что-то огромное. Медленно, въ глубокой тьмѣ, онъ поднималъ какія то громады, подобныя горамъ, и плавно накладывалъ одна на другую; и снова накладывалъ, и что-то росло во мракѣ, ширилось беззвучно, раздвигало границы. Вотъ куполомъ почувствовалъ онъ голову свою, и въ непроглядномъ мракѣ его продолжало рости огромное, и кто-то молча работалъ: поднималъ громады, подобныя горамъ, накладывалъ одна на другую и снова поднималъ... И нѣжно звучали гдѣ-то далекія и призрачныя слова». И онъ предалъ Христа. Гордый, прекрасный Іуда ты до конца прошелъ путь сверхчеловѣка! Предъ тѣмъ безмѣрно великимъ, что свершилъ Іуда, такъ мало и ничтожно было то недолгое время жизни, которое онъ жилъ отъ той великой ночи до своей смерти. Что въ ней онъ будетъ дѣлать, что вообще въ ней дѣлается?—Что такое день? Что такое солнце?—спрашиваетъ Іуда. Онъ ничего въ ней не понимаетъ, для него жизнь уже смерть. А жизнь еще только начинается послѣ осины. Еще болѣе невѣроятно-ужасное и чудное зрѣлище, чѣмъ Голгофа съ тремя крестами, представляла унылая осина съ качавшимся трупомъ того, кто вмѣстилъ въ себя Бога и человѣка, не уничтоживъ ни того и ни другого...

Какъ бушующій огненный потокъ пламени, прошла передъ нами въ произведеніи Андреева трагедія Искаріота. Но душа Іисуса присутствуетъ тамъ, какъ неуловимый оттѣнокъ чего-то здѣсь не находящагося. Весь Іисусъ въ разсказѣ—это свѣтлая, тихая печаль и скорбь. И эта нѣжная, прозрачная, какъ воздухъ, печаль—ключъ трагедіи Христа, о которой нигдѣ не упоминается, нигдѣ не говорится. Это—время пребыванія Его въ пустынѣ и моленія Его о Чашѣ. Можно предполагать, что въ пустынѣ Іисусъ пережилъ величайшую трагедію, и въ Евангельскомъ сказаніи объ искупленіи Іисуса дьяволомъ можно видѣть намеки на нее. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ Іисусъ не могъ сразу и всесовершенно подчиниться Іисусу Богу... Несомнѣнно Іисусъ зналъ сверхчеловѣческія стремленія, и навѣрное въ первый разъ ощутилъ ихъ, когда удалился въ пустыню. Тамъ состоялось примиреніе Бога и человѣка. Но тамъ Іисусъ узналъ человѣка и тайну Своего воплощенія. Онъ почувствовалъ противорѣчіе сверхчеловѣка и Бога. И почувство-

вавши это, Онъ сознал, что Богъ еще не все. И вмѣстѣ съ этимъ Онъ созналъ, что долженъ побѣдить въ себѣ сверхчеловѣка, но для проявленія Его Божества нуженъ еще и сверхчеловѣкъ. Съ душою переполненной печалью, Онъ вышелъ на проповѣдь, человѣкомъ простымъ, слабымъ и довѣрчивымъ. То, отъ чего Онъ долженъ былъ отказаться, Онъ нашелъ въ Іудѣ. И съ «духомъ свѣтлаго противорѣчія» ученикамъ Онъ пошелъ на встрѣчу Іудѣ. Іисусъ въ Іудѣ чувствовалъ Себя и, въ тоже время, нѣчто совершенно другое — и врагъ и самый близкій, ближе брата былъ Ему Искаріотъ. И Онъ, точно такъ же, какъ Іуда, по отношенію къ Нему, уходя, приходилъ къ нему.

И вотъ двѣ великія души Бога и сверхчеловѣка слились въ поцѣлуѣ въ Гефсиманскомъ саду. И обѣ послѣ этого поцѣлуя не могли оставаться на землѣ, но оставили на землѣ душу человѣка съ постоянными колебаніями то въ сторону Іисуса, то въ сторону Искаріота.

Пришло же теперь время, когда, черезъ даль вѣковъ и, еще больше, черезъ глубину страданій души человѣческой, мы увидали нераздѣльно и вмѣстѣ Іуду и Іисуса. Но все же душа наша не можетъ принять ихъ, какъ одно.

Съ тѣхъ поръ какъ умеръ античный міръ и культъ красоты формъ потерялъ для насъ значеніе, съ тѣхъ поръ весь міръ, всѣ міровыя событія и жизнь души человѣка двигались впередъ мыслью Искаріота и сердцемъ Іисуса, и Искаріотъ постоянно насмѣхался надъ Христомъ, и лишь иногда торжествовалъ Христосъ.

Всѣ эти вѣка мы были дѣтьми Іисуса и Іуды и жили тѣмъ, чѣмъ жили отцы наши. И все это привело насъ къ раскрытію тайны великаго поцѣлуя: истина — все, и нѣтъ ничего, кромѣ истины. Но ужасъ смерти открываетъ намъ эта истина! Все истина, нѣтъ ни зла ни добра, ни Бога ни дьявола! Но какъ же жить? Вѣдь это смерть! Раскрытіе этой тайны принесло намъ смерть. Такъ надо, иначе нельзя. «Не оживетъ, аще не умретъ». Мы должны погрузиться въ смерть, чтобъ жить новою жизнью, если старую прожили. Мы сейчасъ переживаемъ то, что пережилъ Искаріотъ отъ Крестной смерти Христа до своей смерти. Мы тоже какъ онъ скоро будемъ спрашивать: — Что такое день? — Что такое солнце?

Хаосъ и смерть ожидаютъ насъ сейчасъ, а за ней и свѣтъ и жизнь.

Ал. Мирногоровъ

ОТЗЫВЫ О ПРИСЛАННЫХЪ ЖУРНАЛАХЪ И КНИГАХЪ

«Перевалъ». №№ 1—10. «Физіономія» этого журнала въ томъ, что у него нѣтъ никакой физіономіи. Идейная мѣшанина по рецепту: «кто во что гораздъ». Метафизическое кадетство, позитивное мѣщанство, салонный анархизмъ, индивидуализмъ, соборность, непріемлющіе, отрѣшенные, преображенцы, мистики. Словомъ *безликость* философская и соціальная. Но, по-своему, интересная. Характерная для нашихъ дней, когда такъ много «направленій» и — *ни одного пути*. Кто любитъ пребывать въ хроническомъ недоумѣніи, тяготѣетъ къ «парламенту мнѣній» — найдетъ въ «Перевалѣ» обильную и удобоваримую пищу.

Какъ журналъ искусства, «Перевалъ» опредѣленнѣе. Доминируетъ «новое

искусство». Но оно теперь разбилось на враждующие кружки, и «Перевалъ» и здѣсь вотъ-вотъ утеряетъ обликъ. Впрочемъ, изящная литература въ Перевалѣ удовлетворительна. Именно съ внѣшней стороны. Музыкальность, шлифованный слогъ, четкость формъ—нерѣдки.

Изъ разсказовъ обращаютъ вниманіе: «Молодые»—Б. Зайцева, «Снѣгъ»—В. Стражева, «Царица поцѣлуевъ»—Ѳ. Сологуба, «Зеленая вѣточка» Н. Пояркова и «Графинюшка» Ю. Череды.

Изъ стихотвореній: «Цвѣтная перевязь»—К. Бальмонта, «Открылъ окно»—А. Блока, «Панихида»—И. Бунина, «Бѣгство»—А. Бѣлаго, «Руанскій соборъ»—М. Волошина, «Морской Горбыль»—С. Городецкаго, «Язвы гвоздиныя»—В. Иванова, «Нюренбергскій палачъ»—Ѳ. Сологуба и «Женщина и дѣвушка»—Е. Тарасова.

Но, на-ряду, немало отвратительныхъ стиховъ. Ихъ авторы умѣютъ писать сногсшибательныя замѣтки, красно говорить объ искусствѣ и о чемъ угодно, но поэзія имъ кажетъ спину. Пакостная же муза А. Кондратьева, воспѣвающая «лицо» и «Леонарда»,—оскорбительное пятно. Ужъ лучше *голая* порнографія, чѣмъ эти фиговые листики *прозрачной* аллегоріи. Непріятно также дѣйствуетъ присутствіе бездарнаго знаньевца Телешова.

Статьи по вопросамъ искусства и рецензіи, въ большинствѣ случаевъ, интересны. И это лучшее, что есть въ «Перевалѣ». Музыкальный критикъ Б. Поповъ и художественный—П. Муратовъ ведутъ свои отдѣлы талантливо, умѣло. Выдѣляются оригинальныя критическія статьи И. Анненскаго («Гейне и его Романцеро» и «Брандъ») и остроумныя, сверкающія эрудиціей, рецензіи А. Бѣлаго. А. Бѣлый сразу «кладетъ» противника «на обѣ лопатки». Его рецензіи о второмъ альманахѣ «Шиповника» и «Перунѣ» С. Городецкаго—шедевры. Въ послѣдней есть такая фраза: «Катай-валяй—все пройдетъ: вали—мистическій анархизмъ вывезетъ». И хотя «Перевалъ» въ эстетическомъ отношеніи и интересенъ, но къ его «философскому и соціальному радикализму» смѣло можно примѣнить эту прелестную фразу А. Бѣлаго.

Анат. Бурнакинъ

«Золотое Руно». №№ 1—2. Къ «Золотому Руну» боязно прикасаться: слишкомъ дорогая вещь. Какъ бронзовые часы на купеческихъ подзеркальникахъ, накрытые стеклянными колпаками. Хозяинъ подводитъ къ нимъ гостя и объясняетъ:

— Стиль маркизы Помпадуръ-съ. Дорого содрали. Руками трогать нельзя.

Издатель «Золотого Руно» бросаетъ деньги не жалѣя.

Деньги катятся по паркету.

Мнѣ хочется говорить о сотрудникахъ «Золотого Руна», оцѣнивать ихъ не по достоинствамъ ихъ произведеній, а по тому, сколько они получаютъ. Другіе критеріи были бы здѣсь, пожалуй, не такъ умѣстны.

Редактора совсѣмъ не замѣтно: на первомъ планѣ—издательская мошна.

Надъ журналомъ виситъ окрикъ:

— Ироды въ линію! Фараоны, по мѣстамъ! За все плачу! Ходи изба, ходи печь.

Какой уважающій себя органъ, преслѣдующій художественные задачи, могъ бы подобно «Золотому Руну», объявлять конкурсы: сто цѣлковыхъ—первая премія, пятьдесятъ—вторая, тема конкурса—«Дьяволъ».

Весь первый номеръ 1907 года посвященъ Дьяволу. Простите за грубое сравненіе, но это похоже на дорогіе публичные дома, въ которыхъ—«для стиля» всѣ женщины одѣты или какъ бэбэ или въ подвѣнечныхъ платьяхъ съ флеръ-д'оранжемъ. Купцы любятъ стиль такого рода.

Тема «Дьяволъ». Роль редакціонной комиссіи сведена къ minimum'у: принять, отмѣтить и сдать въ типографію всѣ произведенія, какія будутъ присланы на эту тему. Иначе, мнѣ кажется, нельзя было бы объяснить появленіе разныхъ Доброхотовыхъ на страницахъ все-таки *художественнаго журнала.*

«Все куплю—сказало злато», и создало «Золотое Руно». Однако не слѣдуетъ забывать и другую пословицу: «Не все то золото, что блеститъ». Печать, краска блестятъ, клише—превосходныя, сдѣланныя въ лучшихъ мастерскихъ. Но художественный отдѣлъ ведется безпорядочно. Подборъ снимковъ картинъ въ рукахъ одностороннихъ художниковъ. Статьи по вопросамъ искусства отшибаютъ диллетантизмомъ. Какъ непосредственно художественный журналъ «Золотое Руно». имѣетъ сомнительное значеніе. Является рекламнымъ колоколомъ «Голубой Розы». Новоискусственная литература оставляетъ желать многаго. Разсказы и стихи «Золотого Руна»—очень дорогіе и препелѣпые шелковые цвѣты, которые у купцовъ обыкновенно бываютъ натыканы въ пузатыхъ вазахъ. Ни красы отъ нихъ, ни радости, а пыли много. Особенно это сказывается теперь, когда изъ «Золотого Руна», вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, ушла большая часть сотрудниковъ.

Таково «Золотое Руно», созданное подъ веселую руку. Въ него всажены, должно быть, уже великіе капиталы, и похоже, что оно скоро кончится. Хозяинъ закричитъ «грабятъ»! и схватится за карманъ. Мы порадуемся. Но еслибы въ «Золотомъ Рунѣ» была поставлена на соотвѣтствующую вышину личность *независимаго* редактора то «Золотое Руно», при его громадныхъ возможностяхъ, могло бы играть нѣкоторую роль. Правда, кривобокую, но, все-таки, менѣе унизительную, чѣмъ теперь.

Н. Фольбаумъ

«Корабли». Сборникъ стиховъ и прозы. «Весь доходъ съ этого изданія нашему другу—больному поэту. Участники сборника». Прочелъ всю эту *благотворительную* книгу. Вспомнилась наша украинская поговорка. «На тоби, небоже, що мени не гоже». Десятка четыре безкорыстныхъ литераторовъ, проникшись жалостью къ больному другу, извлекли имѣющійся у каждаго залежалый мусоръ, неразмѣненный на пятаки бракъ и *удружили...*

Представленъ чуть ли не весь «россійскій вертоградъ». Въ качествѣ пассажировъ перваго класса дефелирують—К. Бальмонтъ, В. Брюсовъ, А. Блокъ, А. Бѣлый, В. Ивановъ.

Вотъ «мексиканскіе лепестки» К. Бальмонта. Увядшіе, полинялые. Словно нарочито высушеные для благотворительнаго гербаріума въ учебникѣ геометріи

или въ полицейскомъ протоколѣ. Для наглядности нѣсколько выдержекъ. *Но такъ какъ* Небо—красота, красиволикій скрылся въ тучахъ». «*И всѣ мельчайшіе изгибы*». «*Малѣйшій звукъ*». *Мы точно* знали, гдѣ враги. «*Хотя* былъ хищникъ онъ». «Восторгъ кого то *былъ короче*». «*Хотя* онъ шествуетъ вездѣ». «И *потому* онъ духъ раздора». «Міръ пустыни... *превратилъ* во храмъ глубокій». «*Гдѣ возможно жить лишь рыбѣ*».

Хороши также— змѣя», которая «являла *бѣлость* бытія», а также.—

Путь до нихъ *обозначался*
Черезъ глубь его очей.
О, *недаромъ* межъ людей,
Онъ *недаромъ* назывался
Открывателемъ путей.

Этакъ, пожалуй, тотъ, передъ кѣмъ, дѣйствительно, когда - то были «всѣ поэты предтечи», допишется до «что и требовалось доказать» или еще чего-либо изъ элементарной геометріи.

Съ К. Бальмонтомъ состязается В. Ивановъ. Смѣшитъ меня его словено-астрономическій лепетъ о «микрокосмахъ» и «космахъ», объ «іерархіяхъ» и «стихіяхъ». Интересны двѣ строчки: «*Есть множество въ объихъ силъ* вселенныхъ». «*И вѣсъ одинъ на двойственныхъ вѣсахъ*». Отчего никто не посовѣтуетъ В. Иванову перевести въ стихахъ Фламмаріона?

Ѳ. Сологубъ, поэтъ съ своеобразной демонической физіономіей, почему-то преподноситъ беззубую перегнившую пошлость.—«*Огонь, пылающій въ крови*, меня не утомилъ».

Тонкій стилистъ В. Брюсовъ для «Кораблей» беззастѣнчиво рифмуетъ «любовь—кровь» «роковыя—Марія», «крови—твои». Вульгарно звучитъ: «*Тогда, всѣмъ горестямъ услада*, къ Маріи сходитъ *самъ* Христосъ». Зато хорошо его стихотвореніе «Къ циклу «Изведенные изъ ада», гдѣ воскресаетъ прежній Брюсовъ, сильный, мрачный, кипящій черной страстью.

А. Блокъ, умѣющій изрѣдка давать красивые образы, высказываетъ себя здѣсь импотентомъ образа.

Издали *локомотива*
Поступь тяжкая слышна.
Скоро Финскаго залива
Намъ откроется страна.

И у Блока не мало образчиковъ *математической поэзіи.*

И этотъ взоръ *не меньше* свѣтелъ,
Чѣмъ былъ въ туманныхъ высотахъ.

Бездна смысла въ слѣдующемъ. «*Замедлись, торопила* ты легкій, превечерній шагъ». Или въ этомъ.

Кончимъ. Тихо встанетъ съ креселъ,
Молчалива и строга.
Молвитъ каждому:—Будь веселъ.
— За окномъ лежатъ снѣга.

Балаганничаетъ А. Бѣлый. Отъ его, написанной на мотивъ «чижикъ-пыжикъ», «Хулиганской пѣсенки» разитъ прямо неприличнымъ отношеніемъ къ искусству.

Со святыми упокой
Придавили насъ доской.
Повалили въ кабачекъ.
Распивали тамъ чаекъ.
Жили были я да онъ.
Тили-тили-тили-донъ.

Такіе стихи могутъ вызывать только улыбку сожалѣнія.

Такъ пишутъ кормчіе «Кораблей»!

Правда, дали хорошіе разсказы изящно-задушевный Ив. Бунинъ («Счастье»), и упоенный пантеистъ-мистикъ Б. Зайцевъ («Земля»). Но все же это у нихъ далеко не лучшія вещи.

Нѣкоторые изъ заурядъ-пассажировъ — отнеслись къ «больному другу» добросовѣстнѣе. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Кузьмина. Его «Александрійскія пѣсни—дополнительныя» напоминаютъ бездѣлушки древнихъ. Солнце и свѣжесть въ разск. Ник. Пояркова: «Зеленое Царство». Здоровый мистицизмъ у П. Кожевникова.

Но остальные совсѣмъ оплошали. Это или ученическія подражанія русскимъ классикамъ и «своимъ старшимъ или же просто глупости. Напримѣръ.

Все ближе, все больше онъ.
Подошелъ. Берегись.
И ужасъ со всѣхъ сторонъ.
И мурлычетъ. И брысь.

Или же—

Дышетъ сердце мое
Холодный духъ
Благовонный
Духъ земляной.

Таковы «Корабли», которые меньше всего *корабли*. Напрасно на обложкѣ такъ старательно изображенъ корабль съ искривленнымъ посомъ. Было бы правильнѣе нарисовать фуру съ надписью: «Добрые люди, жертвуйте все, что вамъ не нужно».

Анат. Бурнакинъ

Александръ Галуновъ. «Вереница этюдовъ». Эта вторая книжка Галунова мнѣ нравится несравнимо меньше, чѣмъ первая. «Ad lucem»—стихотворенія въ прозѣ, за исключеніемъ четырехъ-пяти изъ нихъ, были такъ миніатюрно-изящны. Вереница этюдовъ», при той же психологической изысканности автора, непріятна своимъ утомляющимъ однообразіемъ. Еще—они растянуты, и отъ этого страдаютъ. А какъ хороши и оригинальны были тѣ, «Ad lucem».

Тамъ въ *каждомъ* стихотвореніи билось свое сердце и оттачивались новые образы. Удачнѣе я считаю второй отдѣлъ книги — «Цѣпь эскизовъ» — гдѣ авторъ съ любовью далъ художественныя характеристики старыхъ итальянскихъ и французскихъ художниковъ.

Н. Русовъ

Сергѣй Кречетовъ. «Алая книга». Стихотворенія. Изд. «Грифъ». Въ изданной на клякс-папирѣ и напоминающей тряпицу «Алой книгѣ» Сергѣя Кречетова 39 стишковъ. Изъ нихъ 16 такимъ размѣромъ:

Между скалъ, въ ущельи мглистомъ,
Тмя дыханьемъ небосклонъ,
Съ ярымъ шипомъ, съ тяжкимъ свистомъ
Вьется огненный драконъ.

7 стишковъ размѣромъ:

Что вижу? Руки простираешь,
Во прахъ склонился головой,
Ты раздѣлить мнѣ предлагаешь
Вѣнецъ и скипетръ міровой?

Основныхъ размѣровъ, словомъ, три-четыре. Въ 12 стихотвореніяхъ первое и послѣднее четверостишіе одинаковы. Правда, Кречетовъ пытается вносить разнообразіе. Если въ первомъ четверостишіи у него «плохо спится Маддаленѣ», то въ послѣднемъ — «и не спится Маддаленѣ», «пышно убранный дворецъ» замѣняется «раззолоченнымъ», а «встревоженное лицо» становится «испуганнымъ».

И многіе стишки въ книжицѣ доказываютъ, что ея авторъ со тщаніемъ читалъ Фета, Бальмонта, Брюсова и дальше по алфавиту. До того усердно, что не отдѣляетъ ихняго отъ своего. Жаль, что цитируетъ своими словами, своими размѣрами, забываетъ упоминать, что отъ кого.

Но такъ какъ Кречетовъ и самъ жаждетъ быть занесеннымъ въ книгу живота, то на ряду съ искаженными выдержками разсыпаетъ по тряпицѣ и свои стеклышки.

Разгонятъ красныя лампады
Вліянье тягостнаго сна.

А, это ты, мой братъ надменный,
Мой ненавистный властелинъ?

Опущу спокойно вѣжды,
Руки блѣдныя *простру.*

Только волны въ часъ послѣдній,
Разбиваясь о скалу,
Разгласятъ еще *побѣднѣй*
Дерзновенному хвалу.

Но нѣкій трепетъ жизни новой
Вездѣ таинственно разлитъ.

И безгромное (?) молчанье
Стало мертвой тишиной (?)

Не говори, что я страдалъ
Иначе мой побѣдный хохотъ...

Все это сонъ—*порожденье* томительной грезы.

Изъ такихъ сильныхъ выраженій слѣплены большинство стишковъ. «Гpromъ и молнія». Небывалая торжественность. У Кречетова даже діаконъ *почти* Брандъ:

Торжественно, въ ясной вѣрѣ
Діаконъ подъемлетъ орарь.

Все-таки Кречетовъ не безнадеженъ. Есть нѣсколько сносныхъ строчекъ, заставляющихъ думать, что «Алая книга» *только* неудачный первый опытъ, и пробуждающихъ слабую искорку надежды въ будущее ихъ автора. Напримѣръ, въ «Пѣсни о мертвомъ королѣ».

Анат. Бурнакинъ

Ник. Поярковъ. «Поэты нашихъ дней». Въ «критическихъ этюдахъ» Ник. Пояркова очень мало критики. Это сразу бросается въ глаза. Въ предисловіи онъ говоритъ: «символизмъ начинаетъ принимать опредѣленныя формы», и «доказываетъ»: Недавно и «Скорпіонъ» заявилъ, что символизмъ вполнѣ опредѣлился и выяснился. *Почтенное* книгоиздательство рѣшило издать рядъ избранныхъ произведеній самыхъ яркихъ выразителей символизма».

Самые же «критическіе этюды» — сплошной истеричный акафистъ «новому искусству». Для Ник. Пояркова рѣшительно все хорошо, все геніально, что базируется возлѣ «Скорпіона» и «Грифа». Конечно, Брюсовъ, Блокъ, Бѣлый, Вяч. Ивановъ интересные, талантливые поэты, но къ чему такое изступленное идолопоклонство! Вѣдь геніи единичное явленіе, а у Пояркова они на каждой страницѣ.

Достопримѣчательнѣй всего въ «критической» книгѣ—назойливое рекламированіе издательствъ. Выкрики «фирмъ» на каждомъ шагу рѣжутъ слухъ. «К-во «Скорпіонъ» проявило удивительную заботливость». «Надо привѣтствовать обѣщанное «Скорпіономъ» изданіе». «Заслуги «Скорпіона» для культурной читающей публики громадны». «Скорпіонъ привилъ любовь». «Несмотря на короткій срокъ существованія, «Грифъ» оказалъ значительную услугу». Недоумѣваю, отчего ужъ заодно, не приведено адресовъ рекламируемыхъ издательствъ. Быть можетъ, вразумленный читатель пожелалъ бы изъявить благодарность спасителямъ русской литературы.—Оплошность.

Книга «Поэты нашихъ дней» есть только ослѣпленная влюбленность. Но широкій читатель въ ней можетъ усмотрѣть или «publicitée» или же порожденіе круговой поруки (въ которой небезосновательно упрекаютъ представителей «новаго искусства»). Недурныя мѣста—этюды о Бальмонтѣ, Бунинѣ и Сологубѣ. Написаны безъ пристрастія. Любовная и серьезная оцѣнка.

Анат. Бурнакинъ

Ѳ. Сологубъ. „Истлѣвающія личины", изд. „Грифа". Удачнѣе всѣхъ писателей откликнулся на „недавнія событія" и художественно преломилъ ихъ въ себѣ Ѳ. Сологубъ. Къ жизни онъ подходитъ не обычнымъ путемъ. Не вдается въ тонкости позитивнаго изображенія, не протоколируетъ, не выбрасываетъ прокламацій. Его пріемъ—психологія дѣтей. Въ непосредственной простотѣ, въ примитивномъ реализмѣ встаетъ доподлинный Ужасъ, спадаютъ Маски съ „истлѣвающихъ Личинъ". Ѳ. Сологубъ не знаньевецъ, но у него *душа возмущенная*. Его произведенія имѣютъ *всегдашнюю* цѣнность.

ЖУРНАЛЫ, СБОРНИКИ И АЛЬМАНАХИ ВЪ 1907 ГОДУ

Петербургскіе журналы. Толстые журналы съ отдѣломъ беллетристики и стиховъ—это теперь какой-то досадливый анахронизмъ, портящій искусство. Какъ будто стихи и разсказы имѣютъ такую же мѣсячную цѣнность, какъ политическія обозрѣнія и прочая злободневность. Такъ и случилось, что журналы обезцвѣтились въ этомъ смыслѣ. И въ пяти-шести выходящихъ въ Петербургѣ ежемѣсячникахъ почти нечего отмѣтить: сѣро, однообразно и невыносимо... скучно. Ну *что* на самомъ дѣлѣ? „Нашумѣвшій" романъ Арцыбашева? Его, разумѣется, можно считать за *кое-что*, на журнальномъ безрыбьи признать рыбой. Самъ по себѣ онъ является вульгаризаціей ницшеанства въ лицѣ Санина, рѣчи котораго, напр., о христіанствѣ, напоминаютъ лепетъ неофита. И вопросъ *пола* рѣшенъ грубо, такъ сказать, подъ одну скобку во всѣхъ своихъ противорѣчіяхъ. Ну, гдѣ Арцыбашеву до Достоевскаго! Съ позволенья сказать, мелко плаваетъ. Вѣдь у него нѣтъ ни сложности, ни борьбы, ни страданій, всего *рокового*, что превращаетъ полъ въ трагедію, а не въ идиллію.

„Тутъ есть нѣкая тайна", сказалъ по этому поводу многоопытный В. В. Розановъ...

Я укажу еще на два разсказа Дим. Крачковскаго: „Купеческій сынъ" въ „Трудовомъ пути" и „Три дня" въ „Образованіи" (май). Послѣдній разсказъ замѣчателенъ своимъ замысломъ вскрыть тайный источникъ неуловимой психической тягости въ отношеніяхъ человѣческихъ.

Вотъ и все, немногое, что есть не мѣсячнаго въ петербургскихъ журналахъ.

Ник. Русовъ

Сборники т-ва «Знаніе». „Стѣны“ Найденова даютъ тонъ всему XV сборнику. И когда прочтешь эту скудную, нисколько не новую по своимъ мотивамъ и дѣйствующимъ лицамъ пьесу, слабую и въ техническомъ смыслѣ, еще болѣе нуднымъ и сѣрымъ покажется все остальное въ «Сборникѣ», за однимъ исключеніемъ...

Это вѣрно, что Елена не производитъ никакого впечатлѣнія. И черты ея блѣдны. Героизмъ не виденъ. Смѣлость не оттѣняется окружающимъ, ибо оно *черезчуръ слабо*. Кто же *теперь* боится всякихъ стѣнъ? и кто не стремится изъ-подъ ихъ власти? Это рядовое явленіе. Главная мужская фигура, — Артамонъ—вообще не интересенъ, потому что броженіе его неопредѣленно и, какъ таковое, не можетъ захватить насъ. Люди изъ буржуазной среды, которые «умомъ смутились» и не могутъ видѣть «никакого безобразія», но которые понять его и справиться съ нимъ не въ состояніи, для нихъ «міръ огромный, и идетъ въ немъ ерунда страшная», такіе стихійные протестанты и недовольные уже отмѣчены и стали трафаретами подъ перомъ Чехова, Горькаго, Чирикова... Замыселъ пьесы и эти вѣчныя взаимныя непониманія родителей и дѣтей, все это—староепрестарое. Такое общее впечатлѣніе подтверждается деталями. Развѣ вамъ не примелькались Осокинъ, Копейкинъ и Матреша? А типы, какъ Кастьяновъ и Максимъ Сусловъ, напоминаютъ уже такую старину, какъ Писемскій и Островскій... Весь первый актъ какъ будто не имѣетъ отношенія ко всей драмѣ.

Стихотвореніе Скитальца—образецъ поэтической пошлости, и даже для этого автора является мертвымъ и тягучимъ. Ни одного образа своего, и хоть бы одинъ эпитетъ яркій. Ну что это, вотъ эти строки:

Цвѣтущія дѣвы и *пышно-одѣтыя* дамы
Гуляли, смѣялись, забавно играли словами
И *ѣли конфекты*, ихъ въ *пурпурный ротикъ* бросая.
Античною ручкой *бряцали* онѣ на рояли,
И *звучно* неслись надъ рѣкою Бетховена (!) *звуки*.
Мужчины же, важные, сытые, съ плотной осанкой,
На воздухѣ свѣжемъ *все время лишь пили да ѣли*.
И, вкусный обѣдъ плотоядно и строго смакуя,
Виномъ золотистымъ обильно его поливали.
Они говорили, увѣренно, громко и важно,
О томъ, будто ими народъ избалованъ,
Что твердая власть лишь одна успокоитъ голодныхъ.
О бѣдномъ народѣ заботливость такъ выражая,
Они наѣдались, оружье сложивъ на тарелки.

Здѣсь, что ни слово, то—прелесть. Я *подчеркнулъ* только выдающееся. И какая «тонкая иронія»,—особенно въ двухъ послѣднихъ стихахъ. И такіе «озаряющіе» эпитеты: вкусный обѣдъ, свѣжій воздухъ... Но еще великолѣпнѣе выражены негодованіе поэта:

И рѣчи ихъ были такъ лживы и грубы,
Что, полный презрѣнья, я внизъ торопливо спустился,

стихи почти ювеналовскіе.

„Интервью“ М. Горькаго примитивно по своему содержанію и натянуто по своему остроумію.

Разсказъ А. Серафимовича и Н. Телешова обычны для своихъ авторовъ и съ художественной стороны ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Одинаковое умѣнье использовать интересный сюжетъ и давать сносныя описанія и такое же безсиліе въ области психологіи.

Признаюсь, драматической фантазіи Е. Чирикова не дочиталъ до конца. Что хотите, но ужъ это совсѣмъ не въ его родѣ.

Хороши нѣкоторыя стихотворенія Ив. Бунина.

Въ 16, 17 и 18 сборникахъ есть три крупныя вещи. изъ нихъ только двѣ блестящихъ. Во-первыхъ, «Искушеніе св. Антонія» Г. Флобера, нѣсколько сухо переведенное Бор. Зайцевымъ. Но отъ этого оно не утратило своего *холоднаго* величія, поражающаго многоцвѣтнымъ сверканіемъ. У Флобера величіе именно холодное, внѣшнее,—и въ искушеніяхъ св. Антонія нѣтъ внутренней, интимной боли, соблазновъ не головныхъ, не историко-лингвистическихъ, или грубо-животныхъ (деньги, явства и т. п.), а соблазновъ страсти и острыхъ инстинктовъ, искушеній богоборчества, богобезсилія, что не даетъ намъ оторваться отъ Доствоевскаго.

Наравнѣ съ Флоберомъ блеститъ Л. Андреевъ. Объ его «Іудѣ» надо писать отдѣльно, здѣсь я только указалъ бы, что въ андреевскомъ Христѣ мнѣ не кажется второй Нѣкто въ Сѣромъ, или вообще что-то *сѣрое*, безликое. Если вглядѣться, въ немъ есть черты очень *живыя*, просвѣчиваетъ кое-что „человѣческое, слишкомъ человѣческое“. Именно въ отношеніяхъ къ Іудѣ: эта внутренняя слабость, невозможность для нѣжнаго и изящнаго Христа побороть свое инстинктивное отвращеніе къ ужасному и непонятному Іудѣ, какъ онъ этого теоретически, можетъ быть, хотѣлъ, какъ онъ это *долженъ* былъ сдѣлать. Эта нескрываемая неровность въ обращеніи, нѣкая брезгливость, эстетизмъ души,—черты, вовсе не присущія тому безстрастному и безразличному, кто именуется „Онъ“.

Третьей крупной вещью можно назвать повѣсть М. Горькаго, однако не заключающую въ себѣ ничего оригинальнаго и далеко не высокую по своей изобразительной силѣ.

Скиталецъ написалъ лишнюю стихотворную пошлость. Вересаевъ помѣстилъ отчеты о своемъ пребываніи на войнѣ (нѣсколько поздновато!), изъ оставленнаго Н. Гаринымъ литературнаго наслѣдства опубликовали зачѣмъ-то большую повѣсть. Эхъ, напрасно! Вѣдь ужъ умеръ человѣкъ, ну и Богъ съ нимъ!

Въ 17 сборникѣ находятся также стихотворенія А. Черемнова.(?)

Ник. Русовъ

«Ссыльнымъ и заключеннымъ». изд. «Шиповника». Участники этого сборника.—Андреевъ, Арцыбашевъ, Купринъ, Чириковъ, Мельшинъ и много-много другихъ литературныхъ «именъ».

Л. Андреевъ далъ «Елеазара». Фатализмъ, который возводится Андреевымъ въ символъ вѣры въ «Жизни человѣка», еще съ большей силой, давитъ чита-

теля въ «Елезарѣ», можетъ быть потому съ большей силой, что и сама форма, такая красивая и образная, сильнѣе подчеркиваетъ авторскій замыселъ.

Фатализмъ и въ разсказѣ Арцыбашева «Подпрапорщикъ Гололобовъ».—У всякаго въ жизни есть моментъ, когда неизбѣжность смерти вырисовывается съ особенной рельефностью, когда она преслѣдуетъ, мучитъ. Жизненныя загадки отодвигаются, если не совсѣмъ заслоняются, неумолимымъ призракомъ. Въ то время какъ Леонидъ Андреевъ въ «Елезарѣ» поетъ гимнъ фатализму, духовному небытію, герой разсказа Арцыбашева побѣждаетъ страхъ смерти. Подъ лучами солнца, подъ вліяніемъ красивой природы страхъ испаряется. Заключительный аккордъ пантеистическій. Но разсказъ не оставляетъ должнаго впечатлѣнія: какъ будто написанъ двумя авторами,—до того тона разсказа различные, до того конецъ не связанъ съ началомъ, сшитъ съ нимъ бѣлыми нитками. Отъ конца вѣетъ прописной моралью: одно торжествуетъ, другое наказуется.

Живо,—съ неподдѣльнымъ юморомъ написанъ разсказъ Куприна—«Какъ я былъ актеромъ». Сочность и красочность тоновъ,—характерная черта Куприна, при все-освѣщающемъ оптимизмѣ, при знаньи изображаемой среды, дѣлаетъ каждое произведеніе Куприна легко и пріятно читаемымъ.

Многочисленные разсказы и стихи остальныхъ «именъ»—ремесленныя произведенія, въ которыхъ есть все, что угодно, кромѣ художественности. Это все макулатура на книжный рынокъ для того сорта читателей, которыхъ можно подкупить «гражданскими мотивами» прописной моралью, нравоученіями.

Вл. Волинъ

«Сѣверные сборники» изд. «Шиповника», кн. 1-я. «Могенсъ» Іенса «Якобсена—какъ бы предтеча «Пана» Гамсуна. Та же красота формы и мысли, то же отсутствіе страсти; тайна пола занимаетъ такъ же, какъ и въ «Панѣ», центральное мѣсто. Она затронута изящно, тонко. Но безъ огненнаго размаха. Красиво, но холодно. Ласкаетъ глазъ, но мало говоритъ сердцу. «Могенсъ»—типичное для датчанина сантиментальное, красивое, стройное произведеніе: оно не будитъ души, не пробуждаетъ мысли. Слишкомъ растянутое, оно подъ конецъ трудно читаемо. Непреодолѣвающій сильныхъ душевныхъ потрясеній, изящный поэтъ.

Красиво оживляетъ образы прошлаго Сельма Лагерлефъ: въ стилѣ средневѣковой легенды написаны ея «Семь смертныхъ грѣховъ». Мысль, какъ и въ легендахъ средневѣковья, лубочно-простая, но выполненіе художественное. Овѣянные колоритностью образовъ и сравненій, живо проходятъ передъ читателемъ «семь смертныхъ грѣховъ».

«Преступникъ» Стринберга носитъ въ себя всѣ типическія черты творчества Стринберга. Стринбергъ—крайній реалистъ, психологъ. «Преступникъ»—интересный психологическій этюдъ. Но нѣтъ въ этомъ суровомъ изображеніи отдѣлки; совершенная противоположность отточено-красивому Якобсену. Размахъ у Стринберга выливается въ некрасиво-безпорядочную форму,—у Якобсена нѣтъ размаха, зато изящество и красота формы.

Любовью къ жизни, бьющимъ ключемъ оптимизма проникнуты произведенія

Банга. Онѣ не глубоки, стары по мысли, но залиты солнцемъ. Широкая, розмашистая манера письма. Его «Четыре бѣса»—изящно отдѣланная бездѣлушка. Его «Ея Высочество»—немного монотонная новелла.

Вл. Волинъ

Второй альманахъ «Шиповника». Скучно-претенціозный бытовикъ Муйжель окончательно губитъ и безъ того слабый второй альманахъ. Вотъ образчикъ муйжельскихъ образовъ. «Туманъ, какъ ворчливый звѣрь»... Это туманъ то! А вотъ муйжельская манера письма. «Мелькали два-три костра и *шевелилось что-то. Тамъ были бараки, и теперь копошились рабочіе, готовился ужинъ*». Итакъ вся повѣсть. Архи-декаденское «шевелилось что-то» *рядомъ* съ натуралистическомъ поясненіемъ «копошились рабочіе» со всѣми подробностями до цвѣта и вкуса варившейся похлебки. Такъ Муйжель описываетъ картину *издали*. Когда же онъ описываетъ *вблизи*, то ужъ совсѣмъ можно задохнуться въ морѣ ненужныхъ подробностей. Отъ повѣсти разитъ портянками. О комъ бы Муйжель не заговорилъ, сейчасъ же сообщаетъ полную его біографію. Напримѣръ: «Это какъ давеча Стригуновъ»! И вслѣдъ за этимъ сообщеніе автора: «Стригуновъ былъ рабочій... Когда-то онъ былъ... Но онъ заболѣлъ»...

Муйжелю помогаетъ проваливать книгу С. Городецкій. Его стих. «Русь»—неуклюжая пошлость о «гнетѣ невыносимомъ» и «дѣвушкахъ», которыя «правдой юности святы (!). Его «Веснянка»—безпардонная чушь, заканчивающаяся голой откровенностью Тверского бульвара. Какъ это вамъ понравится:

Милый, на!
Чѣмъ тебѣ я не весна?

Разсказъ А. Койранскаго «Холодъ» интересенъ только, какъ предостереженіе для богемы, ѣдущей зимой въ Парижъ. Прескверные камины въ Латинскомъ кварталѣ! Дуть въ пальцы приходится.—И въ этомъ трагедія разсказа.

А. Блокъ перепѣваетъ самого себя. Опять «кубокъ», «факелъ», «поясъ», «бубенцы». (Послѣдніе, напр., достаточно ужъ звенѣли въ «Балаганчикѣ»).

И поютъ и гаснутъ въ полѣ
Бубенцы да огоньки.

Красиво, но пахнетъ Пушкинымъ. А. Блокъ необычайно любитъ повторять свои прежніе немногочисленные образы и этимъ выдаетъ свое безсиліе. Во второмъ стихотвореніи, напримѣръ, у него очень красивая фраза.

И музыка преобразила
И *обожгла твое лицо.*

«Музыка обожгла лицо»—это прекрасно, сильно. Но мысль, что *это* теперь будетъ встрѣчаться на каждомъ шагу, расхолаживаетъ впечатлѣніе, убиваетъ вѣру въ А. Блока.

Изъ стихотвореній И. Бунина хорошо только «Въ петровъ день». Сколько искренности, смѣлости, размаху и холодной нѣжности.

Мы изъ рѣчки на откосы,
На опушку изъ березъ,
На бѣгу растреплемъ косы,
Упадемъ съ разбѣгу въ росы
И до слезъ
Щекотать другъ друга будемъ,
Хохотать и на зло людямъ
Мять овесъ.

Но, мнѣ кажется, что конецъ стихотворенія, начиная со словъ «Мы нагія» лишній. Ослабляется впечатлѣніе. Чувствуется гонорарная длиннота.

Выручаютъ альманахъ разсказы Ив. Бунина и Б. Зайцева. «У истока дней» Бунина—психологія дѣтской души, соприкасающейся съ тайной. Мягкій налетъ кроткаго пессимизма. Въ «Маѣ» Б. Зайцева сліяніе «мая» расцвѣтающаго юношескаго сердца съ маемъ въ природѣ. Но чувствуется нѣкоторый «размахъ неопытности». Какая-то *захлебывающаяся* жизнерадостность. Кошмаръ веселыхъ словъ захлестываетъ, мѣшаетъ образованію яснаго представленія.

Циклъ примитивныхъ рисунковъ А. Бенуа—«Смерть» не производитъ впечатлѣнія. Слишкомъ ужъ это примитивно. Напримѣръ—Смерть съ косой. Только изъ «Поединка» выглядываетъ настоящій Бенуа. Плащъ Смерти нарисованъ какъ вихрь, какъ гребень бѣлаго пламени. Окутаетъ человѣка этотъ плащъ, и сгоритъ сознаніе въ бѣломъ пламени.

Анат. Бурнакинъ

«Факелы», сборникъ, кн. 1-я. Въ этой книгѣ хороши только нѣкоторыя стихотворенія. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Вячеслава Иванова, въ отшлифованныхъ стихахъ котораго полнозвонно вздымается гармонія. Особенно блестяще начало «Парнаса».

Осіянъ алмазной славой,
Снѣговерхій, двоеглавый,
Въ день избранный,—ясногранный, за лазурной пеленой
Узкобрежной Амфритриты,
Гдѣ купаются харпты,—
Весь прозрачностью повитый и священной тишиной,
Ты предсталъ, Парнасъ вѣнчанный, въ день избранный предо мной.

Въ «Дифирамбѣ» Вяч. Иванова—«Факелы» красивъ только конецъ.

Изъ хаоса родимаго,
Гляди, звѣзда, звѣзда!..
Изъ *нѣтъ* непримиримаго
Слѣпительное *да!*..

Хотя и красиво, но претенціозно. Бѣдные стихи! У всѣхъ вы орудіе пропаганды. То васъ душилъ соціализмъ, теперь обрушивается мистическій анархизмъ и Эросъ...

Глубина, сердечность и простота въ «Осенней волѣ» А. Блока. Особенно запоминаются двѣ строчки.

Вотъ оно, мое веселье, пляшетъ
И звенитъ, звенитъ, въ кустахъ пропавъ.

Побольше бы было у А. Блока *такихъ* строчекъ, и я бы сказалъ ему: вы—большой поэтъ. Но *такія* строчки у него рѣдки. И А. Блокъ остается для меня вундеркиндомъ. Что-то говоритъ мнѣ, что въ этомъ состояніи А. Блоку суждено пребывать во-вѣки. Онъ все обѣщаетъ. Но, боюсь, ничего не дастъ. За таинственной занавѣской только пустота, только танцующій перепѣвъ самаго себя...

Плохіе стихи у В. Брюсова и А. Бѣлаго. Комичны они оба въ костюмахъ гражданскихъ пѣвцовъ. Хотя В. Брюсовъ и говоритъ дѣльныя слова: «Ломать я буду съ вами, строить—нѣтъ», хотя и хорошо, что «строить» онъ не будетъ, но развѣ этимъ *разсужденіямъ* мѣсто въ поэзіи. Стихи гибнутъ въ холодѣ голой идеи. Не спасаетъ ихъ ни ея благородство, ни маска аллегоріи.

У С. Городецкаго, какъ и у Блока, красивы только отдѣльныя фразы.

Серпъ серебрянный повѣсилъ,
Звѣзды числилъ, мѣрилъ, вѣсилъ...

Сѣялъ дождикъ, нѣжилъ зерна,
Растилалъ коверъ узорный.

А дальше, по обыкновенію, городецкія грубости. Здѣсь же и извѣстное прекрасное стихотвореніе Ив. Бунина «Сѣверная березка».

А. Б.

«Юность». Сборники №№ 1 и 2. «Юность». Журналъ № 1. Сборники «Юность» преобразованные потомъ въ журналъ того же названія отталкиваютъ отъ себя, главнымъ образомъ, возмутительно-бездарными рисунками «лесбіанскаго» характера, мѣсто которымъ совсѣмъ не на страницахъ литературно-художественнаго изданія. Такое «художество» достойно только заборовъ и «00». Оставляютъ болѣе благопріятное впечатлѣніе второй сборникъ и первый номеръ журнала. Умѣстны бѣглыя замѣтки Ник. Пояркова объ иностранныхъ писателяхъ и тошнитъ отъ его приторныхъ дифирамбовъ «новому искусству». Море похвалъ. Но если похвалы А. Блоку—голосъ искренняго восхищенія предъ блоковской музой, то уже меньше всего я вѣрю въ искренность любезнаго отзыва Ник. Пояркова о стихахъ С. Кречетова. Не такъ давно онъ считалъ ихъ холодными... Если бы въ «Юности» было поменьше слащавой апологетіи, побольше строгой мысли, да поприличнѣе рисунки, то журналъ могъ бы быть интереснымъ.

А. Б.

«Литературно художественная Недѣля» №№ 1—4. Москва. Сентябрь—Октябрь, 1907. Появленіе «Литературно-художественной Недѣли» — газеты, посвященной исключительно искусству, нужно было бы только привѣтствовать. Но содержаніе «Недѣли» предостерегаетъ отъ этого. «Недѣля»—узко-партійный органъ «новаго искусства». Даже не всего «новаго искусства», а маленькой группы его. Именно — половинчатыхъ индивидуалистовъ и расколотыхъ соборянъ. Другими словами, «Недѣля»— органъ сидящихъ *на* двухъ стульяхъ. Тонъ направленію «Недѣли» пытается задавать Б. Грифцовъ. Увлекающійся господинъ. Въ прошломъ году онъ пропагандировалъ А. Бѣлаго, въ этомъ — возводитъ въ пророки А. Блока. Блокъ—вѣчно на кончикѣ языка Б. Грифцова. О чемъ бы не говорилъ, непремѣнно съѣдетъ на своего идола. Блокоманія. Но отъ этой болѣзни излѣчитъ Б. Грифцова время, какъ оно уже излѣчило его отъ А. Бѣлаго.

Отсутствуетъ критическая оцѣнка и въ статьяхъ «О новомъ театрѣ». Отчего не сказать.—Да, хорошо. Смѣло. Красивое дерзаніе. Но еще много ошибокъ и несуразностей. —Такъ нѣтъ. — Все хорошо. Мало того. — Геніально Мало того. Богъ Мейерхольдъ. Богъ А. Блокъ. Отъ сотворенія міра не было лучшихъ.— Неужели такія похвалы подвинутъ дѣло впередъ? *Онѣ* ли нужны «новому» театру? Верхъ неприличія статья Товарища Валерія, просящая покупать «Недѣлю». Непріятное впечатлѣніе отъ нея сглаживается послѣ статьи А. Бѣлаго о «Жизни Человѣка»—«Смерть или возрожденіе». Водопадъ искреннихъ огненныхъ мыслей. Здѣсь и «отповѣдь стилизаторамъ», и серьезно обоснованная и безусловно вѣрная градація «стиля» и «слога», и выпуклая характеристика тѣхъ, кто дурачитъ и кожу выдаетъ за душу, и смѣлый анализъ творчества Л. Андреева. «Л. Андреевъ... покончилъ съ... одному ему вѣдомымъ творческимъ компромиссомъ». И *мнѣ* это кажется. Но, скажу, - если онъ десять лѣтъ пребывалъ въ «компромиссѣ», то на что же онъ теперь можетъ рѣшиться. «Компромиссъ» — безсиліе. Если онъ рѣшится уйти отъ безсилія, то дорога одна — въ молчаніе...—Вполнѣ своевремененъ честный, смѣлый фельетонъ Н. Пояркова «О фюмистахъ, рекламистахъ и пр.». Въ немъ Н. Поярковъ говоритъ о новомъ явленіи въ русскомъ искусствѣ о фюмизмѣ —саморекламированіи. Славная статья. Но въ «жреческомъ» органѣ она—диссонансъ. Особенно рядомъ съ фюмистическимъ фельетономъ Товарища Валерія.

Не менѣе, чѣмъ «шедевры» Товарища Валерія, неумѣстны и литературныя пародіи Касьяна В. Мнѣ кажется, что публикѣ *не нужно* знать объ «удѣльномъ». «Жрецы религіи» сами развѣнчиваютъ себя, спускаются въ болота, откуда они, якобы, ушли. Касьянъ В. терпимъ только на веселыхъ редакціонныхъ собраніяхъ.

Анат. Бурнакинъ

ТЕАТРЪ КОММИССАРЖЕВСКОЙ ВЪ МОСКВѢ

Метерлинкъ былъ поставленъ ново, интересно, но не вездѣ художественно-выдержанно. Странно, почему надо было выбрать двѣ наислабѣйшія пьесы изъ всей громадной драматической сокровищницы „творца новыхъ рифмъ и новыхъ словъ“.

Краса Метерлинка въ мистицизмѣ; символическій мистицизмъ, лишенный грубыхъ придатковъ, охватываетъ душу вопрошающаго зрителя и читателя.

„Чудо странника Антонія“ и „Сестра Беатрисса“ лишены всепроникающаго мистицизма, лишены *тайны*: это ясныя, простыя, временами очень простыя, аллегорическія сказанія, облеченныя въ драматическую форму.

Правдивая мысль: Метерлинкъ можетъ ожить, можетъ воспріять всю силу вліянія только въ театрѣ маріонетокъ. Въ постановкѣ Художественнаго театра Метерлинкъ погибъ, и вотъ Мейерхольдъ задался цѣлью его воскресить.—Въ *стилизованномъ театрѣ*, въ „*балаганчикѣ*“, и только въ немъ, могутъ быть выражены новыя слова—вотъ „вѣрую“ Мейерхольда.

Стилизація постановки, возвращеніе къ старымъ шекспировскимъ временамъ, возможна ли она теперь! Вѣдь тогда она осуществлялась при полной свободѣ „я“ артиста: теперь же постепенно все больше суживается проявленіе на сценѣ индивидуальнаго творчества артиста, теперь картина общаго, цѣлаго главенствуетъ надъ страстями и горемъ „единаго“, теперь для осуществленія стилизаціи нужна необычайная мощь коллективнаго таланта. И вотъ проявляетъ ли театръ Коммиссаржевской эту „мощь таланта“, осуществляетъ ли онъ художественно стилизацію?

Постановка „Чуда странника Антонія“ пріятно чаруетъ зрителя старой выдержанностью. Люди двигаются какъ говорящія тѣни синематографа, стильность пластики создаетъ въ каждый данный моментъ *живую картину*, и, если отбросить излишнюю утрированность движеній Кюре и Виржини, получается оригинально выполненный „балаганчикъ“. Нѣтъ, правда, захватывающей репродукціи, нѣтъ внутренней жизни, но въ этомъ отчасти повинна и сама пьеса, въ которой не выявляются *тайны жизни;* пьеса не въ мѣру проста.

„Сестра Беатрисса“ была поставлена уже безъ общаго, единаго для всѣхъ, тона. На ряду съ пластично двигающейся группой монашенокъ, наряду съ воспроиз-

веденіемъ въ „балаганчикѣ“ *метерлинковскаго* XIV вѣка, раздавался рѣзкій голосъ принца Беллидора, котораго артистъ Давидовскій изображалъ такъ, какъ изображаютъ на провинціальныхъ сценахъ „любовниковъ-героевъ“. Вносился комично бытовой тонъ священникомъ, котораго игралъ какой-то очень неопытный актеръ, раздавались, наконецъ, въ *кукольной* обстановкѣ *жизненныя* ноты и въ игрѣ самой Каммиссаржевской. И общее впечатлѣніе отъ „Сестры Беатрисы“ не въ пользу театра: не выдержанно, а потому скучно.

„Вѣчная скука“ Пшибышевскаго—странная драматическая поэма. Въ непривычной для своихъ произведеній формѣ Пшибышевскій оживляетъ все ту же старую, пронизывающую всѣ его творенія, мысль о тлѣнности всего земного: нетлѣнна только любовь. Любовь эта—та ось, вокругъ которой вращается своебразный талантъ уже отцвѣтающаго польскаго писателя. Тайники этого божественнаго чувства безконечно раскрывались Пшибышевскимъ, но, погружаясь въ эти тайники, онъ открываетъ тамъ все новые и новые источники.

Любовь въ „Вѣчной сказкѣ“ безтѣлесна, безплотна,—непривычная для Пшибышевскаго съ его кипучей страстью любовь; это произведеніе характеризуетъ собой упадокъ художественнаго пониманія Пшибышевскаго; онъ облекаетъ чудную, полную музыки, любовь Короля и Сонки въ тяжеловѣсную форму драматической поэмы съ совершенно ненужными аттрибутами. И впечатлѣніе раздвоенное: восхищаешься прелестью и красотой словъ и возмущаешься тягучестью и длиннотами формы, той общей формы, въ которую облечены и содержаніе и музыка словъ.

Пшибышевскій уже не вполнѣ для театра „маріонетокъ“; безтѣлесности Метерлинка здѣсь уже нѣтъ. Хотя „Вѣчная сказка“ наиболѣе „*безтѣлесное*“ драматическое произведеніе Пшибышевскаго, но, все-таки, ее нельзя игратъ „балаганчику“.

Коммиссаржевская это поняла: ея Сонка не была стилизованной, ея Сонка жила и чувствовала, и всетаки это не была Сонка Пшибышевскаго; и это непониманіе выяснялось сквозь музыку словъ въ исполненіи у всѣхъ артистовъ.

Для „Вѣчной сказки“ мало жизни въ постановкѣ Мейерхольда. И, всетаки, „Вѣчная сказка“ производитъ даже у Мейерхольда впечатлѣніе: такова сила гармоніи словъ.

„Балаганчикъ“ Александра Блока—онъ не пріемлемъ для обыденнаго воспріятія, для слуха обывателя, безпечнаго консерватора въ вопросахъ искусства.

Непріятіе жизни, сущаго міра, претворяющагося во всеобъемлющую пошлость, злая сатира на реализмъ, въ которой сосредоточено все самое характерное для творчества Блока,—вотъ „Балаганчикъ“.

И безукоризненно задумана его постановка, виденъ чуткій, понимающій Мейерхольдъ. Вполнѣ удачному выполненію мѣшали всѣ тѣ же причины.

Еще одно слово: ничѣмъ необъяснимая страсть къ громаднымъ купюрамъ. Она уродуетъ всѣ постановки, она затуманиваетъ смыслъ произведенія. Побольше уваженія къ авторамъ: вѣдь часто они пишутъ кровью сердца.

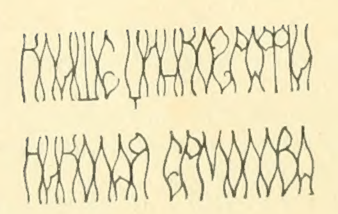
Передъ тяжелой загадкой стоитъ Мейерхольдъ: гдѣ правда? Я полагаю, что для Метерлинка и Блока, она въ „маріонеткахъ“, въ стилизаціи постановки. Осуществляетъ ли ее Мейерхольдъ? Нѣтъ онъ пытается ее воплотить, не имѣя средствъ, при отсутствіи талантливой труппы, безъ коллективнаго талантливаго;

для воскрешенія, при современныхъ условіяхъ драматическаго искусства, стилизаціи мало имѣть въ труппѣ одного или двухъ талантливыхъ, тутъ всѣ должны быть талантами, я бы сказалъ, геніальными актерами. И еще одно прискорбное открытіе: меньше чѣмъ кто либо подходитъ для „куклы", для „маріонетки" сама Коммиссаржевская, съ ея звенящимъ, скорбнымъ, чуднымъ, постоянно *жизненнымъ* голосомъ. Она геніальна, но геній другой формаціи: она не проникнетъ въ тайны „балаганчика", она не сможетъ ихъ воспроизвести.

Пока же это все попытка: интересно ее посмотрѣть, много проблесковъ но нѣтъ захвата,- нѣтъ всеобъемлющей силы.

В. Волянъ

Альманахи. «Бѣлый Камень» редактируетъ Анат. Бурнакинъ

Рисунки и текстъ печатались въ типографіи К. Л. Меньшова, въ Москвѣ.

Изд-во
„Маска“
MCMVII
Москва
60 коп